

11-50
150
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

150

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

150

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

1782617

Писать разборчиво

Шифр

17-86

Краткие сообщ.
Института Археологии

СТАТЬИ

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ

Проблема истории древнерусской деревни все еще принадлежит к числу недостаточно исследованных. В значительной степени это объясняется тем, что разработка данной проблемы, которая велась в основном по письменным источникам¹, во многих ее аспектах невозможна без привлечения археологического материала. Между тем раскопки древнерусских поселений производятся в очень небольших масштабах. И только сравнительно недавно появилась возможность обобщить накопленный в той или иной области археологический материал².

В течение многих лет Верхнеокская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством автора проводит раскопки и разведки археологических памятников на территории Орловской и Калужской областей по рекам Оке, Навле, Неруссе, Вытебети, Нугрю, Кроме, Сосне, Угре, Жиздре. В результате этих работ открыто и обследовано около ста неукрепленных сельских поселений эпохи Древней Руси³.

В настоящей статье, посвященной основным итогам этих исследований, рассмотрены следующие вопросы: 1) топография, 2) размеры, 3) хронологическая классификация и 4) планировка сельских поселений⁴.

Топография селищ. Первым и преобладающим типом поселений на рассматриваемой территории является приречный тип. Сюда относятся селища, культурный слой которых тянется неширокой полосой вдоль берега реки (иногда на ее излучине). Протяженность поселений 200—500 м, ширина — от 40—60 до 100—150 м. Такие селища известны по берегам рек Неруссы, Навли, Оки, Вытебети, Угры.

Так, например, на левом берегу р. Навли, у северо-западной окраины с. Сомова (Шаблыкинский р-н Орловской области), против Большого Слободского городища селище (Сомово I) имело протяженность вдоль излучины Навли 350 м, ширину — 70 м (рис. 1, 1). Культурный слой, состоящий из черной супеси, толщиной от 0,6 до 1,5—2 м насыщен гончарной керамикой, по своему облику близкой глиняной посуде городища Слободки (XII—XIII вв.). В обрыве берега четко вырисовываются контуры землянок, хозяйственных ям и развалов глинобитных печей.

Подобное же селище (Сомово IV) открыто в средней части с. Сомова, на надпойменной террасе также левого высокого берега р. Навли (рис. 1, 2). У подножия селища проходит старица Навли. Поселение простирается по ее излучине на расстояние 300 м, ширина площадки, занятой культурным слоем (в направлении с севера на юг), — от 90 до 130 м.

Редакционная коллегия:

И. Н. Воронин, О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), Н. Н. Гурина,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. В. Шелов, А. Л. Якобсон

Культурный слой состоит из темной супеси и хорошо виден в обресе берега. Селище распаивается и испорчено современными постройками. (В стенке старой силосной ямы хорошо видна разрушенная древняя глинобитная печь.) В культурном слое селища обнаружена гончарная керамика с линейным и волнистым орнаментом типа Слободского городища (XII—XIII вв.).

Разновидностью этого типа селищ являются поселения, культурный слой которых был вытянут по краям оврагов. Такими были, например, селища у дер. Угра, на правом берегу р. Угры (рис. 1, 3) и близ дер. Росва (рис. 1, 4).

Ко второму типу поселений относятся селища, расположенные на дюнных всхолмлениях или на высоких естественных грядах, отстоящих от коренного берега реки от 60 до 200 м. Одним из таких поселений на дюне является хорошо известное селище у дер. Лебедки. Дюнное всхолмление, на котором обнаружен культурный слой, находилось в 400 м от левого берега р. Цон. Селище вытянуто (вдоль берега реки) на 280 м, ширина его — от 30 до 60 м. Толщина культурного слоя была от 0,2 до 0,6 м, а в сооружениях — до 1,2 м. Поселение существовало с VIII по середину XIII в. и было, очевидно, разгромлено в период нашествия Батыя⁵.

Вариантом этого типа поселений являются селища, возникшие на небольших всхолмлениях между речкой и впадающим в нее ручьем. Такие поселения также открыты на правом берегу р. Навля, в 1,5 км от дер. Слободки вниз по течению реки (Сомово XIII) и в дер. Курган (в 1 км от дер. Святое). На четырех дюнах расположено селище II у дер. Большой Михайловки (рис. 2, 1).

К третьему типу поселений относятся селища, расположенные на мысах высоких коренных берегов рек при впадении в них небольших речек или ручьев. Такие селища известны как в юго-западной и западной частях рассматриваемой территории (реки Нерусса, Навля, Угра, Протва), так и в восточной (р. Упа).

Интересны результаты раскопок селища у дер. Беницы, занимавшего высокий мыс, образованный правым берегом Протвы и впадающей в нее р. Межовкой (Боровский р-н Калужской области). Культурный слой селища ярко выделяется на пашне своим интенсивно-черным цветом. Площадь селища 10 тыс. кв. м. Раскопки его велись в 1960—1962 гг. А. В. Успенской⁶. Поселение Беницы упоминается в Уставной грамоте 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича⁷. Основываясь на размере дани, взимаемой с Бениц, автор раскопок полагает, что это селение являлось административным центром погостом, к которому тяготел ряд других более мелких поселений⁸.

К этому же типу относится селище в пос. Кромы (Орловская область), раскопки которого проводились Верхнеокской экспедицией в 1973 г.⁹ Селище расположено на высоком левом берегу р. Кромы при впадении в нее р. Недны. Протяженность его вдоль берега реки около 500 м, ширина 200—300 м. Территория селища систематически распаивается под огороды.

На поселении было заложено два раскопа общей площадью около 240 кв. м. Открытые постройки и найденные в них вещи убеждают в том, что поселение существовало с VIII—IX до XIV—XVII вв. В нижнем горизонте культурного слоя обнаружен котлован землянки с лепной роменской керамикой, глиняными прислицами и, что особенно любопытно, фрагментами лепных сосудов салтовского типа. Постройки верхнего горизонта культурного слоя с глубоким подпольем и глинобитными печами, а также хозяйственные сооружения относятся к XIV—XVII вв. Этот слой датируется богато представленной красноглиняной, белоглиняной и чернолощеной керамикой, а также обломками поливных и неполивных изразцов. Культурный слой XII—XIII вв., к сожалению, нарушен

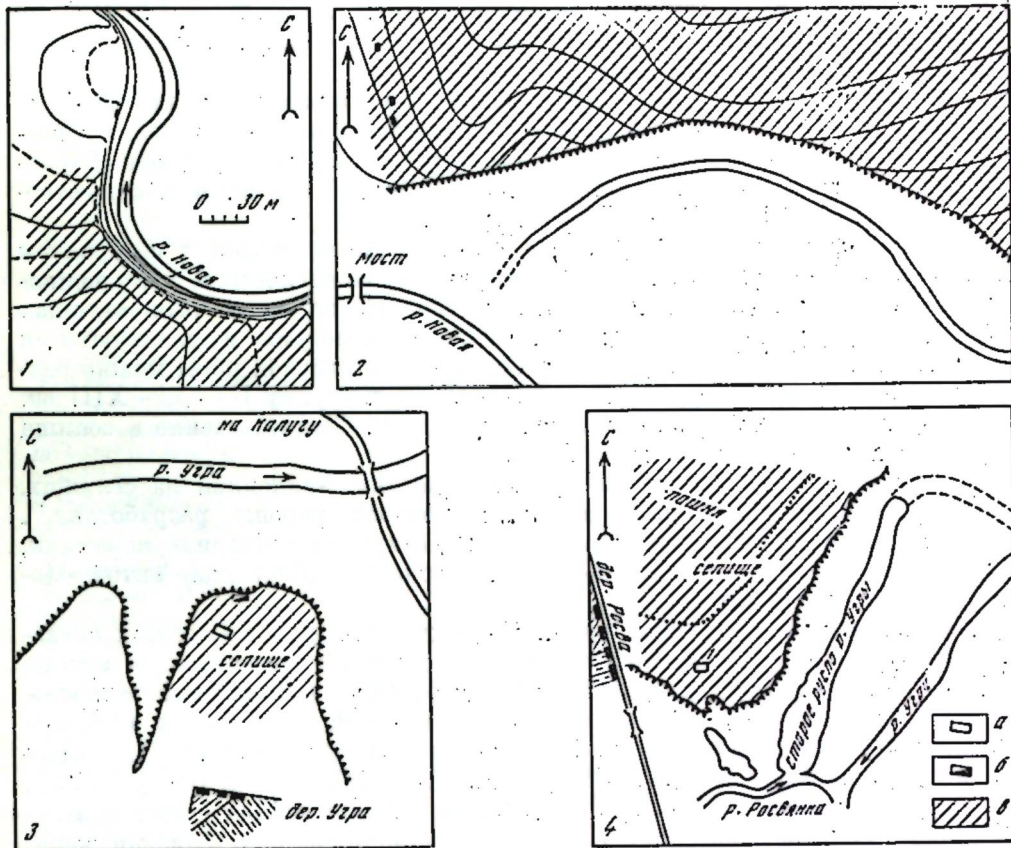

Рис. 1. Планы селищ

1 — Сомово I; 2 — Сомово IV; 3 — у дер. Угра; 4 — у дер. Росва; а — шурф; б — современные постройки; в — распространение культурного слоя

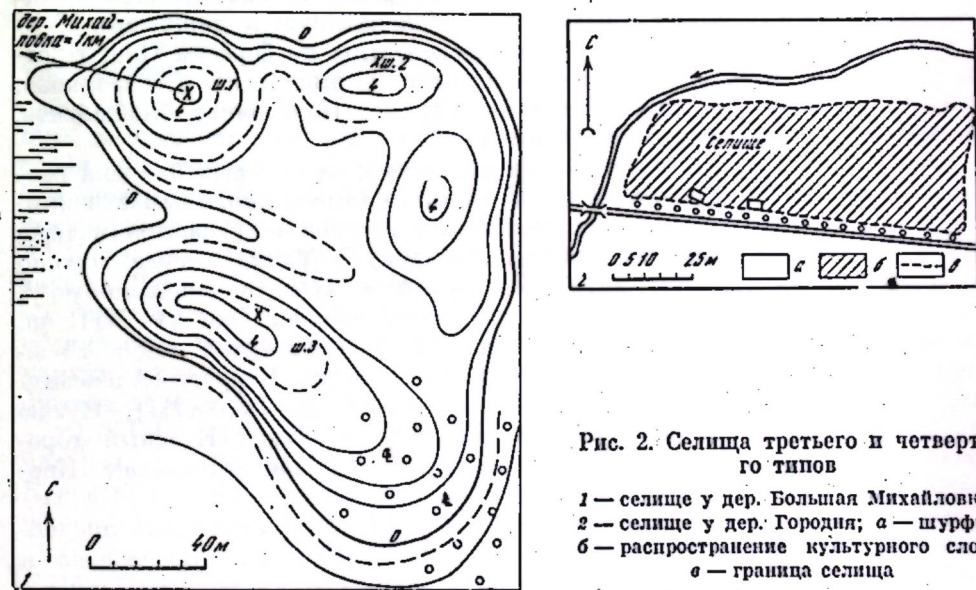

Рис. 2. Селища третьего и четвертого типов

1 — селище у дер. Большая Михайловка; 2 — селище у дер. Городня; а — шурфы; б — распространение культурного слоя; в — граница селища

сооружениями более позднего времени и представлен только находками гончарной посуды с линейным и волнистым орнаментом, обломками стеклянных браслетов и шиферными пряслицами.

К четвертому типу относятся селища, расположенные вдали от берега реки, на ровных невысоких плато, которые в настоящее время заняты пашней или пастбищем. Таким было, например, селище у дер. Городня (Калужская область), занимавшее площадь 3300 кв. м и существовавшее с VIII—X до XVI—XVII вв. (рис. 2, 2).

Хронологическая классификация селищ. Самым массовым материалом и вместе с тем основным источником для хронологической классификации поселений является керамика. Поскольку на некоторых селищах фрагменты керамики найдены совместно с монетами и датирующими предметами, весь керамический материал домонгольской поры можно разделить на две части: группу А — VIII—X вв. и группу Б — XI—XIII вв. Керамика XIV—XVII вв. составляет группу В. Соответственно и селища можно разделить на группы А, Б и В.

Эталоном для проверки датировки керамики, найденной на селищах, служит курганная посуда, хронология которой хорошо разработана¹⁰. Вместе с тем использована типология и датировка гончарной керамики, собранной на некоторых верхнеокских городищах (Слободка, Титово-Мотыка, Ждамирово и др.)¹¹.

Самой многочисленной группой среди известных нам селищ оказалась группа А — 7,87%. Большая часть поселений относится к группе Б — 31%. Поселения группы В послемонгольского времени также немногочисленны — 13,72%. На некоторых селищах найден материал двух или даже нескольких хронологических этапов, и поэтому дополнительно выделены группы АБ (13,72%), АВ (5,88%), АБВ (13,72%) и БВ (14,09%).

В группу А входят селища, на которых найдена лепная посуда ромеянского и волищевского типов, а также раннегончарная, близкая керамике Гнездовских курганов. Такая посуда наиболее хорошо представлена в материалах селища и курганов с трупосожжениями у дер. Лебедка¹² и селища у дер. Беницы¹³. Подобные же сосуды известны и по раскопкам курганов с трупосожжениями у с. Доброе и дер. Западная¹⁴. Однотипная керамика известна на некоторых славянских поселениях бассейна Десны, Сейма и Псла и других рек Днепровского левобережья, в частности на Новотроицком городище, где она датируется диргемами IX—X вв.¹⁵ Поселения VIII—X вв. (рис. 3) известны по берегам Оки, Протвы, Калужки, Жиздры, Зуши и Вытебети (Камельзино, Степаньково, Беницы, Лебедка, Городня, Желохово, Верхнее Подгоричье, Жабынское, Береговая, Воротынцево, Михайловка II)¹⁶.

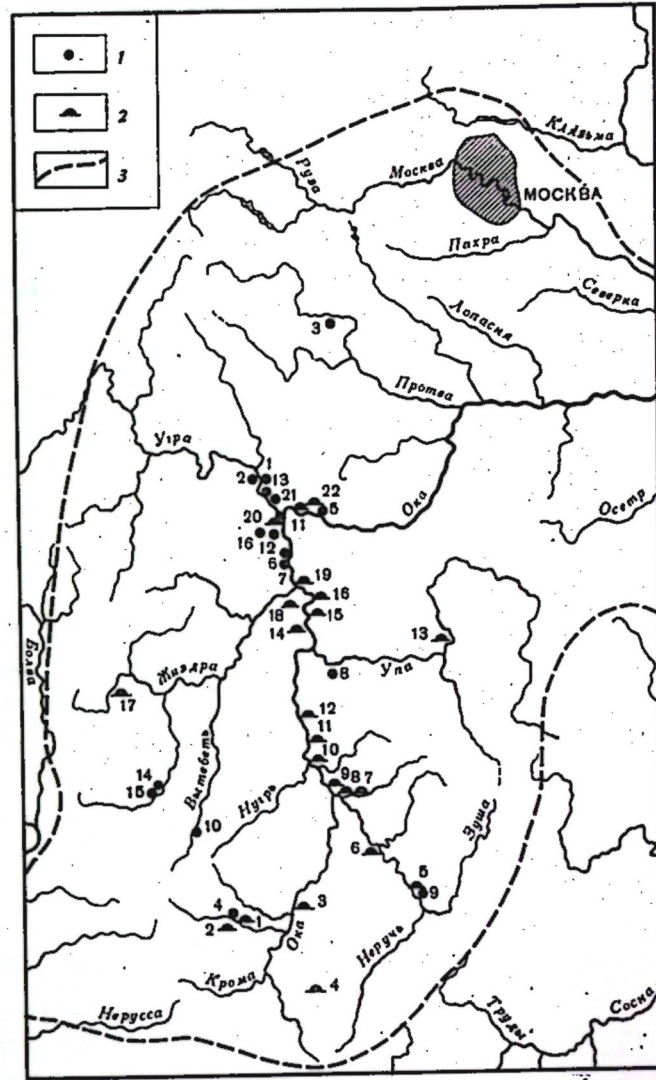
В группу Б объединены сельские поселения, на которых найдена гончарная керамика так называемого курганного типа с линейным и волнистым орнаментами. На днищах некоторых сосудов встречаются клейма (IV и V группы керамики селища Лебедки)¹⁷. Такая посуда хорошо известна по материалам вятичских курганов с трупозолжениями¹⁸, а также на древнерусских городищах бассейна верхней Оки XI—XIII вв. Сельские поселения XI—XIII вв. известны как в западной, так и в восточной частях Земли вятичей. Они открыты по рекам Неруссе (Александров), Навле (дер. Курган, Слободка I, Сомово II, IV, XIII), Нугрю (Рожково, Большая Чернь), Жиздре (Подборки), Угре (Красный городок), Упе (Сатинка), Раковке (Спасское), Оке (Спас и Городок), Кроме, Ретяжи.

На некоторых поселениях, основанных в XI—XIII вв., жизнь продолжалась и в послемонгольское время — в XIV—XVII вв. (Богородское и Рядово на р. Оке, Голдаево на Нугре, Большое Кричино на Неруссе, Мисайлово IV на р. Сосне, Росва I на р. Угре, Харитоновка на Рессете).

В группу В входят поселения, возникновение которых относится к послемонгольскому времени. Массовым материалом, найденным на сели-

Рис. 3. Селища и курганы VIII—X вв.

- 1 — селища;
2 — курганы;
3 — граница Земли вятичей (по В. В. Седову с дополнениями автора). Селища:
- 1 — Камельзино;
  - 2 — Степаньково;
  - 3 — Беницы;
  - 4 — Лебедка;
  - 5 — Городня;
  - 6 — Желохово;
  - 7 — Верхнее Подгоричье;
  - 8 — Жабынское;
  - 9 — Воротынцево;
  - 10 — Михайловка II;
  - 11 — Росва;
  - 12 — Воротынск (?);
  - 13 — Красный городок;
  - 14 — Рессета;
  - 15 — Харитоновка;
  - 16 — Льговка. Курганы:
  - 1, 2 — Лебедка;
  - 3 — Плоты;
  - 4 — Спасское;
  - 5 — Воротынцево;
  - 6 — Мценск;
  - 7 — Городище;
  - 8 — Никитино;
  - 9 — Шлыково;
  - 10 — Воронец;
  - 11 — Песковатое;
  - 12 — Голубочки;
  - 13 — Трианово;
  - 14 — Городок;
  - 15 — Западная;
  - 16 — Доброе;
  - 17 — Солонovo;
  - 18 — Кудиново;
  - 19 — Вороново;
  - 20 — Слевидово;
  - 21 — Устье Калужки;
  - 22 — Ждамирово

щах, по-прежнему является керамика: красноглиняная и краслощенная, серая, белоглиняная и чернолощенная. Классификация и хронология этой посуды хорошо разработаны¹⁹. В наших памятниках наиболее полно эта керамика представлена на Кромском селище²⁰. Селища XIV—XVII вв. открыты по рекам Оке (Тагино), Угре (Озерна I, II, Палатки), Росве (II), Курье (Турье), Сосне (Петровка I, Михайлово III).

Размеры селищ. При обследовании селищ размеры их обычно определялись по распространению культурного слоя и находкам древней керамики (если площадка поселения распаивается). Площадь селищ, открытых дерном, выяснялась шурфовкой.

С VIII—X по XIV—XVII вв. наблюдается постепенное уменьшение размеров сельских поселений. Если самые ранние селища (Русаново, Красный городок, Михайловка II) имели довольно значительные размеры — от 2,5 до 6 га, то в XI—XIII вв. преобладают поселения с площадью около 0,5—1 га. И хотя в это время известны поселения размером до 2 или даже 4 га, однако они, как правило, являются двухслойными и их возникновение относится к VIII—X вв. В послемонгольский период поселения еще более мельчают²¹. Селища же более крупных размеров обычно многослойны.

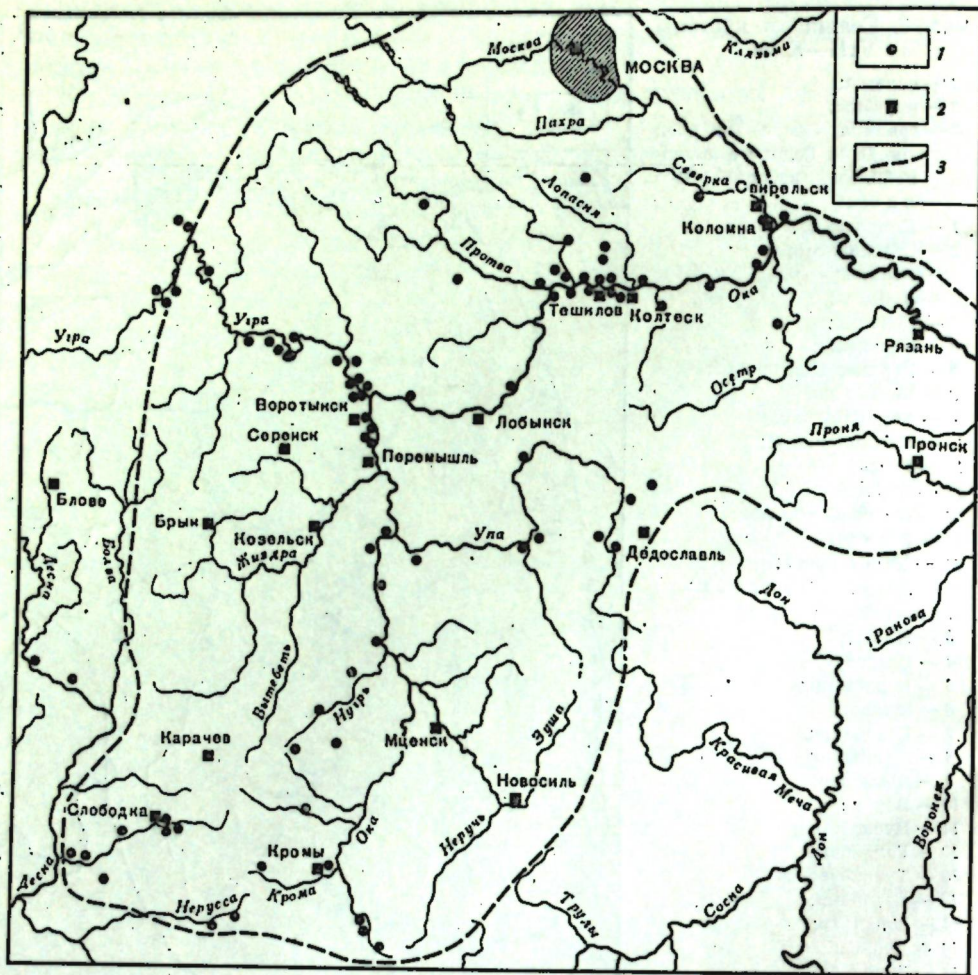

Рис. 4. Поселения XI—XIII вв.
1 — селища; 2 — города; 3 — граница Земли вятичей

Планировка или застройка поселений тесно связана с их расположением на местности. Поскольку большинство древнерусских селищ бассейна верхней Оки, так же как и других соседних областей, вытянуто вдоль берегов рек, а иногда вдоль кромки оврагов, естественно предполагать, что основным типом застройки была прибрежно-рядовая, включающая в себя приречно-рядовую и овражно-рядовую²². На некоторых поселениях это можно было установить даже при разведках, так как черные пятна котлованов полуземлянок были четко видны в обрыве берега (Сомово I, Степаньково). Кроме прибрежно-рядовой, существовала еще и кучевая застройка. Последняя характерна для селищ, расположенных на дюнах, естественных грядах, а иногда и на мысах. Так, при раскопках селища Беницы обнаружены остатки восьми наземных срубных жилищ разного времени. Четыре жилища XI—XII вв., возможно, существовали одновременно и были расположены в два ряда с интервалом 80 м. По-видимому, все открытые жилища были обращены окнами к реке²³.

Кучевая застройка сельских поселений известна по раскопкам селища у дер. Лебедки. Здесь в средней части поселка открыты остатки трех полуземлянок VIII—X вв., поставленных почти вплотную друг к другу (расстояние между постройками от 0,5 до 3,5 м)²⁴.

Незначительное количество раскопанных селищ не позволяет установить закономерность в застройке поселений в каждый отдельный хроно-

логический период. Возможно, правы те исследователи, которые пришли к выводу, что кучевая застройка более характерна для раннего периода истории (VIII—X вв.)²⁵.

Итак, на основании краткого обзора неукрепленных сельских поселений Земли вятичей можно сделать следующие выводы.

Заселение славянами бассейна верхней Оки и ее наиболее крупных притоков началось в VIII—X вв.²⁶ Отсюда славянское население постепенно расселилось вдоль среднего течения Оки (в пределах будущего Рязанского княжества)²⁷, а также по верхнему и среднему Дону²⁸. Расцвет Земли вятичей, связанный с интенсивным развитием пашенного земледелия и ремесла, происходит в XII—XIII вв. К этому времени относится наибольшее количество сельских поселений, появляются города — центры ремесла и торговли (рис. 4).

Монгольское нашествие на Русь, разорившее и опустошившее и Землю вятичей, привело к некоторому упадку духовных и материальных сил ее обитателей. Однако после небольшого перерыва внутренний процесс поступательного развития культуры и здесь дает свои свежие ростки: в XIV—XV вв. возрождается жизнь на многих заброшенных в период катастрофы поселениях, возникают новые деревни, села, города.

- ¹ Киселев С. В. Поселение. — «Труды Секции теории и методологии Ин-та археологии и искусствоведения РАНИОН», 1928, вып. 2; Воронин П. И. К истории сельского поселения феодальной Руси. — ИГАНМК, 1935, вып. 138.
- ² Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. — ПИДО, 1934, № 11—12; Довженко В. И. Феодальный маоток в эпоху Киевской Руси в свете археологических данных. — «Археология», 1953, т. VIII, с. 10—27; Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — «Труды ГИМ», 1956, вып. 32; 1959, вып. 33; 1967, вып. 43; Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). — МИА, 1960, № 92.
- ³ Работа велась совместно с Орловским и Калужским управлениями культуры и краеведческими музеями. В разное время в составе экспедиции принимали участие сотрудники Института археологии АН СССР А. В. Куза, Т. В. Равдина, М. Д. Полубояринова, И. К. Фролов, С. С. Ширинский. В статье использованы также некоторые неопубликованные и архивные материалы разведок археологических памятников в Тульской (см.: Изюмова С. А. Археологические разведки в 1951 г. в Тульской обл. — КСНИМК, 1953, вып. 52, с. 68), Московской и Рязанской областях.
- ⁴ При классификации поселений использованы выводы крупнейшего дореволюционного исследователя В. П. Семенова-Тян-Шанского (Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. — «Записки РГО по отделению статистики», 1910, т. X, вып. 2), а также некоторых советских этнографов (Витов М. В. О классификации поселений. — СЭ, 1953, № 3).
- ⁵ Никольская Т. И. Древнерусское селище Лебедка. — СА, 1957, № 3, с. 176, 177, рис. 1.
- ⁶ Успенская А. В. Древнерусское поселение Беницы. — «Ежегодник ГИМ за 1962». М., 1964, с. 216—218, рис. 1, 2.
- ⁷ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, с. 156. Кроме Беницы, в грамоте Ростислава Смоленского упоминаются и другие поселения, однако археологически они пока неизвестны. Это Добрытино — волостной центр на левом берегу р. Пахры (Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, с. 75), Бобровницы — волостной центр в бассейне р. Протвы (там же, с. 71, 75 и карта), Исконя — волостной центр на р. Исконя, притоке Москвы (там же, с. 68, 69).
- ⁸ На противоположном, левом берегу Протвы, в 1 км от селища, известна группа курганов; возможно, что здесь в древности было и поселение, разрушенное впоследствии при устройстве современного нам кладбища.
- ⁹ Селище впервые было обследовано в 1952 г. М. В. Фехнер (см.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., с. 184, № 367).
- ¹⁰ Сизов В. И. Курганы Смоленской губ., вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. — МАР, 1902, № 28, с. 101—114; Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 92—93.
- ¹¹ Никольская Т. И., Полубояринова М. Д. Раскопки древнерусских городищ Орловской обл. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 63; Никольская Т. И. Археологические раскопки в 1961—1962 гг. в Калужской обл. — КСИА, 1964, вып. 102, с. 81, типы 1, 2, 4.
- ¹² Никольская Т. И. Древнерусское селище Лебедка, с. 176; она же. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. — МИА, 1959, № 72, рис. 29, 1, 4, 6.

- ¹³ Успенская А. В. Указ. соч., с. 222.
- ¹⁴ Изюмова С. А. Курганы у с. Доброе Тульской области.—СА, 1970, № 1, с. 193, рис. 1, 2; она же. Курганный могильник VIII—X вв. около дер. Западной.—СА, 1964, № 2, с. 155, рис. 2, 10—15, с. 161, рис. 3, 10—13.
- ¹⁵ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое.—МИА, 1958, № 74, с. 32, 39, рис. 18, 2; 22, 23; Гончаров В. К. Посад и Сельские поселения коло Райковецкого городища.—В кн.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Київ, 1949, с. 31—46; Кузаренко Ю. В. В кн.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Київ, 1949, с. 31—46; Кузаренко Ю. В. Раскопки на городище и селище Хотомель.—КСИИМК, 1957, вып. 68, с. 90—97; Березовец Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр.—В кн.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. V. Київ, 1955, с. 49.
- ¹⁶ Кроме сельских поселений в бассейне верхней Оки, к этому времени относятся и многочисленные погребальные памятники славян — курганы с труносожжением (см.: Седов В. В. Ранние курганы вятичей.—КСИА, 1973, вып. 135, с. 10).
- ¹⁷ Никольская Т. И. Древнерусское селище Лебедка, с. 194—196, рис. 16, 4 5; 17.
- ¹⁸ Бульчов И. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. I, 4; XXIII, 5; XXVI, 17; XXIX, 6; он же. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. I, 5; VI, 1—16; VII, 1—3, 5—7, 9; X, 1—5, XI—I, 2; он же. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913, табл. I, 1—11; Арциховский А. В. Курганы вятичей, с. 93.
- ¹⁹ Рабинович М. Г. Гончарная слобода в Москве в XVI—XVIII вв.—МИА, 1947, № 7, с. 57; Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII—XVIII вв.—САИ, 1968, вып. Е1-39, с. 12—19, 28—30, 43—47.
- ²⁰ Статистическая обработка керамического материала Кромского селища проведена Т. В. Равдиной.
- ²¹ Такая же картина наблюдалась и на соседней территории Верхнего Поднепровья, в Смоленщине (Седов В. В. Указ. соч., с. 23, 25).
- ²² Витов М. В. Указ. соч., с. 27—37; Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения.—«Труды ГИМ», 1956, вып. 32, с. 15—17.
- ²³ В ранний период своего существования, в X в., поселение Беницы, возможно, имело кучевую планировку, однако с уверенностью об этом говорить нельзя, так как к этому периоду относятся только два жилища, расположенных в центральной части поселения на расстоянии 15 м друг от друга (Успенская А. В. Указ. соч., с. 219, 220). Как установлено этнографами, планировка сельских поселений не постоянна и может претерпеть изменения даже за короткий промежуток времени в зависимости от тех или иных социально-экономических условий (Витов М. В. Указ. соч., с. 34—36).
- ²⁴ Никольская Т. И. Древнерусское селище Лебедка, с. 179, рис. 2, 1.
- ²⁵ Киселев С. В. Указ. соч., с. 57—58; Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, с. 28.
- ²⁶ Седов В. В. Ранние курганы вятичей, с. 10—16.
- ²⁷ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 85.
- ²⁸ Москаленко А. И. О возникновении древнерусских поселений на Дону.—В кн.: Вопросы истории славян, вып. 2. Воронеж, 1966, с. 144.

Е. Н. НОСОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА СТАРОЙ ЛАДОГИ

Данные о типах жилых построек и характере планировки Старой Ладogi в древнейший период ее истории, полученные во время многолетних раскопок Староладожской археологической экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса, прочно вошли в советскую и зарубежную археологическую литературу и играют важную роль в решении общих вопросов начальной истории Старой Ладogi. В настоящее время проблема преемственности культуры древнерусского слоя Ладogi X в. (горизонт Д) и более ранних слоев VIII—IX вв. (горизонт Е) практически сводится к вопросу о преемственности в домостроительстве этих горизонтов.

Исследователи при общих исторических построениях опираются на схему домостроительства Старой Ладogi, предложенную В. И. Равдоникасом. Согласно его точки зрения, характер жилых построек горизонтов Е и Д резко отличен: если для горизонта Д типичны небольшие квадратные жилые дома (длина стен 3,7—6 м) с печью в углу, то для го-

ризонта Е характерны обширные жилые постройки площадью от 42 до 120 кв. м с печью посередине помещения. Кроме того, если в горизонте Д тесно стоящие жилые дома образуют уличный порядок, то в горизонте Е дома свободно раскинулись на площади, образуя вместе с хозяйственными пристройками «целостные жилые гнезда»¹.

В. И. Равдоникас и его последователи (Г. П. Гроздильов, К. Д. Лаушкин) полагают, что отмеченные особенности в домостроительстве горизонтов отражают происшедшие среди однородного славянского населения Ладogi изменения социально-экономического порядка. По их мнению, постройки горизонта Е — славянские жилища патриархально-семейного типа, в которых обитал коллектив близких родственников в количестве 15—50 человек, а квадратные избы горизонта Д — жилища малой славянской семьи, состоявшей из шести-семи человек². Такое объяснение, как писали В. И. Равдоникас и К. Д. Лаушкин, дополнительно подтверждается тем, что различия в материалах горизонтов Е и Д наблюдаются лишь в характере построек, в то время как сама строительная техника и общий облик материальной культуры ладожан остались без существенных изменений, и нет никаких «неоспоримых признаков быстрой смены культур» в Ладогe³. Изложенные выводы археологов получили признание в советской исторической литературе, особенно в трудах историков-антипорманистов⁴.

Но существует и иная тенденция в объяснении причин резкой смены домостроительных традиций в Ладогe. Так, некоторые ученые, соглашаясь с тем, что дома X в. (горизонт Д) принадлежали славянам, считают, что постройки VIII—IX вв. (горизонт Е) оставлены иной этнической группой населения. Г. Ф. Корзухина полагает, что в VIII—IX вв. на ладожском поселении жили финны, а «славянских материалов в древнейших слоях Ладogi совсем нет»⁵. Х. Арбан склоняется к финской или норманской принадлежности построек горизонта Е⁶. Не исключает возможности того, что «ладожские большие дома нижнего горизонта по своему происхождению являются местными финскими», В. В. Седов⁷.

Проведенное нами изучение полевой документации Староладожской экспедиции В. И. Равдоникаса (полевые чертежи и дневники) показало, что схема развития ладожского домостроительства, предложенная В. И. Равдоникасом и лежащая в основе всех последующих исторических построений и дискуссий, требует пересмотра. Дело в том, что тип квадратного жилого дома с печью в углу, который все исследователи признают безусловно славянским, появился не внезапно в X в. (горизонт Д), как полагали ранее, а существовал уже в начальный период жизни Ладogi.

В древнейшем слое Ладogi — горизонте Е,⁸ — наиболее хорошо сохранившаяся постройка данного типа была открыта раскопками 1948 и 1950 гг.⁹ (рис. 1). Она представляла собой четырехугольный бревенчатый сруб, ориентированный стенами по странам света, с печью в юго-западном углу. Бревна стен (длина 4,60—4,68 м), сохранившиеся на оди-два венца, рубились «в обло» с чашей и пазом в нижнем бревне. Дополнительно бревна окладного венца укреплялись вбитыми вплотную к ним кольями. Под бревна первого венца были подложены бревна-подкладки, а под углы сруба (кроме юго-восточного угла) — известняковые плиты.

Остатки печи сохранились в виде плотного развала валунного камня в юго-западном углу сруба. Печь была сооружена на опечке размером 1,40 м (север — юг) на 1,50 м (запад — восток). Опечек представлял собой забутовку валунным камнем, лежащим в несколько слоев, пространства, ограниченного с юга и запада углом сруба, с севера — лагой-переводной пола, а с востока — поставленной на ребро вытесанной плахой. Под печи находился на уровне пола. Достаточных оснований для определения направления устья печи нет.

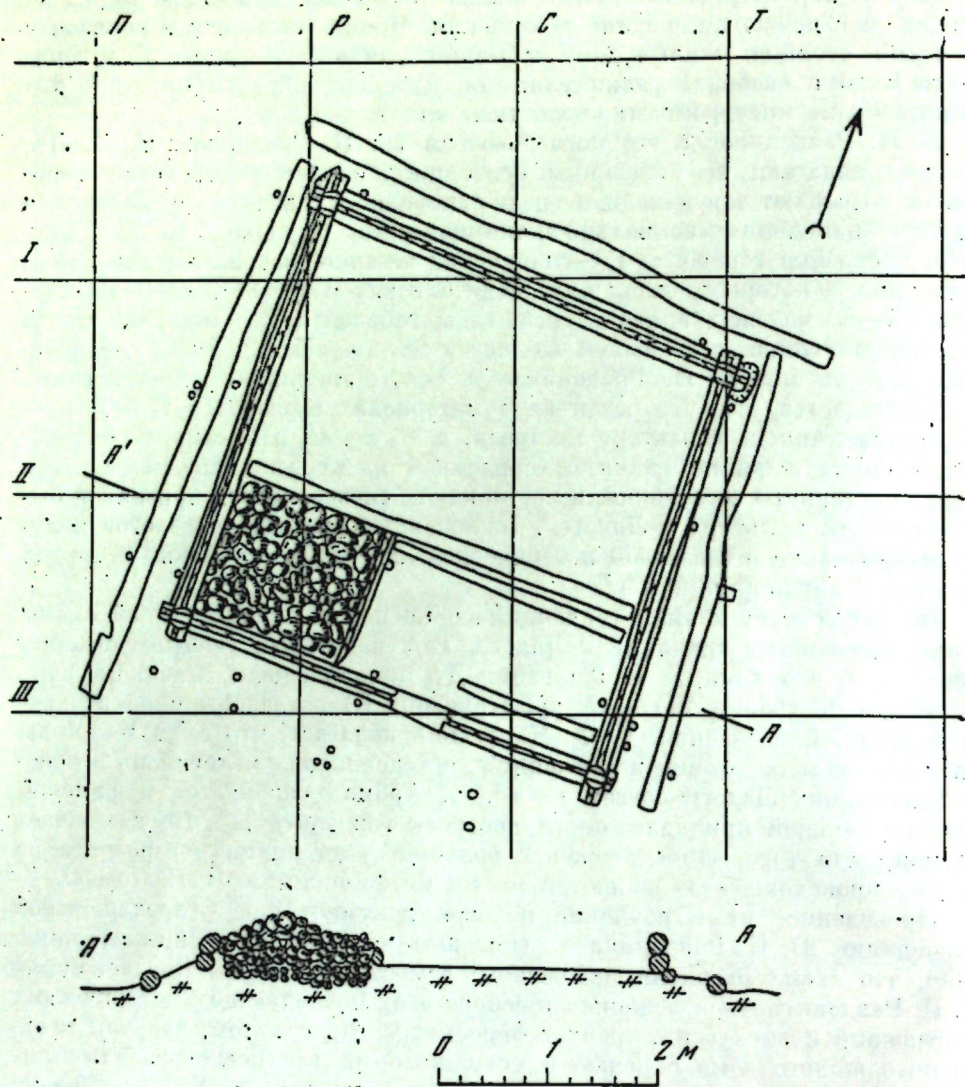

Рис. 1. Старая Ладога. Постройка горизонта Е₃.

В постройке сохранилась одна из лаг-переводин, на которые укладывались доски пола. Ее расположение показывает, что пол был настлан параллельно западной и восточной стенам сруба. Как и в других постройках древней Ладоги из горизонтов Е и Д, переводина пола не врубалась в стены сруба, а укладывалась впритык к ним¹⁰. Под переводину было подложено дополнительное бревно.

Рассматриваемый дом с трех сторон (кроме южной) был окружен дополнительными бревнами, которые располагались на расстоянии 20—40 см от бревен основного сруба, параллельно им и, что особенно важно подчеркнуть, на 15—30 см ниже бревен первого венца. По длине они были больше бревен сруба (около 5,30 м), в углах не врубались между собой, а восточное и западное бревна были закреплены на месте вбитыми рядом с ними кольями. Разница высот между дополнительными бревнами и бревнами первого венца показывает, что сруб стоял на небольшой земляной подсыпке, а дополнительные бревна не давали земле расползтись. Этим обеспечивалось предохранение постройки от сырости. Описанный конструктивный прием широко использовался строителями древ-

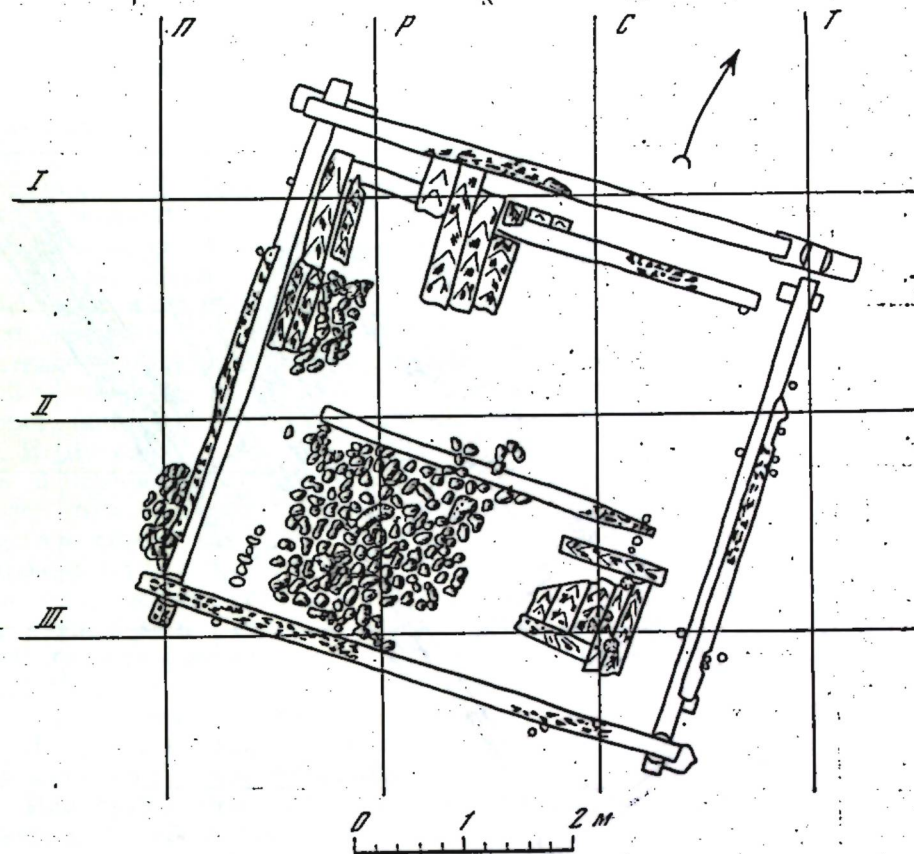

Рис. 2. Старая Ладога. Постройка горизонта Е₂.

ней Ладоги. Ю. П. Спегальский совершенно правильно охарактеризовал его при анализе домов с печью в центре из горизонта Е¹¹. Близкие по принципиальной схеме, но более усложненные «фундаментные площадки» отмечены П. И. Засурцевым и для части построек Новгорода¹².

Вход в дом, судя по расположению пола, был с северной стороны¹³. Поскольку с севера ниже сруба находилось дополнительное бревно, ограничивавшее подсыпку под дом, а с юга такое бревно отсутствовало, то более вероятно, что вход в дом был с юга, а следовательно, печь стояла слева при входе. Необходимо добавить, что в южном бревне имеется врубка, которую Г. П. Гроздилов считал остатками дверного проема¹⁴. Стратиграфически постройка относится к древнейшему периоду жизни Ладоги — горизонту Е₃. Правда, она была сооружена в конце этого периода, так как на месте ее возведения ранее стояла еще более древняя постройка и накопился культурный слой мощностью до 50 см.

Считать случайным появление небольшого жилого дома с печью в углу уже в древнейших слоях Ладоги нельзя. После разрушения рассмотренной постройки горизонта Е₃ на ее месте был возведен еще один аналогичный дом. Он в точности повторял планировку предшествующего комплекса, лишь несколько превышая его по размерам¹⁵ (рис. 2). Новая постройка представляла собой четырехугольный рубленый «в обло» сруб размером 5,20×5,20 м, ориентированный стенами по странам света. Дополнительно бревна первого венца укреплялись вбитыми рядом с ними кольями. Под углы сруба были подложены деревянные чурки. Находящиеся в земле остатки предшествующей постройки выполняли в данном

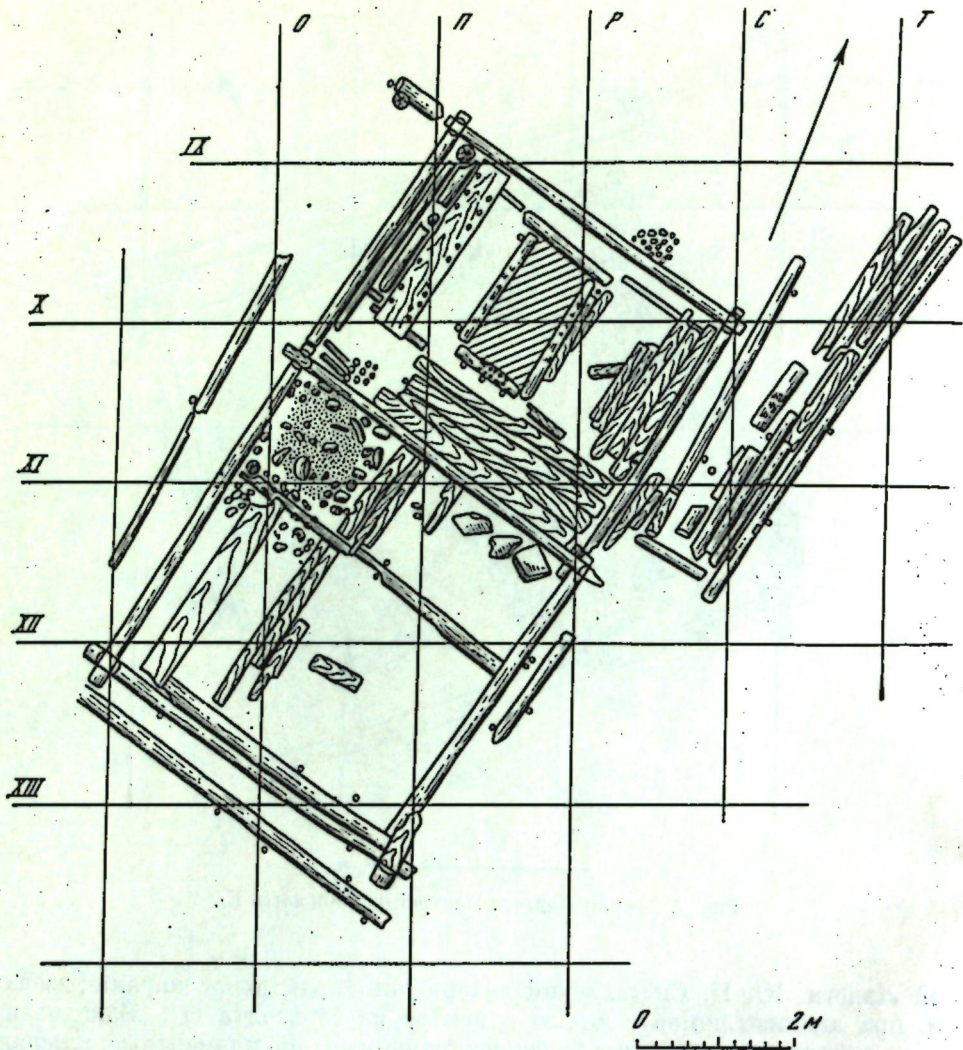

Рис. 3. Старая Ладога. Двухчастная постройка горизонта E_1 .

случае роль фундамента при возведении последующего строения. В юго-западном углу постройки, несколько отступя от западной стены, зафиксированы остатки печи-каменки. Как и в постройке горизонта E_3 , печь ограничивалась с севера лагой-переводной пола. Вторая переводина лежала параллельно северной стене сруба в 30—35 см к югу от нее. Обе переводины были закреплены на месте вбитыми вплотную к ним кольями. В срубе местами сохранились доски пола шириной 20—25 см, настланные на лагах параллельно западной и восточной стенам дома. Постройка погибла в огне. Стратиграфически она относится к слою всеобщего пожара Ладоги — горизонту E_2 .

Наличие в горизонтах E_2 и E_3 отчетливо зафиксированных домов с печами в углу позволяет более определенно смотреть на некоторые постройки Ладоги, интерпретация которых вызывала сомнения. Это прежде всего относится к двухчастной постройке горизонта E_1 , раскопанной в 1958—1959 гг.¹⁶ (рис. 3). Ее основу составлял четырехугольный рубленный «в обло» сруб площадью 18,6 кв. м с печью-каменкой в углу. Дополнительно бревна первого венца (длина 4,72—5,18 м) были укреплены вбитыми вплотную к ним кольями. Остатки печи-каменки представляли

собой лежащий в северо-западном углу на площади 1,30×1,50 м развал валунного камня, глины и золы. Печь была ограничена с севера и запада бревнами сруба, а с юга переводной пола, укрепленной на месте кольями и не врубленной в стены. О. И. Давидан в полевом дневнике отметила наличие у печи двух одновременных подов. По ее мнению, у печи «устье можно предположить только с востока»¹⁷. В качестве подкладок для пола, кроме переводины, использовались также три массивные плиты, лежащие вдоль северной стены сруба. Частично сохранился и дощатый пол, настланный параллельно западной и восточной стенам постройки. С севера к постройке примыкал трехстенный прируб площадью 13,4 кв. м, в центре которого имелась площадка «из хорошо утрамбованной обожженной глины», ограниченная четырьмя бревнышками. Непонятный характер глиняной площадки, а главное, полное отсутствие каменной заставки О. И. Давидан поставила «под сомнение определение этой конструкции как остатков печи»¹⁸. Подводя итог расчистке постройки, О. И. Давидан отметила, что, по ее мнению, «создается впечатление, что к первоначальному сруб (южная часть) была пристроена северная и все это представляет единый комплекс»¹⁹. Таким образом, не исключено, что сруб с печью в углу некоторое время существовал и без пристройки. Судя по положению досок пола, которые настилаются чаще «по ходу», можно предполагать, что вход в сруб находился либо с севера, либо с юга. Поскольку с юга вдоль сруба располагалось дополнительное бревно вторичного использования, укрепленное кольями, то более вероятно, что вход в него был с севера через прируб, а печь, таким образом, стояла справа при входе. С этим согласуется и мнение О. И. Давидан о том, что вход в двухчастную постройку был с южного края восточной стены пристройки²⁰.

При публикации рассмотренной постройки К. Д. Лаушкин высказал мнение, что обе части — в них обитали «две семьи, находившиеся в близких родственных отношениях и не порвавшие хозяйственных связей». Поскольку печь в северной части постройки «занимала положение, характерное для построек нижней толщи культурного слоя Ладоги», а в южной части она располагалась «как обычно в домах верхних горизонтов», К. Д. Лаушкин заключил, что «эта постройка, соединяющая древние и более поздние черты, может рассматриваться как переходной тип между большими жилыми домами нижнего горизонта Ладоги и маленькими избами верхних культурных напластований». «Это еще один факт, — писал К. Д. Лаушкин, — который трудно совместить с концепцией, допускающей смену этнического состава населения Ладоги»²¹.

Истолкование постройки К. Д. Лаушкиным вызвало справедливые возражения Ю. П. Спегальского, который отметил, что искусственность такой интерпретации «сказывается во всем ее построении и всех ее аспектах». Данный дом, отметил Ю. П. Спегальский, не является чем-то средним между двумя типами ладожских построек, а перед нами обычная изба с печью в углу и производственная пристройка²². Это мнение получает дополнительное подтверждение сейчас, когда стало ясным, что дома с печью в углу были известны в Ладоге уже в горизонте E_3 , т. е. задолго до сооружения двухчастной постройки горизонта E_1 , опираясь на которую К. Д. Лаушкин высказал свой взгляд на развитие домостроительства поселения.

Для уточнения времени появления в Ладоге срубных домов с печами в углу необходимо еще раз обратиться к горизонту E_3 . В полевом дневнике К. Д. Лаушкина за 1959 г. и общем отчете В. И. Равдоникаса за тот же год приводится описание небольшой срубной постройки опять же с угловым расположением печи²³. Сохранилась полностью лишь северная часть сруба (длина стен, судя по северному бревну окладного венца, 4 м) и печь-каменка в северо-западном углу. Особенно важно, что данная постройка с печью в углу стратиграфически относится к

самому началу существования поселения, так как лишь незначительная прослойка щепы и навоза толщиной 10—15 см отделяла ее от материка.

Рассмотренные постройки горизонта Е Старой Ладogi по своим важнейшим конструктивным элементам и характеру заполнения (темный перегной) аналогичны более поздним домам горизонта Д. В данной статье мы провели анализ лишь тех построек нижнего горизонта, которые в своих основных деталях были поняты и зафиксированы уже во время раскопок, но которые в силу традиционности взглядов не получили должного освещения в обобщающих исследованиях. В то же время среди построек, обнаруженных в нижних слоях Ладogi, следует отметить еще несколько четырехугольных срубов, которые, возможно, также являются остатками домов с печами в углу, но объяснение назначения которых по имеющимся данным может быть лишь предположительным.

Приведенные выше наблюдения показывают, что вопреки общепринятой схеме развития ладожского домостроительства тип квадратного жилого дома с печью в углу появился в Ладoge не внезапно в X в., как полагали ранее, а уже в начальный период ее существования. Квадратные избы с печами в углу и больше по площади дома с печами в центре сосуществовали в VIII—IX вв. (горизонт Е). При перепланировке Ладogi в X в. (горизонт Д), судя по раскопанной площади поселения, тип жилого дома с печью в углу, славянская принадлежность которого признается всеми исследователями, стал господствующим, а тип жилого дома с печью в центре, характеризующийся несколько иными, возможно финскими, традициями домостроительства, исчез. Принимая во внимание изложенные факты, нельзя признать убедительным ни утверждение В. И. Равдоникаса о непосредственной взаимосвязи типа и площади жилого дома с характером семьи ладожского общества, ни вывода Х. Арбмана и Г. Ф. Корзухиной о коренной смене этнического состава населения Ладogi, сделанных главным образом на основе признания резкой смены традиций домостроительства на поселении.

- ¹ Равдоникас В. И. Старая Ладoga (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.), ч. I.—СА, 1949, т. XI, с. 5—54; ч. II.—СА, 1950, XII, с. 7—40.
- ² Там же, ч. II, с. 29 и сл.; Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладoge в 1948 г.—СА, 1950, XIV, с. 160, 161, 166; Равдоникас В. И., Лаушкин К. Д. Об открытии в Старой Ладoge рунической надписи на дереве в 1950 году.—В кн.: Скандинавский сборник, вып. IV. Таллин, 1959, с. 36; Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладoge.—КСИА, 1960, вып. 81, с. 74.
- ³ Равдоникас В. И., Лаушкин К. Д. Указ. соч., с. 31—36.
- ⁴ Вилинбахов В. Б. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена.—В кн.: Скандинавский сборник, вып. VI. Таллин, 1963, с. 334—335; Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965, с. 128—134.
- ⁵ Корзухина Г. Ф. Этнический состав населения древнейшей Ладogi.—Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М., 1965, с. 12—14.
- ⁶ Арбман Н. Svear i österviking. Stockholm, 1955, s. 34—38; *idem*. The Vikings. London, 1961, p. 90—93.
- ⁷ Седое В. В. Новгородские сопки.—САИ, 1970, вып. Е1-8, с. 32, 33.
- ⁸ Нижняя толща культурных напластований Ладogi VIII—IX вв.—горизонт Е—во время раскопок, проводившихся под руководством В. И. Равдоникаса, стратиграфически была разделена на три микрогоризонта: Е₁, Е₂ и Е₃ (древнейший).
- ⁹ Для характеристики постройки нами использована следующая документация, хранящаяся в Архиве ЛОИА АН СССР: Гроздилов Г. П. Дневник раскопок Староладожской экспедиции 1950 г., тетрадь 2—ф. 35, оп. 1, 1950 г., д. 13, лл. 43 об.—45, 48—49, 61—61 об.; Полевые чертежи—ф. 35, 1948 г., д. 134, л. 44; д. 83, лл. 23, 26, 32, 33; Опись находок—ф. 35, оп. 1, 1950 г., д. 82. В полевом отчете Староладожской экспедиции за 1950 г. представлено лишь краткое описание постройки без планов и фотографий. (Равдоникас В. И. Предварительный отчет о раскопках в Старой Ладoge в 1950 г.—Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1950 г., д. 41, лл. 15, 16).
- ¹⁰ Такая конструкция пола ладожских построек, при которой лаги пола не врубались в стены срубов, а укладывались впритык к ним и закреплялись на месте кольями, прямым образом связана с особенностями устройства ладожских печей. Дело в том, что печи в Ладoge не ставились на столбовых или срубных опечках,

а поэтому их под находился довольно низко, практически на уровне первого венца. Это заставляло и пол настилать в соответствии с подом печей, т. е. на лагах, лежащих на уровне окладного венца. Врубить же переводины пола в окладной венец, основной несущий венец сруба, естественно, являлось совершенно недопустимым.

- ¹¹ Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 23—25.
- ¹² Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода.—МИА, 1963, № 123, с. 15—16; *он же*. Постройки древнего Новгорода (Предварительная характеристика по материалам Черевского раскопа 1951—1955 гг.).—МИА, 1959, № 65, с. 265.
- ¹³ Бломкист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов.—В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 77—78; Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 23.
- ¹⁴ Гроздилов Г. П. Дневник раскопок Староладожской экспедиции 1950 г., тетрадь 2.—Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1950 г., д. 13, лл. 45, 48 об.
- ¹⁵ Архив ЛОИА АН СССР: Гроздилов Г. П. Дневник раскопок Староладожской экспедиции 1948 г., тетрадь 2—ф. 35, оп. 1, 1948 г., лл. 69, 90 об.—92 об., 98; *он же*. Дневник раскопок Староладожской экспедиции 1950 г., тетрадь 2—ф. 35, оп. 1, 1950 г., д. 13, лл. 43 об.—44 об.; Полевые чертежи—ф. 35, 1948 г., д. 134, л. 44; д. 83, лл. 23, 32; Опись находок—ф. 35, оп. 1, 1948 г., д. 132; Гроздилов Г. П. Отчет о раскопках в Старой Ладoge в 1948 г.—ф. 35, оп. 1, 1948 г., д. 83, лл. 22—24; см. также: *он же*. Раскопки в Старой Ладoge в 1948 г.—СА, 1950, XIV, с. 157—159.
- ¹⁶ Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладoge, с. 74; Архив ЛОИА АН СССР: Равдоникас В. И. Отчет о раскопках в Ладoge в 1958 г.—ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 2, лл. 23—26; *он же*. Отчет Староладожской археологической экспедиции за 1959 г.—ф. 35, оп. 1, 1959 г., д. 45, л. 3; Давидан О. И. Дневник Староладожской экспедиции 1958 г.—ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 14, лл. 17—31; Лаушкин К. Д. Дневник раскопок в Ладoge в 1959 г., тетрадь 1—ф. 35, оп. 1, 1959 г., д. 9, л. 9; Описи находок—ф. 35, оп. 1, 1958 г., д. 12; 1959 г., д. 29; Полевые чертежи—ф. 35, 1958 г., д. 14, лл. 18—20, 22, 23.
- ¹⁷ Давидан О. И. Дневник..., л. 31.
- ¹⁸ Там же, л. 20.
- ¹⁹ Там же, л. 22.
- ²⁰ Давидан О. И. Дневник..., л. 23.
- ²¹ Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладoge, с. 74.
- ²² Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 31, 57—59.
- ²³ Архив ЛОИА АН СССР: Лаушкин К. Д. Дневник раскопок в Ладoge в 1959 г., тетрадь 2—ф. 35, оп. 1, 1959 г., д. 10, л. 45; Равдоникас В. И. Отчет Староладожской археологической экспедиции за 1959 г.—ф. 35, оп. 1, 1959 г., д. 45, лл. 28, 29; Полевые чертежи—ф. 35, 1959 г., д. 6, лл. 3, 6; Опись находок—ф. 35, оп. 1, 1959 г., д. 12.

В. А. БАШИЛОВ, А. В. КУЗА

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА БОЛЬШОМ ГОРНАЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

Большое Горнальское городище на р. Псе́ле в Суджанском р-не Курской области раскапывалось Суджанским отрядом Института археологии АН СССР в 1971—1973 гг.¹ С 1972 г. здесь использовалась методика стратиграфической работы, применяемая Иракской археологической экспедицией Института археологии АН СССР при исследовании многослойного неолитического поселения Ярм-тепе I в Северном Ираке. Полевая часть методики предложена О. Г. Большаковым в 1969 г. На Большом Горнальском городище проверялась возможность ее применения на памятнике иного типа.

Характер культурных слоев Ярм-тепе I и Большого Горнальского городища совершенно различен. В первом случае—это классический телья с сырцово-архитектурой и более или менее горизонтально расположенными слоями. Во втором—классическое земляное городище с жилищами-полуземлянками и культурным слоем мощностью от 0,2 м на

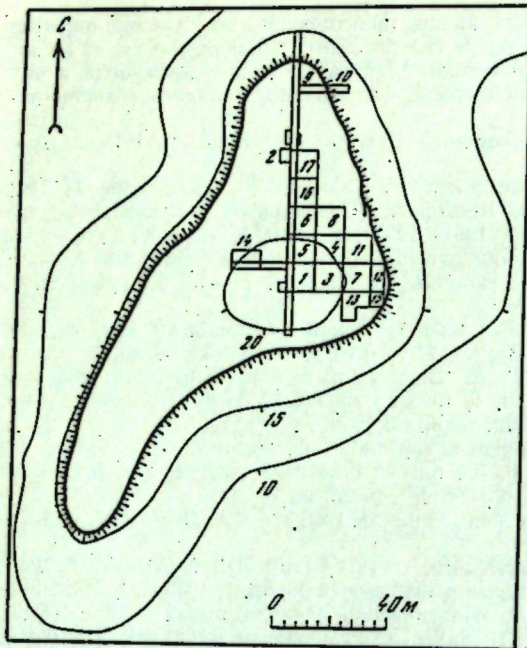

Рис. 1. План Большого Горнальского городища

вершине площадки до 3 м у ее краев. Соответственно различные раскопы оказывались стратифицированными различно.

При раскопках на Ярым-тепе I, а впоследствии и на Большом Горнальском городище были поставлены две основные задачи в области стратиграфии.

1. Найти способ стратиграфической привязки всех значимых объектов на раскопанной площадке. Это необходимо, во-первых, для построения четкой периодизации памятника не по материалу, а по более объективным критериям и, во-вторых, для выявления синхронно существовавших объектов, т. е. для создания конкретной исторической картины поселения на каждом хронологическом срезе.

2. Найти способ наиболее сжатого выражения стратиграфической информации. Дело в том, что большое количество

стратиграфического материала (разрезов) трудно воспринимается в своей совокупности и совершенно непригодно к публикации.

Для решения первой из этих задач О. Г. Большаковым предложена частая сетка разрезов (на Ярым-тепе I — через каждые 2,5 м), которая покрывает практически все объекты раскопа. На Большом Горнальском городище такая сетка применена дифференцированно — квадратами 10×10 м на раскопах с небольшим культурным слоем и квадратами 5×5 м на раскопах у края городища (рис. 1)². В разрезы попали практически все жилища, расположенные в зоне стратифицированного культурного слоя. Жилища верхней части городища (раскопы 1 и 3) не имеют стратиграфической привязки: здесь материк залегал под нахотным слоем.

Всего проработано 39 разрезов общей протяженностью 333 м. Каждый из них анализировался и соответственно фиксировался в поле. При этом особое внимание обращалось на выделение слоев, сопоставимых со слоями на смежных разрезах. Нужно отметить, что особенностью земляной стратификации являются расплывчатые, нечеткие границы между слоями. Поэтому очень важна максимально тщательная фиксация стыков бровок, обеспечивающая наилучшую сопоставимость чертежей соседних разрезов³.

Камеральная обработка чертежей, связанная в первую очередь с решением второй из поставленных задач, заключалась в их стыковке и прослеживании одинаковых слоев по всей раскопанной площадке. Следующий этап работы — составление карточек, в которых отмечается последовательность слоев и стратиграфическое положение объектов на каждом разрезе. При этом полуземляночные жилища, как правило, связывались со слоем, непосредственно перекрывающим их на разрезе, поскольку в ряде случаев именно в этом слое лежали комки светлого материкового выброса. Карточки можно составлять как в словесной, так и в графической форме. Графические карточки применяются на Ярым-тепе I с его сложной стратификацией. Для Большого Горнальского городища, культурный слой которого стратиграфически гораздо проще, вполне удобными оказались словесные карточки.

После составления карточек разрезов они сводились в сводную стратиграфическую карточку раскопа. Это возможно и нужно потому, что на разрезах слои частично повторяются и в то же время зафиксированы различные объекты. Поэтому сводная карточка раскопа гораздо более насыщена стратиграфической информацией, чем карточка разреза. Очень важно и то, что на сводной карточке концентрируются сведения по разрезам, расположенным в пересекающихся плоскостях. Таким образом, с одной стороны, их информация приводится к обозримому и пригодному для публикации виду, а с другой — раскопщику предоставляется возможность оставлять бровки под любым углом к любому из интересующих его объектов с последующим включением таких дополнительных разрезов в общую систему.

Приведем в качестве примера карточки разрезов и сводную карточку наиболее стратифицированного раскопа 11 (табл. 1).

Таблица 1

Северная стенка (рис. 2)	Западная стенка	Восточная стенка
0 — гумус I — серый слой II — темно-серый слой IIIa — углистый слой с мелом IVa — зольная прослойка IVb — слой у вала 1; вал 1 V — скифский слой	0 — гумус I — серый слой; жилище 7 II — темно-серый слой IIIa — углистый слой с мелом; жилище 6 (?) IVa — зольная прослойка V — скифский слой	0 — гумус I — серый слой II — темно-серый слой IIIa — углистый слой с мелом IIIb — серый слой с углем IVa — зольная прослойка IVb — вал 1; жилище 20 V — скифский слой
Разрез «север—юг»	Разрез «запад—восток»	Сводная карточка раскопа 11
0 — гумус I — серый слой II — темно-серый слой IIIa — углистый слой с мелом IIIb — серый слой с углем IVa — зольная прослойка IVb — яма 1 V — скифский слой	0 — гумус I — серый слой II — темно-серый слой IIIa — углистый слой с мелом; жилище 6 (?) IIIb — серый слой с углем IVa — зольная прослойка IVb — жилище 20 V — скифский слой	0 — гумус I — серый слой; жилище 7 II — темно-серый слой IIIa — углистый слой с мелом; жилище 6 (?) IIIb — серый слой с углем IVa — зольная прослойка IVb — слой у вала 1; жилище 20; яма 1 V — скифский слой

Данные сводных карточек раскопов объединены в стратиграфическую схему раскопанной площадки, где, таким образом, сконцентрировалась максимально уплотненная информация со всех разрезов на памятнике. Схему можно представить и в словесной форме, но гораздо более удобна и экономна форма графическая (рис. 3).

На Большом Горнальском городище число слоев, зафиксированных в разных раскопах, неодинаково. Древнейшие слои располагаются в ближних к краю городища раскопах, а к центру площадки они выклиниваются. Всего выделены четыре слоя с материалом роменской культуры

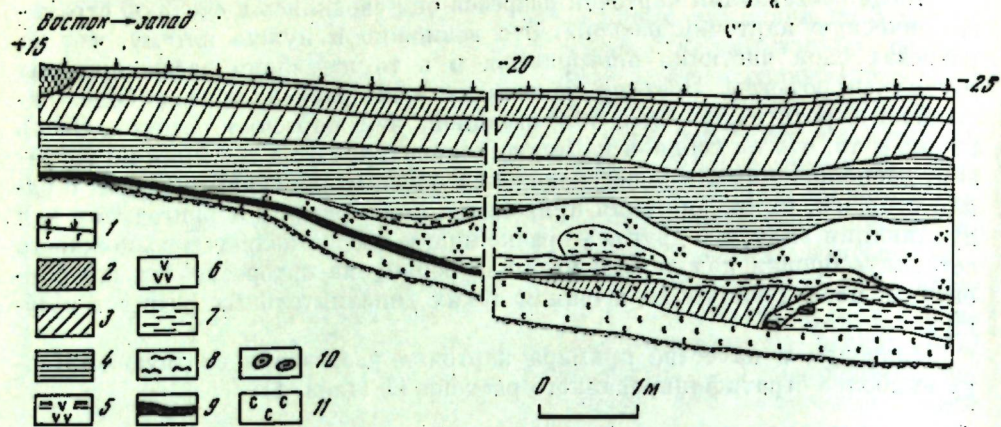

Рис. 2. Разрез по северной стенке раскопа 11

1 — дери; 2 — серый рыхлый слой; 3 — темно-серый золистый слой; 4 — углистый слой с мелом; 5 — суглинок с углем; 6 — уголь; 7 — глина; 8 — зола; 9 — углистый слой; 10 — горелые бревна; 11 — слой скифского времени

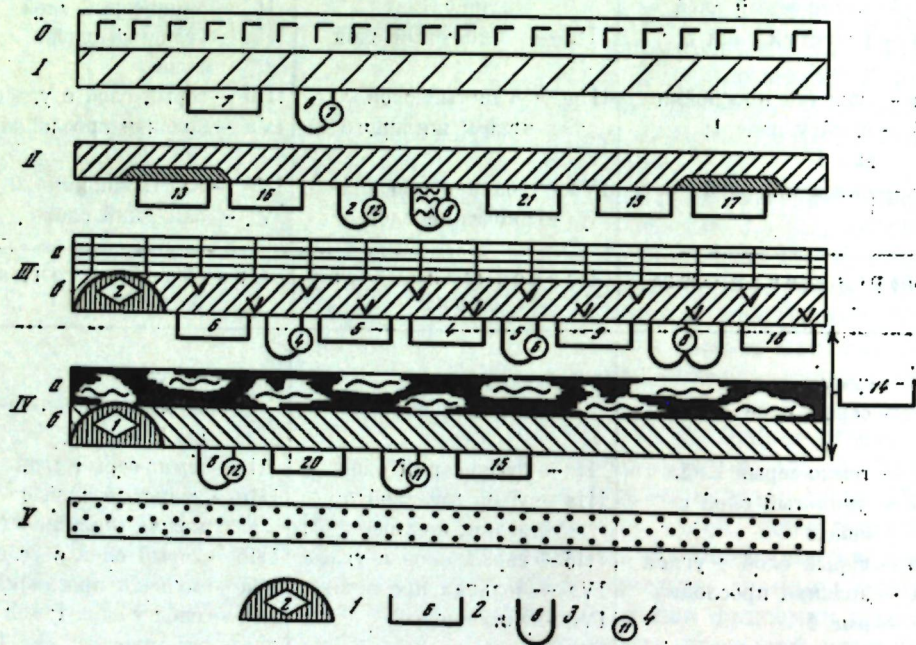

Рис. 3. Стратиграфическая схема Большого Горнальского городища (по данным раскопок 4, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 15, 16, 17).....

0 — гумус; 1 — серый слой; II — темно-серый слой; IIIa — углистый слой с мелом; IIIb — серый слой с углем; IVa — золяная прослойка; IVb — слой у вала 1; V — слой скифского времени; 1 — вал; 2 — жилище; 3 — яма; 4 — номер раскопа

(I—IV) и один слой скифского времени (V). Слой IV связан с существованием древнейшего вала 1 и перекрывающей его пожарной прослойкой; слой III — со вновь построенным валом 2 и прослойкой, образовавшейся в связи с его разрушением. Слои II и I гумусные. Судя по данным разреза вала на северном конце городища, они тоже были связаны с капитальными перестройками оборонительных сооружений⁴.

Опираясь на стратиграфическую схему культурного слоя городища, можно восстановить динамическую картину жизни исследованного участка поселения. Прежде всего это касается изменений в размещении жилищ. За три сезона раскопок на территории городища вскрыты остатки 22 жилых и хозяйственных построек. Из них на изучаемой площади — 19⁵. Все они заглублены в материк на 0,2—1,2 м, порой неравномерно, так как большинство из них врезано в естественные склоны холма. Жилища почти квадратные. Размеры их колеблются в среднем от 3×3,5 до 4×4,5 м. Исключением является жилище 1. Это удлиненная постройка размером 9×4,5 м, разделенная внутренней перегородкой на две приблизительно равные камеры. Сооружение 8 — хозяйственная постройка без печи, тоже имело несколько вытянутые пропорции.

Все жилища разделяются на группы по следующим особенностям внутреннего устройства⁶:

I — печь: а) помещается в углу жилища в специальном материковом останце; б) помещается на некотором расстоянии от стен и целиком вылеплена из глины; в) помещается в углу на специально оставленной материковой подушке, верх ее вылеплен из глины на деревянном каркасе.

II — хозяйственные ямы: а) имеется за пределами жилища выносная яма, устьем соединенная с ним; б) имеется внутри жилища не менее трех хозяйственных ям.

Таблица 2

Признак	Номер жилищ																		
	8	2	1	3	7	13	19	15	17	21	4	5	6	9	14	15	18	20	
Ia																			
Iб								×	×	×		×	×	×	×	×	×	×	×
Iв		×	×	×	×	×													
IIa	×	×	×	×	×	×	?			?				?		?		?	?
IIб			×	×	×	×	×												

? — жилище вскрыто не полностью.

Распределение этих признаков по жилищам показано в табл. 2. Из нее видно, что постройки 1, 2, 3, 7, 8, 13, 19 (1 группа) отличаются большим количеством хозяйственных ям; в том числе выносной, и печью на материковой подушке с лепным верхом. Жилища 16, 17, 21 (2 группа) имеют лепную печь, отделенную от стен, а у жилищ 4, 5, 6, 9, 14, 15, 18, 20 (3 группа) печь вырыта в материковом останце в углу. Нетрудно заметить, что подобная группировка построек очень близка к их распределению на стратиграфической схеме.

Слой	I	II	III	IV	III или IV
Номер жилищ	1, 2, 3, 7, 8	13, 16, 17, 19, 21	4, 5, 6, 9, 18	15, 20	14

Это сопоставление показывает, что полученная типологическая группировка жилищ имеет хронологическое значение. Для древнейших слоев (IV и III) оказывается характерной группа 3, для II слоя — группа 2, а постройки группы 1 связаны в основном со слоем I.

Около восточной стенки раскопа 8 найдена отдельно стоящая печь, типичная для построек группы 2. По уровню залегания она связывается со слоем II. Контуры жилища 22, располагавшегося в толще культурного слоя, уловить не удалось, но по косвенным признакам (наличие ямы) их можно наметить условно.

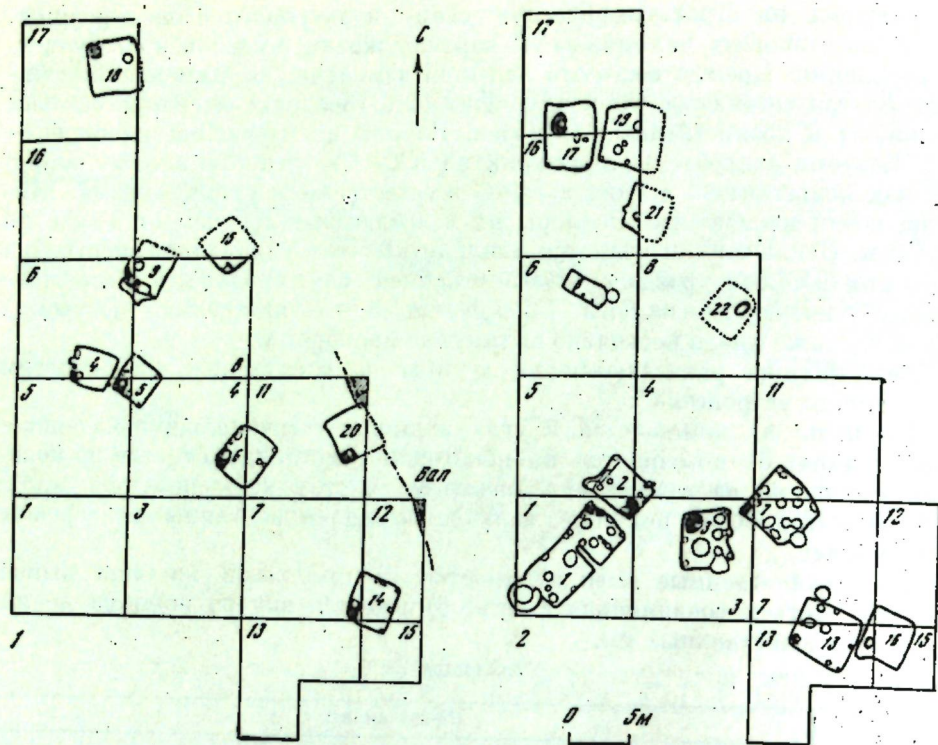

Рис. 4. План застройки раскопанной части Большого Горняльского городища
1 — первый славянский период, 2 — второй славянский период

Нанося все эти данные на план раскопанного участка, можно проследить временные изменения в его застройке (рис. 4).

Древнейшие постройки (15, 20 и, может быть, 14) располагались в непосредственной близости от первоначального оборонительного вала, следы которого прослежены на раскопах 11 и 12. Жилища, связанные со следующим слоем (III), возводились уже отступя от края городища. Сменившие их постройки 13, 16, 17, 19, 21, 22 (?) по-прежнему ориентировались по линии оборонительных сооружений, причем некоторые из них (16 и, вероятно, 21) были врезаны в жилища предшествующих этапов (14 и 9). Постройки слоя I занимают уже самую верхнюю часть площадки городища. Одна из них (7) также врезалась в жилища предшествующего времени (6). То, что постройки слоев I и II врезаются в постройки слоев III и IV, не затрагивая, однако, друг друга, позволяет предполагать полную перестройку поселения, имевшую место на рубеже III и II слоев. В результате намечаются три периода в жизни Большого Горняльского городища.

Впервые территория городища была заселена в скифскую эпоху. В большинстве раскопов четко зафиксирован культурный слой этого времени толщиной до 0,2 м (слой V). Он имел бурую окраску и содержал характерную керамику зольничной культуры. В нем также найдены два бронзовых трехгранных наконечника стрел и листовидное, ажурное бронзовое навершие булавки. Как показали разрезы вала, поселение тогда еще не было укреплено. Никаких сооружений, кроме нескольких ям, относящихся к древнейшему этапу жизни на городище, выявить не удалось.

Вновь площадка городища заселяется во второй половине I тысячелетия н. э. славянами. Поселение окружается оборонительным валом (1), подошва которого лежит непосредственно на скифском культурном

слое. К этому валу вплотную примыкают и ранние жилища. После пожара вал досыпается (2), строятся новые жилища. Все они представляют собой классические полуземлянки ромеянского типа. В совокупности эти сооружения (1-й и 2-й валы, жилища группы 3) и связанные с ними IV и III культурные слои и являются материальными следами первого славянского (ромеянского) периода жизни на Большом Горняльском городище. Вещевые находки в нижних горизонтах памятника однообразны. В основном это обломки лепной керамики, глиняные пряслица, костяные проколки и шилья, астрагалы и амулеты, кости животных. Металлические предметы (оружие, орудия, украшения) исключительно редки.

Затем в жизни поселения происходят большие перемены. Площадка инвентаризируется, расширяется (перестраивается) вал. Появляются жилища нового типа (группы 2 и 1). Становится значительно богаче и вещевой материал (II и I слои). Среди керамики увеличивается процент так называемых раннегончарных сосудов. Найдены различные орудия труда: ножи, серпы, косы, топоры, тигли, литейные формы, наковальни. Есть наконечники стрел, копыя, удила, псалии, кистени, накладки от сложного лука. Обнаружены арабские дирхемы и подражания им. Встречаются пряслица из розового шифера. Словом, в хозяйственном и, возможно, социальном укладе населения в этот второй славянский период наблюдаются определенные сдвиги. Монеты 60—70-х годов X в. датируют его окончание. После пожара жизнь на городище замерла. В последующие века она продолжалась лишь на близлежащем селище.

До завершения раскопок с уверенностью трудно судить о причинах развития и гибели Большого Горняльского городища. Предварительно можно думать, что расцвет жизни на памятнике (второй славянский период) синхронен включению северянских земель в единое Древнерусское государство и сопровождался притоком нового населения (вероятно, с запада). Пожар и разрушение города скорее всего связаны с одним из набегов печенегов на Русь в конце X в.

1. Всего на городище вскрыто 1500 кв. м культурного слоя. Обработана стратиграфическая информация с площади более 1000 кв. м в юго-восточной части городища.
2. К сожалению, по техническим причинам разрезы зафиксированы через 10 м и на хорошо стратифицированном раскопе 8.
3. Все чертежи делались в масштабе 1:20.
4. Данные по стратификации насыпей вала не вошли в общую схему из-за оторванности северных раскопов (9 и 10) от основной раскопанной площади.
5. Еще три постройки обнаружены вдали от основной площадки раскопов.
6. На группировку жилищ по внутреннему устройству обратил наше внимание А. А. Узянов.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

СЦЕНА ПАХОТЫ НА МИНИАТЮРЕ РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Древнейшее изображение восточнославянского пахотного орудия найдется на миниатюре Радзивилловской (Кёнигсбергской) летописи¹ (рис. 1, 2). Рукопись датируется концом XV в. и происходит из Смоленской или Новгородской земель². Согласно мнению А. А. Шахматова, основанному на текстологическом анализе, рукопись представляет собой копию лицевой летописи, составленной в первой четверти XIII в. (около

1216 г.) во Владимиро-Суздальской Руси³. На ряде миниатюр исследователи прослеживают весьма архаичные черты⁴.

Древнерусские миниатюры, как правило, буквально отражают соответствующий текст⁵. Интересующая нас миниатюра иллюстрирует довольно специфическое место летописи. Описав «зверинские» обычаи славян-язычников, летописец приводит цитату из византийской хроники Георгия Амартола, чтобы показать, что и другие некрещенные народы вели столь же «противоестественный» образ жизни. «Ии же закон гиллом, — сообщает он, между прочим, — жены в них орют, зижють храмы, мужская дела творять»⁶. Справа от миниатюры, на полях рукописи, надпись: «жены... и хоромы рубять».

На миниатюре изображено пахотное орудие с одним колесом со спицами; над колесом — приспособление для поддержания вожжей. Орудие имеет две прямые ручки с двумя перекладинами. От обоих концов нижней косой перекладины к колесу идут две параллельные линии. Лемех, по определению А. В. Арциховского, деревянный, с железной оковкой по краям, тот же исследователь указал на своеобразный двойной отвал (сближенный им с древнеримским «*vineae auges*»)⁷. Фототипическое издание с черно-белыми воспроизведениями миниатюр не дает ясного представления о числе лошадей, запряженных в данное орудие. По В. П. Левашевой, на миниатюре изображена одна лошадь⁸, по А. Д. Горскому — их три⁹. Расхождение объясняется тем, что над миниатюрами Радзивилловской летописи работали два мастера, причем второй постоянно подправлял контуры, намеченные первым. Поскольку первый мастер работал чернилами, а второй черной краской, при непосредственном ознакомлении с рукописью представляется возможным разобраться в дублирующих друг друга контурах.

Осмотрев оригинал миниатюры, автор статьи пришел к выводу, что как первый, так и второй миниатюрист хотели изобразить пароконную упряжь. Второй мастер был недоволен небольшими размерами лошадей и их расположением. Он удлинил их ноги и наметил несколько иные контуры головы и спины, переместив немного книзу оглоблю и изменив очертания хомута. Исправления в данном случае касаются только стиля. Второй мастер просто поправлял рисунок первого, а при иллюминировке учитывался только новый контур, и поэтому часть спин лошадей, нарисованных первым мастером и выходящих за пределы нового контура, была перекрыта при расцветивании фона. При иллюминировке введены некоторые поправки, не соответствующие контуру. Художник соединил колесо и ближайшую к нему рукоять двумя желтыми линиями, одна из которых идет по линии горизонта и оканчивается на спице колеса, а другая соединяет ту же (правую) ручку орудия с осью колеса, а также пририсовал хомут второй лошади. Все части орудия и конская упряжь, исключая обод колеса и часть левой ручки между отвалами, выкрашены в желтый цвет. Лошади частично слабо тонированы, частично оставлены незакрашенными. Обод колеса желто-серый. Оковка лемеха не закрашена, но желтый цвет местами заходит и на нее. Земля выкрашена в зеленый цвет. Выше линии горизонта фон на сравнительно небольшую высоту тонирован красно-коричневым цветом. За плугом идет фигура с кнутом в руке. На конце кнута утолщение.

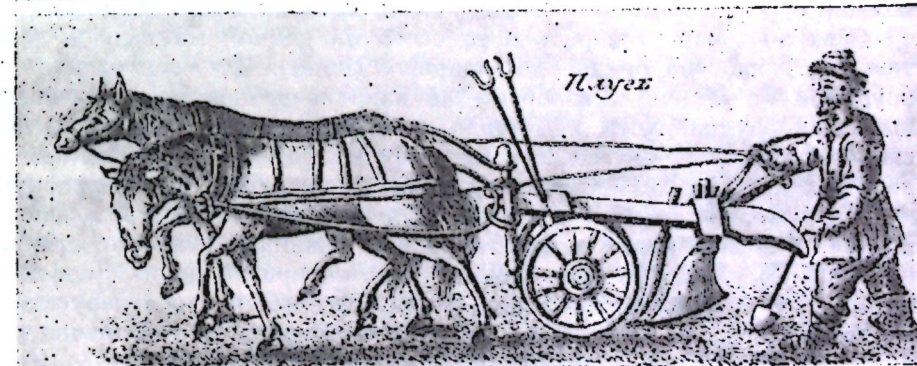
Описанное изображение скорее всего не является оригинальным. В рисунке совершенно не выявлены грядиль и подошва — основа конструкции, соединяющие все части в одно целое. Желтые линии, соединяющие колесо с рукояткой, — неудачная попытка поправить ошибки в рисунке, и их нельзя считать изображением грядиля. Искаженным при перерисовке изображением грядиля, вероятно, являются косые линии, соединяющие загадочную перекладину, расположенную в нижней части рукояток, с ободом колеса, а может быть, и сама перекладина. Установленное на колесном передке устройство для поддержания вожжей также

1

2

3

Сцены пахоты на миниатюре Радзивилловской летописи и гравюре XVIII в.

1 — миниатюра Радзивилловской летописи (фото); 2 — то же (прорись). Рисунок первого мастера показан сплошной линией, второго — точечной, исправления, сделанные при иллюминировке, — вытрихованными полосами; 3 — гравюра XVIII в.

сильно искажено (нет горизонтальной перекладки, которая, собственно, и должна их поддерживать)¹⁰.

Кроме явных ошибок, на изображении имеются особенности, которые, вероятнее всего, также нужно отнести к ошибкам. Пахотные орудия с одним колесом известны по этнографическим данным, но колеса таких плугов обычно маленькие, без спиц¹¹. Одно колесо со спицами у данного орудия — или условность, или ошибка¹². Лемех, состоящий из деревянной основы, окованной по краям железом, не имеет аналогий ни в этнографическом, ни в археологическом материале. Может быть, это просто искаженное изображение обычного симметричного лемеха с наваренными полосами вдоль лезвий. Прикрепление оглобеля к оси характерно для одноконой тележной упряжи, тогда как для пахотных орудий, даже при работе на одной лошади, обычно применялся валец, еще более вероятный для пары. Впрочем, для некоторых орудий, известных по этнографическим данным, использовали передок телеги, сохраняя прикрепление оглобеля к оси; при этом одна из лошадей могла запрягаться в оглобли, а другая, пристяжная, идти рядом в мягкой упряжи, прикрепляющейся к вальку¹³. Одноконую упряжь с оглоблями, прикрепляющимися к оси колесного передка, можно видеть у плуга, изображенного на среднерусской иконе конца XVII в.¹⁴ Упряжь рассматриваемого орудия, во всяком случае, не буквально копирует одноконую тележную упряжь со всадником, известную по миниатюрам той же рукописи¹⁵. Рассматриваемую упряжь можно также интерпретировать как искаженно нарисованную дышловою. Интересно отсутствие у орудия чересла. А. В. Ардиховский пишет, что его, возможно, приняли при перерисовке за вторую, по его мнению, ненужную ручку. Против этого говорит этнография: все восточноевропейские этнографические плуги имеют две ручки. Отсутствие чересла на рисунке можно рассматривать и как ошибку художника, и как особенность некоторых пахотных орудий рассматриваемого типа. Хотя обычно при находках крупных древнерусских симметричных лемехов одновременно находят и чересла, все же последних встречено в этих комплексах меньше, чем лемехов¹⁶.

Вполне очевидно, что анализируемый рисунок сделан не по памяти и не с натуры, а довольно пассивно скопирован. Основное внимание при перерисовке сосредоточивалось не на конструктивных и функциональных моментах, а на внешнем контуре и общей композиции. Тем не менее ввиду отсутствия других полноценных источников это изображение может и должно быть использовано для изучения истории пахотных орудий.

Едва ли можно говорить о том, что на данной миниатюре действительно изображено орудие легендарных гилев. Имеются отличия этого орудия и от типичных изображений западноевропейских средневековых колесных орудий. Хотя на западных изображениях нередко нет ясных свидетельств того, что на них представлен плуг с односторонним отвалом, архаичный двойной отвал для них не характерен. Древнейшие западные колесные плуги имеют одну ручку; в них почти всегда запрягали волов. На византийских и восточных изображениях колесные орудия неизвестны. В пользу русского происхождения оригинала рассматриваемой миниатюры говорит наблюдение А. Д. Горского, что древнерусские миниатюристы XVI—XVII вв., даже иллюстрируя тексты, посвященные иноземным событиям, изображали реальные русские сохи¹⁷.

Остается предположить, что оригинал миниатюры создан на Руси. На миниатюре имеется ряд черт, характерных для северных лесных районов Руси, например жилище (сруб, хотя в тексте сказано «зижють» от *зѣдъ* — глина)¹⁸. Конная тяга, изображенная на миниатюре, более характерна, по данным этнографии, для лесной зоны. Утяжеленное пахотное орудие наиболее вероятно для территории Владимирского ополья, где, по этнографическим данным, известны плуги (в том числе пароконный плуг с нехарактерным для восточнославянских пахотных орудий приспо-

соблением для поддержания вожжей, имеющимся и на миниатюре, рис. 1, З¹⁹), а в археологическом материале с этой территории наряду с сошниками имеется чересло XII в.²⁰ В Новгородской и Смоленской землях, где, по-видимому, был создан данный список летописи, и в домонгольское и в более позднее время пахали сохами. Таким образом, детали рассматриваемой миниатюры не противоречат мнению А. А. Шахматова о владими́ро-суздальском оригинале рукописи. То, что на миниатюре изображена не соха, также издавна известная на Владимирщине, возможно, связано с употреблением в тексте глагола «орать», который в позднее время обычно относили к плугам и ралам, тогда как для сох появился новый термин — «пахать»²¹.

От рала и сох Восточной Европы рассматриваемое орудие отличается наличием колесного передка, двух отдельных рукояток, отвальных приспособлений и устройства для поддержания вожжей. Кроме того, если рало еще со времен Владимира Мономаха требовало всего одной лошади, для этого орудия их используют две. Все эти особенности говорят о конструктивной и типологической близости орудия, изображенного на миниатюре, позднейшим плугам, а не ралам Восточной Европы. Если это так, то можно предположительно дополнить список особенностей орудий данного типа еще двумя традиционными чертами восточноевропейских плугов: наличием двойной подошвы (ее делает вероятной наличие у орудия двух параллельных рукояток) и кривого грядила. Эти две черты в работах югославского ученого Бр. Братанича выделены в специфические особенности «славянского» плуга, точнее плуга Балканского полуострова и Восточной Европы²². Поскольку изображенное на миниатюре орудие имеет двойное отвальное приспособление, его нельзя назвать плугом. Однако все остальные черты орудия заставляют видеть в нем ближайшего родственника восточноевропейского плуга, его типологического предка.

Важная особенность сцены пахоты на рассматриваемой миниатюре — использование конной тяги. В этом отношении изучаемое изображение перекликается с данными письменных источников. В своих речах, внесенных в летопись под 1103 и 1111 гг., Владимир Мономах говорит о смерде, папущем на одной лошади²³. При этом имеются в виду прежде всего смерды, живущие в непосредственном соседстве со степью, т. е. в тех районах, где впоследствии безраздельно преобладала пахота на волах. Следует отметить, что и для древнейших и для средневековых пахотных орудий характерна изначально безусловно преобладающая дышловая воля упряжка. Одна из попыток разрешить эту небольшую загадку предпринята М. В. Довнар-Запольским. Он объясняет раннее распространение лошади на юге в качестве тягловой силы соседством коневодов — половцев²⁴. Развивая его мысль, можно добавить, что пабеги половцев, очевидно, сопровождался угоном и забиванием крупного рогатого скота и его приходилось заменять отбиваемыми княжескими дружинниками у кочевников конями, чем, может быть, и объясняются термин «войский конь» Русской правды и зависимость смердов, упомянутых в речи Мономаха, от дружинников. Любопытно, что в этой речи вместо обычного летописного «конь» употреблено слово «лошадь», являющееся, как известно, тюркизмом. Несколько иначе подходил к этому вопросу М. Н. Покровский. Он считал пахоту на коне признаком бедности, допуская использование вола для этой цели только в крупных хозяйствах, а крестьянин будто бы мог получить вола только путем воровства²⁵. Однако этому противоречит Русская правда, где «смердый» конь по цене равен двум волам²⁶.

Упоминание лошади как тягловой силы в речи Мономаха (1103 г.) по времени не намного позже начала распространения этого животного в том же качестве в Западной Европе (вторая половина XI в.)²⁷. Переход западноевропейских плугов к конной тяге объясняется распространением пришедшего с Востока жесткого хомута²⁸, очевидно появившегося на Руси раньше, чем в Западной Европе²⁹.

- ¹ Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи, т. I. СПб., 1902, л. 7.
- ² Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 5.
- ³ Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи.— В кн.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, т. II. СПб., 1902, с. 30, 103.
- ⁴ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 14—16.
- ⁵ Там же, с. 6.
- ⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стлб. 15.
- ⁷ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 25.
- ⁸ Левашева В. П. Сельское хозяйство.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. («Труды ГИИМ», вып. 32). М., 1956, с. 35, 36.
- ⁹ Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян северо-восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 43.
- ¹⁰ Ср.: *Podwińska Z.* Technika uprawy roli w Polsce sredniowiecznej. Wrocław, 1962, s. 210, 223, rys. 112, 124.
- ¹¹ Выжарова Ж. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1965, с. 79, рис. 1, а; *Leser P.* Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931, S. 280, 281, Taf. 14; и др.
- ¹² *Podwińska Z.* Op. cit., s. 206, rys. 106, 107.
- ¹³ Фирсов Г. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854, с. 132.
- ¹⁴ Антонова В. П., Миева Н. Е. Каталог древнерусской живописи, т. II. М., 1963, табл. 164.
- ¹⁵ Арциховский А. В. Указ. соч., с. 22, 104; Антонова В. П., Миева Н. Е. Указ. соч., с. 60, 61, табл. 17, 20.
- ¹⁶ Довженко В. П. Землеробство в древней Руси до середины XIII ст. Київ, 1961, с. 254, № 71; с. 256, № 90; с. 259, № 114, 124.
- ¹⁷ Горский А. Д. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XVI—XVII вв.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 6. М., 1965, с. 19, 34, 35.
- ¹⁸ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, с. 247.
- ¹⁹ Экономические ответы Переяславльской провинции Залесского.— «Труды ВЭО», 1767, ч. VII, с. 88, 89, рис. на с. 92—93.
- ²⁰ Левашева В. П. Указ. соч., с. 34.
- ²¹ Даль В. И. Толковый словарь, т. II. М., 1965, с. 689; Зеленин Д. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, с. 11.
- ²² *Bratanič Br.* Nekoliko napomena o technickoj konstrukciji starog slavenskog pluga.— In: «Etnografija Polska», III, Wrocław, 1960.
- ²³ ПСРЛ, т. I. М., 1962, с. 227 (1103 г.); т. II. М., 1962, с. 252, 253 (1103 г.); с. 264, 265 (1111 г.); Романов Б. А. Смердний конь и смерд. СПб., 1909.
- ²⁴ Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства, т. I. Киев, 1911, с. 226—229.
- ²⁵ Покровский М. Н. Очерки истории русской культуры, ч. I. М.—Л., 1925, с. 43, 44.
- ²⁶ Правда Русская. М.—Л., 1940, с. 399, 420, 421.
- ²⁷ *Parain Ch.* The evolution of agricultural technique. The Cambridge economic history of Europe from the decline of the Roman Empire v. I. Cambridge, 1942, p. 132.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 134.
- ²⁹ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия.— САН, 1968, вып. VI-55, с. 56.

И. А. РАППОПОРТ

ЗНАКИ НА ПЛИНФЕ

Плоские кирпичи (плинфа) применялись на Руси с конца X до середины XIII в. На этих кирпичах довольно часто встречаются знаки, различные по рисунку и технике исполнения. Интерес к таким знакам проявился уже в первой половине прошлого века, причем особое внимание уделяли им смоленские краеведы, поскольку именно в Смоленске знаки на кирпичах обнаруживали в наибольшем количестве. Рисунки таких знаков, большей частью очень примитивно исполненные, приво-дились в различных краеведческих изданиях, а в начале XX в. И. И. Орловский

опубликовал даже целую сводную таблицу знаков на кирпичах, найденных при раскопках Борисоглебского собора Смядынского монастыря в Смоленске¹.

Первая серьезная попытка исследовательского подхода к знакам принадлежит И. М. Хозеру². Он предложил продуманную систему классификации и фиксации знаков, но не решился дать объяснения их смысла, отметив лишь, что придает их изучению очень большое значение. После работы И. М. Хозера исследователи при изучении памятников древнерусского кирпичного зодчества всегда уделяли знакам должное внимание и часто публиковали их таблицами. Делались также попытки объяснения причин появления знаков на кирпичах. Так, В. Голубович высказал мнение, что наличие собственных знаков у мастеров-кирпичников может быть связано с процессом организации ремесла³. В недавнее время к анализу знаков обратился Л. А. Беляев, пришедший к выводу, что рельефные знаки на торцах кирпичей «нельзя рассматривать иначе, чем знаки ремесленников, аналогичные или тождественные их тамгам»⁴.

Выпуклые знаки на торцах кирпичей известны в памятниках Чернигова, Смоленска, Полоцка, Гродно и ряда других древнерусских строительных центров. Знаки на постелистой стороне, вдавленные клейма и процарапанные по сырой глине метки встречаются значительно реже. В настоящей статье речь пойдет только о выпуклых знаках на торцах кирпичей, т. е. о самой распространенной категории знаков.

В итоге работ Смоленской архитектурно-археологической экспедиции (1962—1974 гг.) собрано огромное количество знаков на кирпичах, относящихся к 18 памятникам зодчества XII—XIII вв. Знаки эти в подавляющем большинстве случаев находятся на коротком торце кирпича, хотя иногда встречаются знаки и на длинном торце. Отмечено наличие и таких кирпичей, которые имеют знаки на двух торцах. Все знаки выпуклые и безусловно исполнены оттиском с деревянной матрицы.

Знаки очень разнообразны по рисунку. Большинство знаков простые: это либо черточки, либо сочетания нескольких черточек. Реже встречаются знаки, напоминающие буквы, а также звездочки, кружки, зигзаги и пр. (рис. 1). Известны и сложные декоративные знаки. Очень редки изображения, похожие на «княжеские» знаки; в Смоленске таких знаков найдено всего три — по одному знаку в церкви Василия, соборе Троицкого монастыря на Кловке и соборе на Протоке. Никакой хронологической эволюции знаков проследить не удастся, поскольку простейшие знаки преобладают во всех памятниках, а сложные декоративные встречаются как в самых ранних постройках (Борисоглебский собор — 1145 г.), так и в поздних (собор на Протоке — рубеж XII и XIII вв.).

Следует отметить, что во всех смоленских памятниках можно увидеть знаки, очень близкие по рисунку, но отличающиеся мелкими деталями, величиной или расположением на кирпиче, что свидетельствует о выполнении их оттиском с разных матриц (рис. 2). Такие знаки мы, естественно, должны считать разными вариантами. Вместе с тем их близость дает основания полагать, что мастера, вырезая изображение на деревянной матрице, имели в виду один рисунок. Определить, когда было задумано сделать одинаковый знак, а когда разные, хотя и похожие знаки, бывает не всегда легко. Поэтому если количество знаков, оттиснутых с одной матрицы, найденных при раскопках, можно подсчитать довольно точно, то количество разных рисунков определяется обычно лишь приблизительно.

Между группами знаков некоторых памятников имеется определенное сходство. Так, несомненно близость знаков Борисоглебского собора и церкви Петра и Павла. Явно выделяется также группа из трех храмов: на Большой Краснофлотской улице, на Оконном кладбище и на Протоке. Близкие по рисунку знаки в этих памятниках исполнены большей частью разными матрицами, но тем не менее они свидетельствуют либо об одних

и тех же мастерах, либо о какой-то общности или преемственности традиций формовки кирпичей. В нескольких случаях можно отметить не только близость рисунка знаков различных памятников, но и прямое их совпадение, т. е. оттиск с одной матрицы. Естественно, что речь идет о достаточно сложных по рисунку знаках, так как совпадение простых знаков может быть и случайным. Совпадение сложных и очень своеобразных знаков имеет место в Борисоглебском соборе, церкви Петра и Павла и церкви в Перекопном переулке. Имеются совпадения знаков и на кирпичах некоторых других памятников смоленского зодчества.

Наличие в разных памятниках знаков, оттиснутых с одной матрицы, могло иметь место только в том случае, если после завершения строительства одного здания при налаживании производства кирпича для следующей постройки использовали сохранившиеся дощечки с вырезанными на них рисунками знаков. Естественно, что такое сохранение матриц наиболее вероятно при работе одного и того же мастера-формовщика и, следовательно, свидетельствует о хронологической близости данных памятников.

Процент кирпичей, имеющих на торцах знаки, не вполне ясен. Ни в одном случае в Смоленске не удалось произвести точные статистические подсчеты соотношения количества кирпичей со знаками и без знаков. По-видимому, это соотношение не было одинаковым в разных памятниках. Приблизительный подсчет количества знаков можно сделать на сохранившихся участках стен раскопанных зданий. Так, в соборе Троицкого монастыря на Кловке на внутренней поверхности северной стены северного притвора имеется девять знаков на общее количество 200 кирпичей. Учитывая, что в кладке кирпичи одинаково часто укладывали знаками как на фасад, так и внутрь кладки, можно думать, что еще примерно такое же количество знаков здесь имеется на невидимой снаружи стороне кирпичей. Кроме того, из подсчета следует исключить кирпичи, выходящие на фасад длинной стороной, поскольку знаки в подавляющем большинстве случаев встречаются на коротком торце. В результате оказывается, что при таком подсчете знаки должны были иметь примерно 18 кирпичей из 150, т. е. 12%. В кладке апсиды этого же храма подобный подсчет дает несколько меньшее количество кирпичей со знаками — всего 8%.

Количество знаков, оттиснутых с одной матрицы, определяется также приблизительно. Максимальное число зарегистрированных одинаковых знаков — около 40. Если считать, что метили примерно 10% кирпичей, окажется, что партии, отмеченная одним знаком, состояла не менее чем из 400 экземпляров. В действительности, конечно, одинаковых знаков было гораздо больше и каждая партия, вероятно, состояла из нескольких тысяч штук. Отмечено, что одинаковые знаки чаще встречаются в одном и том же участке здания. Очевидно, это связано с тем, что здесь использовалась одна партия кирпичей, меченных одинаковыми знаками.

Общее количество различных знаков, применявшихся при формовке кирпичей одного здания, было довольно значительным. Конечно, ни в одном случае мы не знаем их подлинного числа, поскольку в раскопках удастся изучить лишь нижние части кирпичных кладок. В сохранившихся зданиях такой подсчет тем более невозможен. Больше всего вариантов знаков отмечено в соборе на Протоке; здесь их 214, если принимать за разные знаки изображения, оттиснутые с разных матриц. Если же сходные по рисунку знаки, даже с разных матриц, считать за один знак, то общее количество разных знаков, найденных в этом храме, будет около 130. Учитывая, что от здания собора сохранились только нижние части стен и столбов, можно полагать, что в целом сооружении было использовано не менее 200 знаков разного рисунка. Собор на Протоке — один из крупнейших памятников древнего смоленского зодчества; в большинстве памятников объем кирпичной кладки был меньшим, а следовательно,

Рис. 1. Смоленск. Собор на Протоке. Знаки на кирпичах

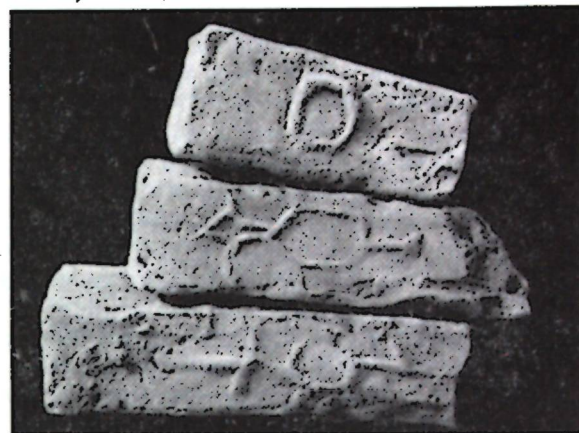
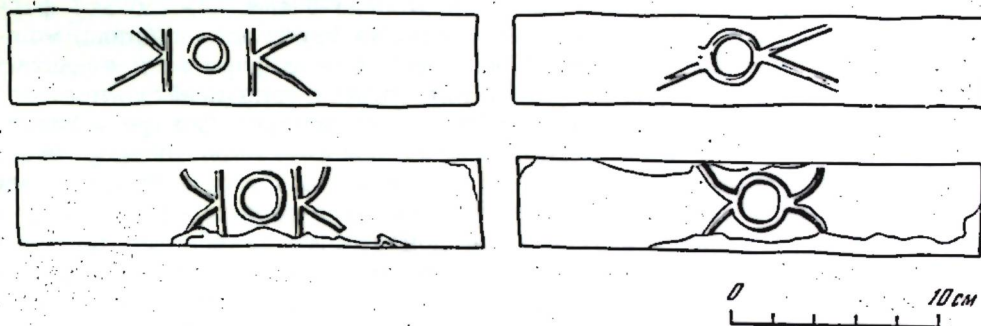

Рис. 2. Смоленск. Борисоглебский собор Смядынского монастыря. Знаки на кирпичах

и знаков тоже было несколько меньше. Можно полагать, что общее количество различных знаков на торцах кирпичей, использованных в каждом древнем памятнике Смоленска, составляло от 100 до 200, а возможно и несколько больше.

Определение количества знаков, имеющих на кирпичах одного здания, при всей приблизительности такого подсчета дает основания судить о назначении знаков. Так, несомненно, что ни на каком, даже самом грандиозном, строительстве не могло работать несколько сотен формовщиков кирпича¹. Следовательно, знаки не могут рассматриваться как личные знаки ремесленников. По той же причине они не могут рассматриваться и как знаки заказчиков. Очевидно, что столь многочисленные знаки могут быть только счетными или, вернее, производственными.

Детальное обследование кладок древних смоленских построек не оставляет сомнений в том, что знаки не играли никакой роли в процессе кирпичной кладки. Кирпичи со знаками использовались более или менее равномерно во всех частях здания, причем укладывались они знаками как на фасад, так и внутрь кладки. Очевидно, они имели значение не в кладке, а ранее, на этапе производства кирпича.

Чем можно объяснить, что знаками метили не все кирпичи, а только их часть? Видимо, это связано с тем, что отмечали один кирпич из партии, скорее всего, один на штабель («банкет»). Уложенный во время сушки кирпичей в верхней части штабеля, такой кирпич мог быть хорошо виден, и поэтому остальные кирпичи этого штабеля уже не нуждались в том, чтобы их метили. Но если одинаковые знаки отвечали мелким партиям кирпичей, то разные знаки должны были отвечать каким-то гораздо более крупным партиям, связанным с этапами производственного процесса. Наиболее вероятно, что этапом производства, которому соответствовал знак, был цикл кирпичеобжигательной печи. Видимо, партия кирпичей, помеченная одинаковыми знаками, предназначалась для одной загрузки печи.

Сезон формовки кирпичей заканчивался обычно раньше сезона работы печей, и заранее отформованные сырцы должны были храниться в сараях, ожидая пока их загрузят в печь. Естественно, что на всех штабелях сырцов должны были иметься ясно видимые знаки, по которым можно было определить, какие штабеля намечены для одной загрузки печи. Поскольку одновременно действовало около десятка печей, а каждая печь выдерживала по 8—10 циклов за сезон, получается, что за один сезон проводилось всего 80—100 циклов. Если каждый цикл отмечался отдельным знаком, то очевидно, что для такого крупного храма, как собор на Протоке, судя по количеству знаков, кирпичи изготавливали в течение двух (или даже трех) сезонов.

При каждой загрузке в печь помещали примерно 4—5 тыс. штук сырцов⁶. Таким образом, общее количество сырцов, подготавливаемых за сезон, должно было составлять около 400—500 тыс. Приписывая сезон формовки за 100 рабочих дней, получим, что за день работы надо было отформовать около 5 тыс. сырцов⁷. В XIX в. мастер-формовщик с двумя помощниками мог отформовать за день от 3 до 5 тыс.⁸ Поскольку формовка плинфы более трудоемка, чем формовка брускового кирпича, можно полагать, что древний смоленский мастер мог формовать не более 2 тыс. штук в день. В таком случае для изготовления необходимого количества сырцов должны были работать одновременно два-три мастера. Параллельная работа нескольких формовщиков объясняет, почему среди знаков, как правило, встречается по несколько знаков одинакового (или очень похожего) рисунка, но явно оттиснутых с разных матриц. Количество таких вариантов знаков в каждом памятнике обычно не более пяти—семи. Внимательное рассмотрение этих знаков показывает, что среди них имеются почти идентичные, но исполненные на кирпичах разного формата — широких и узких. Такие знаки могли принадлежать одному формовщику. Следовательно, количество знаков, принадлежащих разным мастерам, ни в одном памятнике Смоленска не превышает четырех-пяти. Видимо, формовщиков кирпича было очень немного.

Предположение, что знаки на торцах кирпичей соответствуют циклам кирпичеобжигательной печи, подтверждается наблюдением над знаками, найденными при раскопках самих печей. В верхней печи 1963 г. были найдены два рисунка знаков: один (в двух вариантах) на 24 кирпичах нормального формата, а другой — на девяти узких кирпичах. Очевидно, нормальные кирпичи, обжигавшиеся при последней загрузке этой печи, метились одним знаком, а узкие — другим. В печи, раскопанной в 1973 г., из 53 знаков 31 был одинакового рисунка, хотя в двух вариантах. Остальные знаки, найденные в единичном количестве, могли относиться не к продукции печи, а к разрушенным верхним частям ее наружных стенок. Таким образом, вся продукция последнего цикла этой печи, по-видимому, метилась одним знаком.

Если правильно предположение, что знаки на торцах кирпичей соответствуют циклам обжига, то естественно, что знаки простейшего рисунка — одна, две или три черточки — должны были применяться на кирпичах первых циклов работы печей. Следовательно, кирпичи с такими знаками попадали на стройку в самом начале и поэтому должны встречаться в основном в нижних частях здания. А так как в раскопках обычно удается изучить только самые нижние ряды кладки, преобладание простейших знаков получает логическое объяснение. Действительно, знаки простейшего рисунка составляют в раскопанных смоленских памятниках, как правило, не менее 20% от общего количества знаков, а в отдельных случаях — до половины всех найденных знаков. Между тем в соборе на Протоке, сохранившемся на несколько большую высоту, чем остальные раскопанные храмы Смоленска, простейшие знаки составляют всего около 10% общего их количества. На хорах же церкви Петра и Павла из 37 зарегистрированных знаков нет ни одного простого⁹.

Конечно, в настоящее время нельзя настаивать на предлагаемом решении вопроса о знаках как на единственно возможном; для этого еще слишком мало материала. Все приводимые подсчеты также очень приблизительны и могут лишь подтвердить возможность подобной интерпретации. Есть и другое предположение о значении знаков на торцах кирпичей: ими могли отмечать не партию загрузки к обжигу очень большую роль формовки. В процессе подготовки сырцов к обжигу очень большую роль играло время, которое эти сырцы сушились, лежа сперва плашмя, затем на ребре и, наконец, в штабелях. Естественно поэтому, что на кирпичах могли делать метки, обозначающие день их формовки. Штабеля, сложенные из сырцов одного дня формовки, могли иметь одинаковый знак, отличавший их от штабелей, формованных в другой день. Вполне вероятно, что кирпичи каждого дня формовки могли метить особым, не повторявшимся позднее знаком. В каждом сезоне это должно было давать около 100 знаков разного рисунка.

К сожалению, и при таком решении вопроса остаются некоторые факты, пока не получающие объяснения. Так, например, неясно, почему нередко встречаются знаки на двух торцах одного кирпича. Это, безусловно, не случайное явление, так как в печи 1973 г. были найдены три кирпича, имевших на противоположных торцах одинаковые знаки.

Мог ли иметь смысл сам рисунок знаков? Вне зависимости от того, какому производственному циклу соответствовал знак — загрузке печи или дню формовки, не исключено, что иногда знаки буквенного характера могли отвечать именам мастеров, а по каким-либо особым случаям формовщики могли использовать и княжеский знак — знак своего заказчика.

¹ Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. — В кн.: Смоленская старина, вып. I, ч. 1. Смоленск, 1909, с. 195.

² Хозеров И. М. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. — «Научные известия Смоленского государственного ун-та», 1929, т. V, вып. 3, с. 167.

³ Holubowicz W. Znaki rodowe i inne na przedmiotach z wykopalisk w Grodnie. — «Slavia antiqua» (Poznań), 1948, т. I, с. 580.

⁴ Беляев Л. А. Из истории древнерусского строительного ремесла. — В кн.: Проблемы истории СССР. Изд-во МГУ, 1973, с. 448.

⁵ По данным польских исследователей, при формовке кирпича в средневековой «погельне» работали обычно всего один-два мастера-формовщика (см.: Wyrobisz A. Sredniowieczne cegielnie w większych ośrodkach miejskich w Polsce. Studia z dziejów rzemiosła i przemysłu, t. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, s. 79).

⁶ Расчет производительности кирпичеобжигательных печей исполнен на основании изучения двух печей XII—XIII вв., раскопанных в Смоленске (см.: Юшко А. А. Кирпичеобжигательная печь конца XII в. в Смоленске. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 309; Раппопорт П. А., Шолохова Е. В. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция. — АО 1973 г. М., 1974, с. 75).

⁷ Длительность сезона формовки кирпичей достаточно ясно определяется на основании этнографических материалов (см. также: Рошефор И. И. Иллюстрированное учебное положение. Пг., 1916, с. 295).

⁸ Вебер К. К. Практическое руководство по производству кирпича. Спб., 1893, с. 132.

⁹ Следует отметить, что простейших знаков совершенно не обнаружено при раскопках терема (Воронин И. И., Раппопорт П. А. Смоленский детинец и его памятники. — СА, 1967, № 3, с. 287). Полная идентичность кирпичей терема и расположенной рядом бесстолпной церкви позволяет предположить, что кирпичи для обоих зданий изготавливали одновременно в тех же печах: сперва из этих кирпичей строили бесстолпную церковь, а затем перешли к строительству терема. В таком случае кирпичи первых циклов обжига должны были целиком уйти на здание бесстолпной церкви и не попали в кладку терема.

О ПОДКОВООБРАЗНЫХ ФИБУЛАХ С УТОЛЩЕННЫМИ КОНЦАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Среди разнообразных импортных изделий, встречаемых в древнерусских памятниках начала II тысячелетия н. э., интересна небольшая группа подковообразных фибул с утолщенными концами. Впервые сведения о них были сгруппированы В. А. Малым¹. С появлением новых материалов стало возможным уточнить датировку этих предметов, очертить территорию их распространения, а также попытаться определить пути их проникновения на Русь.

К настоящему времени имеются сведения о 23 фибулах с 19 памятников Руси. Все они бронзовые, с массивной дугой, концы которой утолщены и в сечении круглые или овальные. Игла — в виде прямого или изогнутого стержня, ее основание расковано в плоскую пластинку, на которой иногда просматривается ребро. Встречаются фибулы как орнаментированные, так и без орнамента. Орнаментация растительная (по терминологии В. А. Малым), в которой преобладают спирали или завитки, или геометрическая, состоящая из насечек, линий, глазков и их различных сочетаний (рис. 1).

Все подковообразные фибулы с утолщенными концами происходят из западных и северо-западных областей Восточной Европы: от Припяти на юге до Финского залива на севере, от западных границ Руси до Днепра на востоке (рис. 2). Больше всего их сосредоточено на северо-западе Белоруссии, в бассейнах Вилии, Немана и Березины.

Рассматриваемая форма фибул встречается как при раскопках курганов, так и древних поселений. В древнерусских погребальных комплексах они встречены дважды. Две фибулы — одна с гравированным зигзагообразным орнаментом, без иглы, другая неорнаментированная, с сильно изогнутой дугой, имеющей широкое основание, — известны из курганного могильника XI—XII вв. у дер. Нарвы². Они найдены в мужских захоронениях, ориентированных на запад, и находились на поясе. Кроме того, в состав погребального инвентаря входили гончарные горшки XI—XII вв., широколезвийные топоры и железные ножи. Аналогичная по орнаменту, но несколько меньшая по размеру фибула найдена в кургане XI—XII вв. северо-западной части Новгородской земли у дер. Калитино³. Она имеет длинную изогнутую иглу с узким основанием.

Ближайшими аналогиями рассматриваемым фибулам являются две находки из восточнолитовских курганов с сожжением у дер. Засвирь, относящиеся к X—XI вв. Иглы у них изогнуты и напаяны на широкое основание. Внешний диаметр фибул 5 см, орнамент на одной спиральный, на другой концы покрыты глубокими поперечными бороздками⁴.

Основная же масса древнерусских фибул с утолщенными концами происходит с городищ и селищ, где они датируются в основном XI—XIII вв. Так, с материалами XI—XII вв. найдена фибула с рифлеными концами и накладками из серебра на селище у дер. Сулятичи под Новгородом⁵. По размерам она близка фибулам из курганов, игла не сохранилась. В слоях XII в. Новгородка встречена фибула с геометрическим орнаментом (сочетание циркульного и линейного)⁶, имеющая несколько изогнутую иглу с узким основанием. Подобная ей фибула известна с городища Осовик, датированного XII—XIII вв.⁷ К этому же времени относятся фибулы с растительным орнаментом из Гродно⁸, Браслава⁹ и Логойска¹⁰.

В памятниках XII—XIII вв. найдены небольшие по размеру фибулы с линейным орнаментом на утолщенных концах или совсем неорнамен-

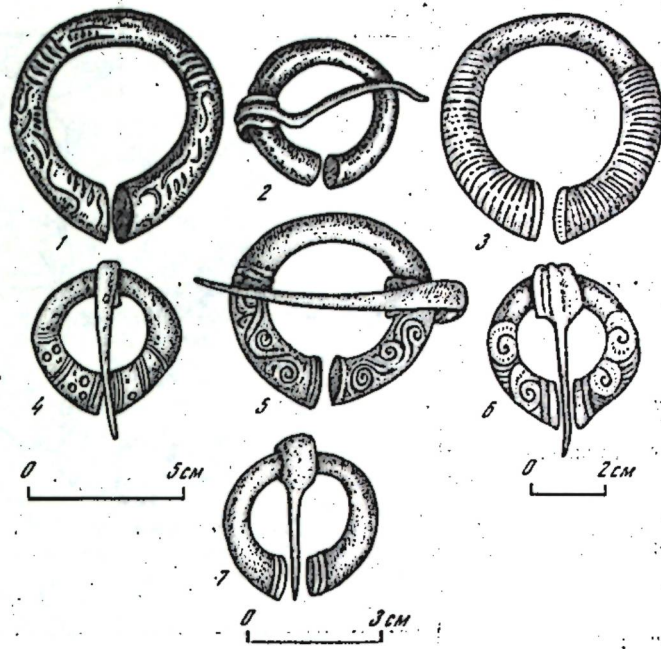

Рис. 1. Подковообразные фибулы с утолщенными концами

1, 2 — Нарвы; 3 — Сулятичи; 4 — Новгородок; 5 — Калитино; 6 — Логойск; 7 — Бородинское городище

тированные, с почти прямой иглой и широким ее основанием. Две такие фибулы известны из Бородинского городища на Смоленщине¹¹, одна — из раскопок в Мстиславле¹².

На основе ряда признаков — размеров внешних диаметров, степени изогнутости иглы, характера ее основания, формы концов и орнамента — удастся выделить более ранние варианты фибул. Вдоль северо-западного пограничья русских земель и в междуречье Березины и Вилии найдены экземпляры, имеющие растительный орнамент, изогнутую иглу с узким и широким основанием с ребром и овальное сечение и внешний диаметр дуги от 4 см и более, признаки, характерные для изделий конца XI—XII в. (Калитино, Браслав, Нарвы, Лукомль, Логойск, Борисов¹³ и др.).

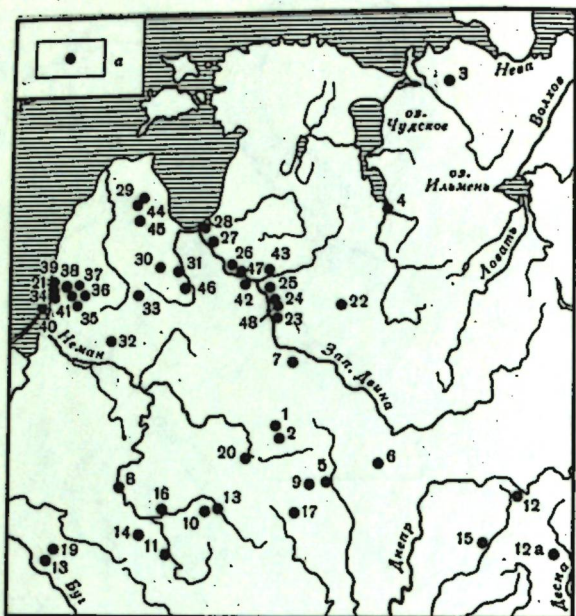
Фибулы, встреченные в основном южнее и восточнее названных, обладают более поздними признаками — диаметры их до 4 см, игла почти прямая, переходящая в широкую пластину-основание, орнаментация бедная. Среди них преобладают фибулы с геометрическим орнаментом или совсем неорнаментированные. Они относятся, по нашему мнению, к XII—XIII вв., чему не противоречат и датировки, предлагаемые авторами раскопок (Бородинское городище, Мстиславль, Минск, Волковыск¹⁴, Слоиним¹⁵).

На основании изученных материалов можно говорить о появлении подковообразных фибул с утолщенными концами в древнерусских памятниках в конце XI — начале XII в. В XII в. отмечается разнообразие элементов орнаментации. В XII—XIII вв. данная форма фибул проникает на восток и юг; размеры их уменьшаются и упрощается орнамент.

Рассматриваемую форму фибул исследователи считают прибалтийской. Действительно, многочисленные их находки известны преимущественно на территории юго-восточной Прибалтики, и только в единичных случаях они встречены в других странах (Финляндия, Эстония, древняя Пруссия). Картография исследуемых фибул на территории Латвии и Литвы показывает, что наибольшее их сосредоточение наблюдается на

Рис. 2. Распространение подковообразных фибул с утолщенными концами на территории Руси и Юго-Восточной Прибалтики

- а — пункты находок;
- 1 — Засвирь;
  - 2 — Павры;
  - 3 — Калитино;
  - 4 — Изборск;
  - 5 — Старый Борисов;
  - 6 — Лукомль;
  - 7 — Браслав;
  - 8 — Гродно;
  - 9 — Логойск;
  - 10 — Новогрудок;
  - 11 — Слоним;
  - 12 — Бородинское городище;
  - 12а — Осовик;
  - 13 — Сулятичи;
  - 14 — Волковыск;
  - 15 — Мстиславль;
  - 16 — Турыйск;
  - 17 — Минск;
  - 18 — Дрогичин;
  - 19 — Чарна Великая;
  - 20 — Гурковичи;
  - 21 — Пришманчай;
  - 22 — Лудза (Люцини);
  - 23 — Ерсина;
  - 24 — Даугавас Огленени;
  - 25 — Асоте;
  - 26 — Аизкраукле;
  - 27 — Саласпилс;
  - 28 — Рига;
  - 29 — Талсинское городище;
  - 30 — Тервете;
  - 31 — Межотне;
  - 32 — Болгес;
  - 33 — Рингувеняй;
  - 34 — Куршская коса;
  - 35 — Плателяй;
  - 36 — Гинтелишке;
  - 37 — Сирайчяй;
  - 38 — Лайвалт;
  - 39 — Паланга;
  - 40 — Скеряй;
  - 41 — Наусодис;
  - 42 — Леядопелес;
  - 43 — Каленавас;
  - 44 — Вилкумшас;
  - 45 — Маткулес;
  - 46 — Ислицез;
  - 47 — Даугмале;
  - 48 — Ливану

западном побережье Литвы, в центральной части литовско-латвийского пограничья, на западном побережье Рижского залива и вдоль всего течения Западной Двины до границ с русскими княжествами (см. рис. 2). На территории Латвии (по доступным нам материалам) данные фибулы характерны для XI—XIII вв. и преобладают в XII—XIII вв.¹⁰ В Литве их много найдено в грунтовых могильниках X—XII вв.¹⁷ Там же сделана и самая ранняя находка такой фибулы (Саргеняй)¹⁸ — с расширенными прямоугольными в сечении концами, относимая исследователями к X—XI вв. Она, возможно, послужила прообразом для прочих фибул с утолщенными концами, хотя некоторые исследователи ведут их происхождение с Готланда¹⁹, где известны экземпляры с рифлеными концами. В литовских материалах имеются и поздние (упрощенные) варианты данной формы, дожившие до XIV—XV вв.

Является ли родиной рассматриваемого вида фибул юго-восточная Прибалтика или нет — покажет дальнейший анализ прибалтийского материала; сейчас ясно одно, что здесь они получили наибольшее распространение и отсюда проникли на территорию Руси. О последнем свидетельствует и сходство в орнаментации древнерусских и прибалтийских находок. Так, фибулы с рифлением на концах известны и в прибалтийских памятниках: в грунтовом могильнике Сирайчяй, на городище Тервете, и на древнерусском селище Сулятичи. Циркульный орнамент, подобный новогрудскому, широко представлен на находках как в западно-литовских могильниках, так и среди древностей по течению Западной Двины (Паланга, Плателяй, Скеряй, Асоте, Тервете, Саласпилс и др.). Растительный орнамент преобладает на фибулах с территории Латвии (Талсы, Межотне, Тервете). В грунтовых могильниках западного побережья Литвы часто встречаются фибулы с линейным орнаментом (Паланга, Скеряй).

На древнерусской территории фибулы с растительным орнаментом сосредоточены в основном в междуречье Западной Двины, Вилии и Березины. Возможно, они проникли сюда по двинскому торговому пути. Тот факт, что их много найдено в бассейне Немана, говорит о втором направлении — неманском, по которому шла торговля Руси с Прибалтикой.

- 1 Малым В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. — «Труды ГИМ», 1967, вып. 43, с. 158.
- 2 Sihak-Holubowiczowa H. Material i zagadnienia smentarzynskie kurhanowego koło wsi Nawry w pow. Postawskim. — In: Rocznik archeologiczny, t. I. Wilno, 1937, s. 38.
- 3 Спицын А. А. Курганы Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, № 20, с. 25, табл. XIV, 12.
- 4 Покровский Ф. В. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении. — «Труды Х АС», 1896, т. I, с. 82, табл. I, 2; III, 3.
- 5 Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Пономанья. М. — Л., 1962, рис. 78, 1.
- 6 Гуревич Ф. Д. Прибалтийский импорт в Пономанье в X—XIII вв. — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, с. 55.
- 7 Павлова К. В., Ранпопорт П. А. Городище Осовик XII—XIII вв. — СА, 1973, № 1, рис. 4, 10.
- 8 Воронин Н. И. Древнее Гродно. — МИА, 1954, № 41, рис. 31, 6.
- 9 Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава. — КСИИМК, 1960, вып. 81, с. 125, рис. 41.
- 10 Штыгов Г. В. Раскопки в Логойске в 1968 г. — Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969, с. 125, рис. 2, 1.
- 11 Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской обл. — МИА, 1960, № 92, с. 117, рис. 59, 12, 13.
- 12 Алексеев Л. В. Древний Мстиславль. — КСИА, 1975, вып. 146.
- 13 Штыгов Г. В. Исследования в Северной Белоруссии. — АО 1969 г. М., 1970, с. 309; он же. Археологическая карта Белоруссии, ч. II. Минск, 1971, с. 164. Пользуюсь случаем поблагодарить Г. В. Штыгова за предоставленные материалы и ценные указания.
- 14 Очерки по археологии Белоруссии, т. 2. Минск, 1972, рис. 15, 4.
- 15 Зверуго Я. Г. Раскопки в Слониме. — АО 1968 г. М., 1969, с. 350; он же. Археологические работы в Слониме. — В кн.: Беларускія старажытнасці. Минск, 1972, с. 260.
- 16 Latvijas PSR archeologija. Riga, 1974, Ipp. 190, 216, 230, tab. 48, 7, 8; 58, 21—24; 66, 17, 20.
- 17 Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, s. 480—482.
- 18 Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958, N 450.
- 19 Nermann V. Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958, S. 181.

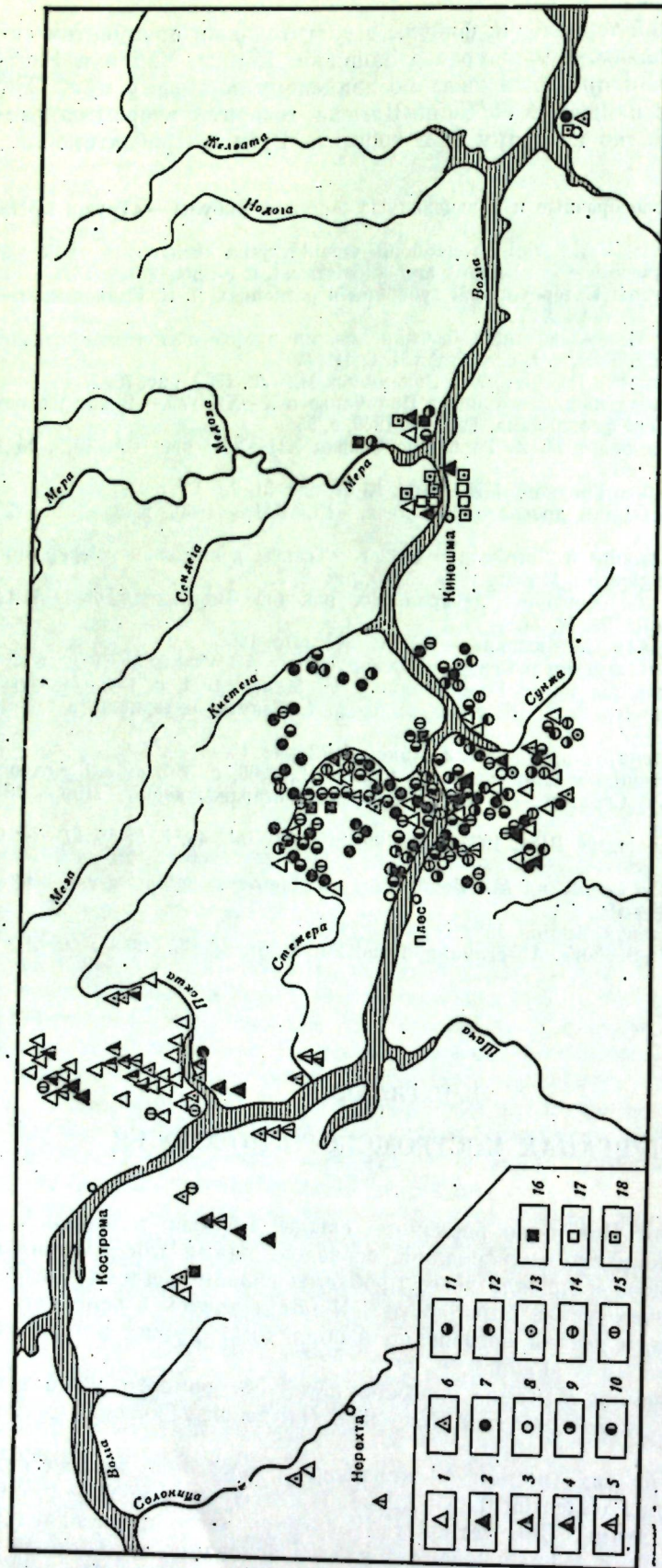
В. П. ГЛАЗОВ

О КУРГАНАХ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В Костромском Поволжье раскопано свыше 1,5 тыс. курганов¹. Их материалы неоднократно привлекались исследователями для решения исторических вопросов и прежде всего проблемы славяно-финских отношений в эпоху древнерусской народности². Использовались в основном вещи инвентари, а детали погребальной обрядности до сих пор не подвергались специальному анализу.

Изучение строения курганов и особенностей похоронного ритуала позволяет выделить в Костромском Поволжье три этнографических региона (рис.).

Для первого из них (регион А) характерны невысокие насыпи полу-сферической формы (высотой 0,25—1,2 м). В них обычны мелкие угольки и зольные вкрапления. При устройстве курганов часто применялся камень. В 252 насыпи зафиксирована обкладка основания кольцом из валунов, а в ряде курганов камнями обложена вся поверхность. Погребения

Карта этнографических регионов Костромского Поволжья

- 1 — ориентировка погребенных на северо-запад;
 2 — ориентировка погребенных на север;
 3 — погребение на зольно-угольной прослойке;
 4 — золоченые стеклянные бусы;
 5 — ромбоштитковые височные кольца;
 6 — браслетообразные височные кольца;
 7 — ориентировка погребенных на юго-запад;

- 8 — ориентировка погребенных на юг;
 9 — ориентировка погребенных на юго-восток;
 10 — своды или заливки;
 11 — зольно-угольная прослойка в насыпи;
 12 — погребение сидя;
 13 — погребение в скорченном положении;

- 14 — насыпи конические и усеченно-конические;
 15 — орнамент типа ромбоштитковых;
 16 — ориентировка погребенных на восток;
 17 — деревянные конструкции;
 18 — зольно-угольная прослойка и насыпи и кострище над погребением

совершались на древнем горизонте. Умерших клали головой к западу (62,9%), северо-западу (31%) и к северу (5%). Имеются целые группы курганов с однотипной ориентацией покойников (12 групп, включающих 128 насыпей, с северо-западной ориентировкой и 3 группы с 39 меридиональными положениями).

Этот регион включает бассейны рек Покши, Севдеги и Кубани, впадающих в Волгу в окрестностях Костромы, поэтому его можно назвать костромским.

Определяются и характерные металлические украшения этого региона. Здесь получили распространение ромбоштитковые и браслетообразные височные кольца. Ромбоштитковые украшения найдены в 20 погребениях. Они или завязанные, или сомкнутые и почти все имеют характерный узор в виде креста с кружками на концах. Браслетообразные кольца (сомкнутые или завязанные) встречаются в 12 захоронениях. Завязанные экземпляры сходны с височными кольцами смоленских кривичей. Следует заметить, что ромбоштитковые и браслетообразные украшения ни разу не встречены в меридиональных групповых положениях.

Регион Б (Колдомо-Сунженский), в котором раскопано свыше 600 курганов, охватывает берега Волги ниже г. Плесо и бассейны ее притоков Колдомы, Сунжи, Солдыги. Для этой территории характерны высокие курганы (1,4—3 м и выше). Форма их разнообразна: овальные с округленным верхом, конические, усеченно-конические. Как правило, конические и усеченно-конические насыпи занимают в могильниках центральное положение или же стоят особняком в 40—50 м от основной группы².

Для раннего времени обкладка камней оснований курганов не свойственна. Позднее она имеется (зафиксирована в 30 курганах восьми могильников). Гораздо чаще встречаются насыпи с камнями, набросанными по всей поверхности (88 курганов в 23 группах).

Погребения совершались на материке, древний дерновый слой при этом срезался. Встречаются и захоронения в неглубоких могильных ямах, относящихся к позднему периоду. В 79 курганах (23 могильника) прослежены над погребениями зольно-угольные прослойки.

Наряду с распространенной западной ориентировкой (213 из 356 курганов, где определено направление погребенных, т. е. 60,2%) для этого региона характерна и юго-западная (84 погребения, или 23,6%). Отмечены также южная, юго-восточная и другие ориентировки.

В этом регионе встречен интересный обряд — устройство глиняных сводов и заливок над погребениями. В дневниках Ф. Д. Нефедова отмечено 76 подобных курганов⁴.

Помимо захоронений в вытянутом положении, на спине в этом регионе отмечены захоронения в сидячем положении (Обабково II, Сухарево II, земля Королева, Кочергино, Чувиль, Иорданиха) и в скорченном (Кочергино I, Обабково I, Обабково II, Могильцы, Иорданиха, Никулина, уроч. «Князьки сосны»).

Имеется своеобразие и в вещевом инвентаре погребенных рассматриваемого региона. Славянские височные кольца здесь почти неизвестны (найден только два овально-штитковых кольца), нет стеклянных позолоченных бус. Зато сравнительно широко представлены зооморфные и шумящие привески. В четырех могильниках при погребенных обнаружены топоры. Интересно, что в курганах со сводами и заливками встречаются зооморфные и шумящие украшения и отсутствуют типично славянские.

Регион В (Кинешемский) занимает восточную часть Костромского Поволжья. Он включает бассейны небольших волжских притоков: Меры, Черной, Кинешемки и Елнати. Здесь исследовано сравнительно немного курганов (около 100). Они выделяются следующими специфическими признаками.

1. Почти полным отсутствием каменных обкладок.

2. Наличием внутренних срубных конструкций (Рыжково, Алешково, Зайковка). Бревна срубов укладывались на уровне древнего горизонта, окаймляя могильные ямы. Срубные конструкции сооружались перед захоронениями. После помещения умерших в грунтовую яму она и внутреннее пространство в срубах заполнялись глиной с утрамбовкой. Затем на уровне горизонта разводился ритуальный костер.

3. Обычной для погребенных в этом регионе является широтная ориентировка. Наряду с распространенной западной ориентировкой здесь зарегистрированы и труположения головой к востоку (14 захоронений из 22 открытых в Костромском Поволжье).

4. Есть редкие случаи расчленения погребенных (р. Мерижка и близ пионерлагеря при дер. Вершинино) — захоронения черепов, нарушения анатомического порядка костей скелетов⁵.

5. Встречаются единичные погребения с глиняными заливкой и сводами.

Среди вещевого инвентаря курганов третьего региона относительно много финно-угорских украшений: каркасных треугольников, зооморфных подвесок, горизонтальных игольников, игл с кольцами. В особенности это касается погребений с внутрикурганными срубами. Иногда встречаются орудия труда. Нередко этим вещам сопутствуют покрытия погребенных берестой или лубом.

Начеваемые три локальные группы костромских курганов, по-видимому, отражают какие-то этнографические различия населения Костромского Поволжья. Мысль о возможности хронологического различия курганов в трех выделяемых регионах должна быть отброшена, поскольку датировка этих древностей свидетельствует об одновременном существовании курганов на всей территории. Распределение костромских курганов на хронологические стадии показывает, что курганный обряд погребения появляется во всех трех регионах уже на ранней стадии и бытует широко в средней и поздней стадиях.

Очевидно, нужно признать, что формирование населения в трех регионах Костромского Поволжья происходило различными путями и из различных этнографических групп.

Курганы костромского региона по ряду признаков (кольца валунов вокруг основания, наброска камней на поверхности насыпи, ромбо-щитковые височные кольца) сближаются с курганами Новгородской земли. По-видимому, основной поток переселенцев сюда направлялся с северо-запада. При этом в потоках колонистов, нужно полагать, помимо словен новгородских находились славянизированные потомки води, ижоры и веси. В то же время наличие в костромских курганах этого региона каркасных и кольчатых треугольников, иногда в сочетании с меридиональной ориентировкой погребенных свидетельствует об участии в этногенезе населения местного мерянского компонента. В пользу последнего говорит и керамический материал. Значительная часть глиняной посуды из курганов этого региона находит ближайшие аналогии в керамике Сарского и Сунгирьского грунтовых могильников. Таким образом, можно полагать, что население XI—XIII вв. первого региона Костромского Поволжья сформировалось в результате контактов меря с переселенцами из Новгородских земель.

Несколько большей сложностью отличается генезис средневекового населения Колдомо-Судженского региона. На первых порах население этой территории составляли также выходцы из Новгородчины, смешавшиеся с местной мерей. При этом доля финно-угорского компонента здесь была более значительной (около 17% исследованных курганов содержат различные финские элементы). Не исключено, что в освоении этого региона приняли участие выходцы из окраинных районов Новгородской земли — Приладожья и Белозерья, где имелся значительный веский компонент. Об этом говорит наличие в костромских курганах второго региона захо-

ронений с юго-западной ориентировкой. Известно, что в курганах Приладожья преобладает южная (включая юго-западную и юго-восточную) ориентировка⁶. Захоронения в сидячем положении, встречаемые в курганах описываемого региона Костромского Поволжья, скорее всего отражают миграцию из славяно-водского ареала.

Примерно в начале средней хронологической стадии в этом регионе появляются курганы с зольными прослойками над погребенными. Определить, из какой части древнерусской территории привнесена была эта особенность погребальной обрядности, не представляется возможным.

Населению Кинешемского региона формировалось также на местной мерянской основе. Этот регион выделяется прежде наличием срубных конструкций в курганах с восточной ориентировкой погребенных. Первая особенность имеет близкие параллели в приладожских курганах и, очевидно, оттуда занесена в Костромское Поволжье. Восточную ориентировку погребенных в древнерусских курганах некоторые исследователи считают реликтом балтского субстратного населения⁷. Если это так, то можно предполагать прилив населения в Кинешемское Поволжье из западных областей — с верховьев Волги, Днепра и Западной Двины. Впрочем, такая же ориентировка изредка встречается и в курганах Белозерья и Приладожья.

К числу местных мерянских особенностей этого региона принадлежат своды и заливки из глины, расчлененные труположения. Об участии меря в генезисе кинешемского населения свидетельствует и керамика, в значительной степени сходная с мерянской посудой Ростово-Суздальского края.

¹ Миловидов И. Древности Костромского края. — В кн.: Костромская старина, вып. I. Кострома, 1890; он же. Новые сведения о древностях Костромского края. — В кн.: Костромская старина, вып. II. Кострома, 1892, с. 112–113; Два доклада члена Комиссии Н. М. Бекаревича о произведенной им совместно с членом-делопроизводителем И. Д. Преображенским раскопке курганов в Костромской губ. — В кн.: Костромская старина, вып. III. Кострома, 1894, с. 24–36; Преображенский И. Д. Костромская старина, вып. IV. Кострома, 1897, с. 371–375; Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов в 1895–1899 гг. — В кн.: Костромская старина, вып. V. Кострома, 1901, с. 302–462; Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. — В кн.: Материалы по археологии восточных губерний России, т. III. М., 1899, с. 161–234.

² Спицын А. А. Древности Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск, 1924; Трегьяков П. Н. Костромские курганы. — ИГАИМК, 1932, т. X, вып. 6–7; он же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94.

³ Конические насыпи зафиксированы в Иорданихе (5, 12), даче Королева (1, 3), земле Королева, группа I (1), группа II (3), и в Кочергине; усеченноконические — в Кисловской II (3, 8), Иворове (2), пустоши Соверцы (отдельный курган), Обабково I (1), Обабково II (7), Кошелихе (6).

⁴ Недавно курганы с подобными сводами и заливками исследовались автором в могильнике близ с. Чернокулово в Юрьев-Польском р-не Владимирской области. Среди 10 раскопанных насыпей четыре имели своды и еще четыре — заливки над погребениями. Захоронения под сводами совершены в подкурганых ямах значительной глубины, при наличии заливки могильные ямы имели глубину всего в 10–15 см.

⁵ Подобный ритуал зафиксирован в некоторых муромских грунтовых могильниках (например, в Малышевском).

⁶ Кочуркина С. И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, табл. XII, XIII.

⁷ Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси. — СА, 1961, № 2, с. 103–121; он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, рис. 42, 43.

ГОНЧАРНЫЕ ЦЕНТРЫ VIII—IX ВВ. В ТАВРИКЕ

VIII—IX столетия в истории Таврики отмечены двумя отчетливо выраженными явлениями. С одной стороны, упадком Херсона (что выразилось в резком ослаблении торговых связей и прекращении выпуска собственной монеты, прекращении монументального строительства и т. д.), с другой — приливом нового населения, по преимуществу болгар, из Приазовья и заселением пустовавших перед тем земель в южной части Таврики. Бурный рост поселений объясняет высокий темп развития производительных сил, развития ремесла, в частности гончарного. Возникло несколько больших гончарных центров как в восточной, так и в южной и юго-западной частях страны: к западу от Судака (Чабан-куле и Канакской балке, в Новом Свете и близ с. Лесное), к востоку от Алушты (близ бывших селений Туак и Кучук-Узень), около Мисхора к северу от Бахчисарая (близ с. Трудолюбовка) и на р. Бельбек (близ с. Голубинки). Раскопки в этих центрах (особенно в Чабан-куле и Канакской балке) выявили значительные по размеру гончарные печи VIII—IX вв. с системой продольных и поперечных каналов, предназначенные для обжига амфор, фляг и черепиц.

Трудно переоценить историческое значение этих замечательных памятников.

Во всех названных гончарных центрах выбор места для сооружения печей был обусловлен наличием залежей хорошей глины и пресной воды (источники или речки). Печи эти расположены, как показали раскопки, вне древних поселений. Гончары работали, вероятно, только в летние месяцы, т. е. сезонно. Особенно крупной была концентрация гончарных печей близ Чабан-куле, где нами зарегистрировано более 20 печей, расположенных цепочкой по краям продолговатой возвышенности вдоль берега моря. Пять из печей раскопаны. На двух из них (печи 18 и А) кратко остановлюсь.

Печи эти весьма внушительного размера. Ширина одной из них у основания топочной камеры — 5,6 м, длина — 5,2 м¹. Сложены они из сырцовых кирпичей, замешанных на соломе и обожженных в процессе эксплуатации печей (размер кирпичей 36×23×13 см, но встречаются и короче — 20—22 см).

Печи двухъярусные. В нижнем ярусе помещается топочная камера с двумя продольными параллельными каналами, от которых отходят, круто поднимаясь вверх, короткие поперечные каналы. Верх их (перекрытие) прорезан жаропроводными отверстиями (продухи), образующими несколько рядов: через них топочные газы проходили в верхнюю обжигательную камеру (в восточном Крыму обычно квадратную), перекрытую полуцилиндрическим сводом. Продольные каналы — высотой немного выше человеческого роста (у печи 18 один канал высотой 1,75 м, у печи А — 2,10 м), шириной у одной печи — 50—80 см, у другой — 56—70 см. Боковых поперечных каналов — пять пар, шириной 20—25 см. Стенки между ними сложены из наклонно положенных сырцовых кирпичей (соответственно наклону самих каналов), а вверху кладка переходит в клинчатые арочки, веерообразно сложенные из тех же кирпичей, перекинутые через продольные каналы. Стены каналов покрыты глиняной обмазкой, не раз возобновлявшейся, оплывшей и сильно ошлаковавшейся. На полу скопился толстый (до 50 см) слой слежавшейся золы.

К устью топки примыкало огражденное каменной кладкой небольшое помещение (шириной до 4,7 м) для дров — топливник; у печи А он был углублен в землю.

Обычно печи врезаны в склон возвышенности. Выступает из глиняного массива лишь передняя часть печи с топкой; с этой стороны печь укреплена каменным панцирем.

Обжигательная камера у одной из печей (18) имела ширину 3,84 м, у другой (А) — 3,3—3,4×3,7 м. У печи 18 сохранилось 13 продухов, а было их не менее 45; у печи А под не сохранился. Любопытно, что диаметр продухов неодинаковый; более близкие к топке уже — 12—13 см, более удаленные шире — 16—19 см; очевидно, по мере удаления от топки продухи делали шире с целью равномернее распределить приток топочных газов в обжигательную камеру. Под всех раскопанных нами печей не раз ремонтировался. Так, под печи 18 имел семь слоев обмазки общей толщиной 30 см; печь А — шесть слоев общей толщиной 15—20 см. Стены же камеры печи А — несколько слоев обмазки общей толщиной 7—8 см.

Обжигательная камера печи 18, так же как и других печей, где это можно было выяснить, была перекрыта кирпичным сводом, на что указывает легкий наклон стен камеры, начинающийся с самого низа. Судя по кривизне свода, он вряд ли превышал человеческий рост.

С южной стороны печей 18 и А выявлены мощные (до 1 м толщиной) слои керамического лома (обломки амфор), свидетельствующие о значительном проценте брака при обжиге изделий. Керамический лом использовался и в процессе обжига. Им заполняли свободные промежутки между загруженными в печь изделиями.

Интересно, что на месте печи 18, как показали раскопки, существовала другая, ей предшествовавшая. Печь А, неоднократно ремонтировавшаяся, от долгой эксплуатации пришла в ветхость (на это указывает деформация стен), и ее использовали как производственное или жилое помещение.

В печах Чабан-куле обжигались амфоры — круглодонные, вытянутой формы, обычно называемые салтовскими; но правильнее их называть северопричерноморскими. Они имеют высокое расширяющееся кверху горло и сильно выступающий венчик. Амфоры эти встречаются в двух вариантах — большем и меньшем. Их вертикально устанавливали в печи на особых клиньях-подставках с вогнутой поверхностью (соответственно округлости дна амфор). На этих клиньях часто встречаются знаки собственности, сделанные по сырой глине, преимущественно в виде условных знаков (гончары, как видно, были неграмотны); только на одной подставке прочерчена греческая буква Ν. Промежутки между амфорами загружали другим видом изделий — флягами.

Еще один большой керамический центр того же времени находился почти рядом с Чабан-куле, в 10 км западнее, и тоже на морском берегу, при впадении в море р. Канаки. Печи также расположены одна за другой на юго-восточном склоне прибрежных холмов. Пока выявлено пять печей, раскопано три. Все они того же типа, что и печи в Чабан-куле: двухъярусные, из таких же сырцовых кирпичей, замешанных на соломе, приблизительно тех же размеров. Но в отличие от печей Чабан-куле они несколько проще: имеют лишь один продольный канал и не пять, а только четыре пары поперечных боковых.

Из всех раскопанных печей одна (открыта в 1970 г.) выделяется исключительно полной сохранностью: целиком сохранилась топочная камера со всеми ее сводами, под обжигательной камеры и начало ее полуцилиндрического свода (рис. 1, 2). Сообщу лишь основные данные о печи, без деталей. Она также сложена из сырцовых кирпичей, замешанных на соломе, размером 28×15×10—12 см. Длина продольного канала 3,90 м, ширина — 70 см, высота — 1,75—1,90 м. Поперечных каналов четыре пары, ширина их 25—31 см, начинаются они на высоте 36—38 см от пола и круто поднимаются вверх. Продольный канал перекрыт клинчатыми сводиками. Своды печи весьма капитальны.

В верхнем ярусе печи — ее обжигательной камере — полностью со-

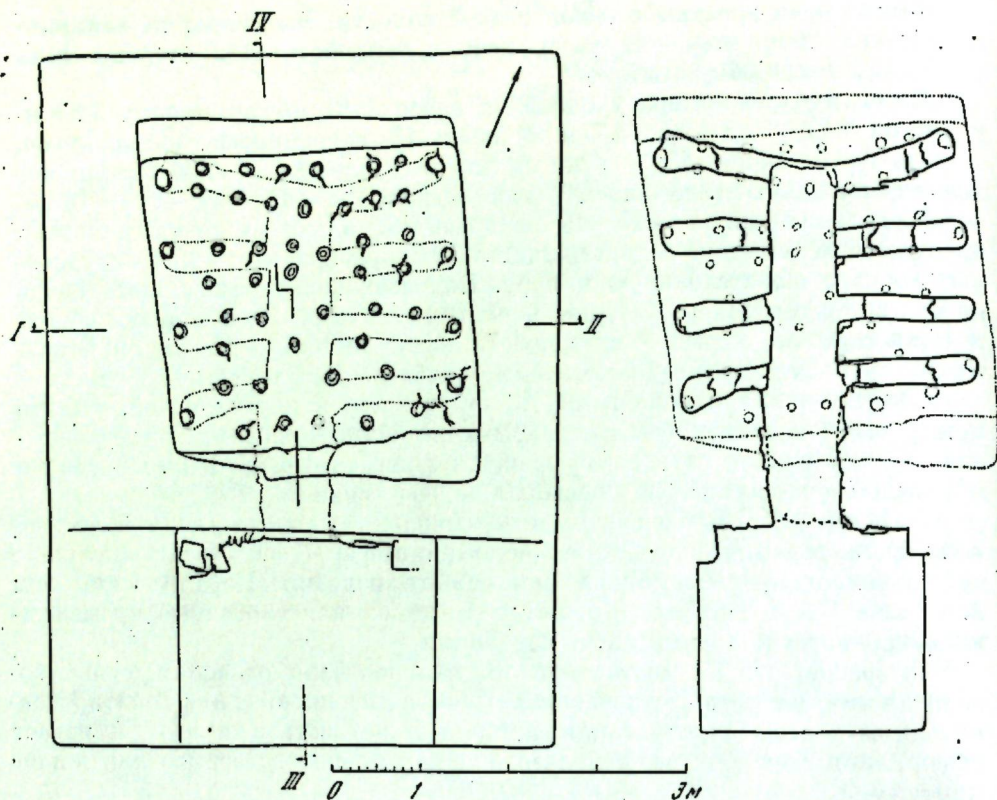

Рис. 1. Канакская балка. Печь 5. Планы топочной и обжигательной камер

хранился под $3,6 \times 3,6$ м, немного повышающийся к задней стене (рис. 3), толщина его 30 см, он прорезан 48 продухами, расположенными попарно над боковыми каналами, причем, как и в Чабан-куле, диаметр их увеличивается по мере удаления от топки. Часть продухов оказалась заложеной: по-видимому, печь перед уходом гончаров была законсервирована. Сохранилось начало полуцилиндрического свода, ориентированного по оси печи. Судя по кривизне в нижней части, он имел высоту 1,70—1,80 м — такую же, как в Чабан-куле. Общая высота печи была не менее 4 м. Снаружи, со стороны топки, печь, как и там, была обложена плоским камнем на глине. В печи, как выяснилось, также обжигались амфоры, но уменьшенного варианта; в качестве дополнительной нагрузки в печи обжигали, как и в Чабан-куле, фляги.

Аналогичное устройство имела печь, расположенная в горах над Мисхором². Она тоже имела один продольный и четыре пары поперечных каналов и служила для обжига аналогичных причерноморских амфор (обоих вариантов). Сравнительно большой гончарный центр того же времени (VIII—IX вв.) был открыт М. Я. Чоревым в 1970 г. и в юго-западной Таврике — близ с. Трудолюбовки (в районе Бахчисарая), где уже зарегистрировано 15 печей.

Из раскопанных там пяти гончарных печей одна дошла до нас в сравнительно полном виде. Она того же типа, что и большие двухъярусные печи: в ней два продольных канала длиной 3,80 м (шириной 45—50 см), но невысоких (всего 75—80 см) и пять пар щелевидных поперечных каналов. Обжигательная же камера, в отличие от печей в восточном Крыму, не квадратная, а круглая (диаметр 3,15 м). Такую же круглую камеру имела и находящаяся рядом малая гончарная печь.

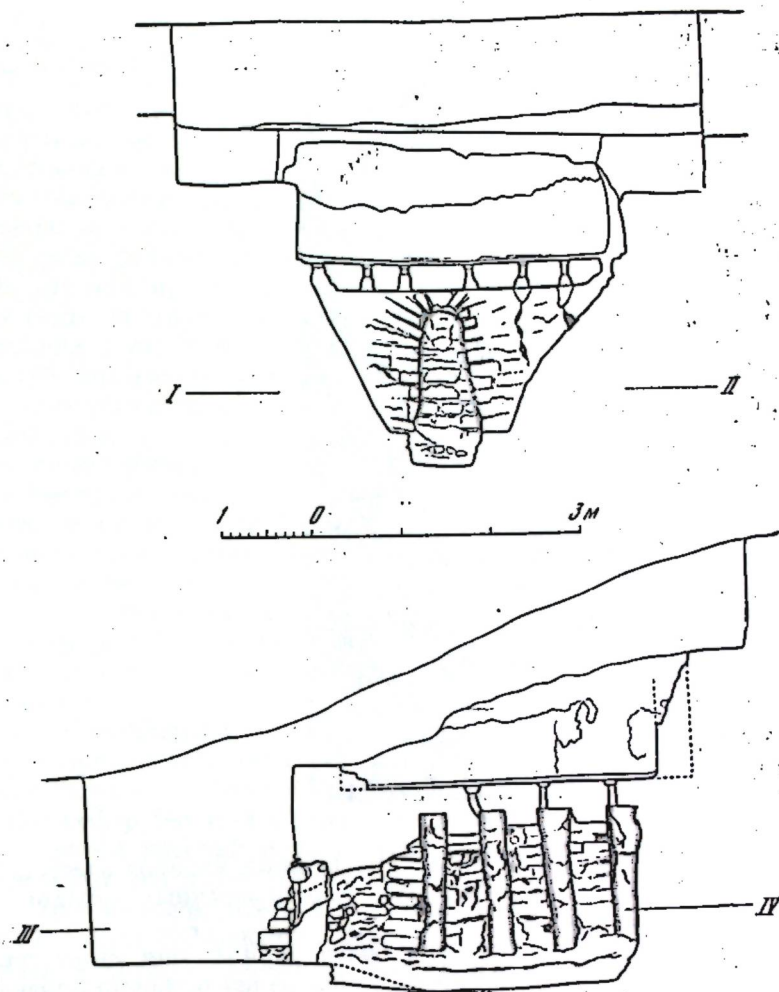

Рис. 2. Канакская балка. Печь 5. Разрезы по I—II и III—IV

Наконец, гончарные печи того же времени выявлены на р. Бельбек (близ с. Голубинка), но они еще не раскопаны.

Как видим, все эти теперь уже многочисленные и притом одновременные гончарные печи, открытые в разных районах Таврики, принадлежат в основном к одному типу больших двухъярусных печей с прямоугольной или круглой обжигательной камерой приблизительно одинакового размера. Это довольно сложные сооружения; в них воплощена одна большая техническая культура, которая возникла, конечно, отнюдь не сразу; она складывалась постепенно. Нетрудно убедиться, что устройство печей Таврики VIII—IX вв. следует традиции, уходящей в античность.

Но сначала — о средневековых «родственных» печах Таврики. Их пока немного. Территориально это преимущественно Западное Причерноморье: древняя Фракия и Дакия (территория нынешних Болгарии и Румынии). Речь идет именно о печах, ориентированных продольно, а не о многочисленных круглых печах с опорным столбом, представленных и в античной Таврике. К этой системе в средние века здесь, по-видимому, не возвращались.

Ближайшей по времени к нашим печам и сравнительно близкой по конструкции и всему устройству является печь близ Мадара (Болгария), относящаяся ко времени первого болгарского царства, т. е. к IX—X вв.³ Печь прямоугольная, шириной внутри 2,35—2,50 м, длиной 3,1—3,2 м,

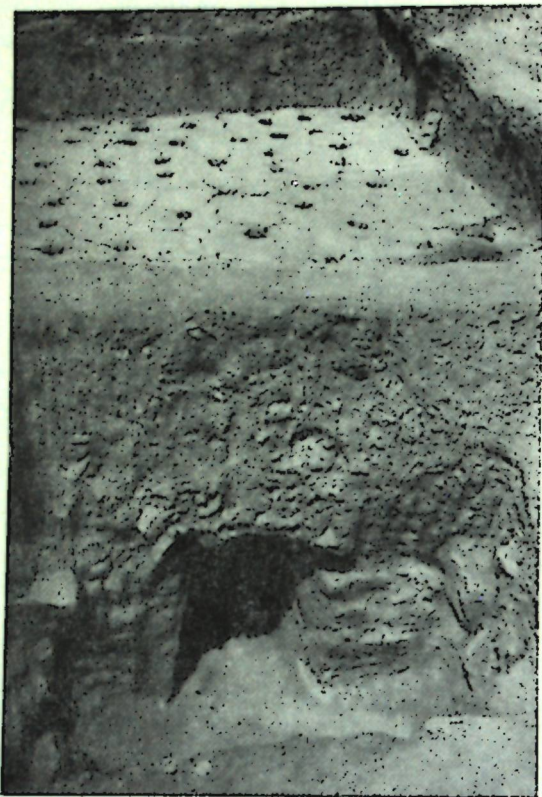

Рис. 3. Канакская балка.
Печь 5. Вид с южной стороны

сложена она из сырцового кирпича. Продольных каналов здесь два (шириной 70 см), к ним примыкают пять пар поперечных каналов (шириной 20—30 см).

Другие известные нам аналоги более ранние: они стоят на грани античности и средневековья. Одна из таких печей особенно близка к нашим. Это печь для обжига кирпича в Гарвэне (Румыния)⁴. Ее топочная камера прямоугольная, длиной внутри 3,2 м, шириной 3,4 м, с одним продольным каналом и четырьмя парами поперечных (шириной 38—50 см), также начинающихся не снизу, а на высоте 45 см. Но есть и существенное отличие: боковые каналы здесь не имеют крутого подъема вверх.

Другая подобная печь, сооруженная в V в., находится в Томах (Румыния)⁵. Но в ней только два продольных канала (длиной 2,40 м, шириной 1 м), разделенных сравнительно тонкой стенкой (толщиной 30 см), однако они охватывают всю ширину топочной камеры, не оставляя места для поперечных каналов; зато продольные каналы расчленены арочками на узкие поперечные отделения, заменяющие поперечные каналы; между арочками размещены продуха. Группа аналогичных печей VI в. с одним или иногда с двумя продольными каналами открыта близ Ольтины на Дунае (в округе Констанцы).

Однако такого рода печи лишь варьируют устройства больших прямоугольных гончарных печей римского времени с одним продольным топочным каналом, к которому с обеих сторон примыкают поперечные (боковые) каналы, более или менее круто поднимающиеся к стенам печи. Такова гончарная печь в Сермизегетузе (Дакция)⁶. Печь большая (длина обжигательной камеры 3,75 м, ширина — 4 м); она близка по размерам к средневековым печам в Таврике. Поперечных каналов там семь, начинаются они на высоте 80 см.

Совершенно аналогичны по конструкции, размерам и материалу (сырцовые кирпичи с рубленой соломой) большие керамические печи в Ак-

винкуме (в Паннонии; они находятся на окраине Будапешта), относящиеся к II—III вв.⁷, и чуть меньшие по размеру две печи IV в. в Шпейхере (в Германии, севернее Трира).

В этих позднеантичных гончарных печах общий тип и принцип конструкции был, как видим, уже в достаточной степени выработан и после этого длительное время оставался без изменений. Средневековые гончары Таврики полностью следовали этому принципу и всей технике сооружения вплоть до применения сырцовых кирпичей с рубленой соломой. Они развили лишь детали, способствовавшие эффективности всего процесса обжига: сделали круче подъем боковых каналов, что усилило тягу топочных газов, увеличили диаметр продухов по мере удаления от топки.

Традиция донесла конструкцию больших прямоугольных обжигательных печей позднеантичной и средневековой эпох и даже многие детали их устройства вплоть до XIX—XX вв. Имею в виду современные гончарные печи в г. Трояне и его окрестностях в Болгарии, довольно близкие средневековым печам Таврики. Они, правда, меньше их, имеют меньше продухов, однако совпадают с нашими и по двухъярусной конструкции, и по квадратной планировке пода, и по наличию четырехъярусных поперечных сводиков (соответствующих поперечным каналам средневековых печей), и по технике кладки из сырцовых кирпичей, и по наличию массивного каменного панциря, и по другим деталям. Они помогают нам реконструировать весь производственный процесс обжига в средневековых печах и реальнее представить организацию гончарного дела в то время.

Остается привести некоторые соображения о производительности печей, хотя прямых указаний на это печи не дают. Мы исходим из вместимости пода: на свободной от продухов его площади можно разместить около 120 амфор (большого варианта), а между ними — 40—45 фляг. Над первым ярусом изделий можно разместить второй ярус, но с меньшим числом амфор (не более 90), так как свод камеры сужался. В третьем ярусе — еще меньше. Всего в печь можно загрузить 240—250 больших амфор или около 300 меньших, фляг — 90—100. Если принять, что в году производили четыре обжига (в Трояне печи допускали пять-шесть обжигов в году, но там они работали полный год, а не сезонно), то годовая производительность большой средневековой гончарной печи Таврики выразится в количестве приблизительно 1000 больших или 1200 меньших амфор. Наконец, число одновременно действовавших печей в Чабан-куле условно принимаем за 10—15, в Канакской балке — за пять. При таком допущении, самом приблизительном, годовое (сезонное) производство амфор могло достигнуть в двух названных более известных нам центрах 20—25 тыс., а фляг — около 10 тыс.

Конечно, этот расчет сугубо ориентировочный, он скорее преувеличен, так как мы совсем не учитываем неизбежный брак, обычно очень большой, на что указывают мощные слои керамического лома, залегающие рядом с печами.

Мы очень кратко изложили имеющийся материал, притом далеко не полностью. Но и сказанного достаточно, чтобы ощутить, насколько интенсивным и бурным было развитие гончарного производства в Таврике в VIII—IX вв., притом, как теперь выясняется, развитие повсеместное, связанное, очевидно, с общим экономическим подъемом, который переживала тогда вся страна и которого она не знала за все предыдущие столетия своей средневековой истории.

⁴ Яковсон А. Л. Средневековые гончарные печи в районе Судака.— КСИИМК, 1955, вып. 60, с. 102—108.

⁵ Бабенчиков В. П. Средневековая гончарная печь в Мисхоре.— «Записки Одесского археологического общества», 1960, I, с. 275—280.

⁶ Раменов А. Печь за глиняна изделия в Мадара.— В кн.: Розкопки и проучвания, кн. II. София, 1936, с. 25—26.

- ⁴ Stefan G. Un captor roman de ars țigle, descoperit la Garvăn.— SCIV, 1957, VIII, 1-4, p. 339—345.
⁵ Rădulescu A. Monumente romano-bizantine din sectorul de vest al cetății Tomis. Constanta, 1966, p. 13—21.
⁶ Floca O. Der römische Ziegelöfen von Sarmizegetusa.— «Dacia» (Bucarest), 1945, IX-X, p. 431—440.
⁷ Balist Kuzsinszky. A gázgyári romai fazekastelet Aquincumban. Budapest, 1932, 25—54 old.

В. Ю. ЛЕЩЕНКО

О РИТУАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЕРЕБРЯНЫХ СОСУДОВ С ОТВЕРСТИЯМИ

В 1750 г. крепостной крестьянин графа Строганова нашел в Верхнем Прикамье при вспашке поля первый серебряный сосуд восточного происхождения. За прошедшие в тех пор два столетия в Приуралье обнаружено в составе кладов больше 170 экземпляров драгоценной столовой утвари. По месту изготовления эти сосуды делятся на четыре большие группы: среднеазиатские, иранские, византийские, европейские. Время поступления перечисленных серебряных предметов в Приуралье относится к VII—XIII вв., и в основном в этот же период они попадают в клады¹.

Одной из сторон изучения серебряного импорта является определение его роли в генезисе религиозных представлений уральских племен. Это позволяют сделать некоторые объективные признаки, в которых отразилось отношение аборигенов к семантике изобразительных сцен на привозных серебряных сосудах. В число таких признаков входят отверстия, пробитые по бортику на 36 блюдах. Последние составляют около половины всех серебряных блюд, найденных в составе кладов в Приуралье.

Существуют две точки зрения на происхождение указанных отверстий. Я. И. Смирнов, рассматривая сирийское блюдо с евангельскими сценами, пришел к выводу, что отклонение условной оси подвешивания от вертикальной оси основной сцены свидетельствует в пользу пробития отверстия не на месте изготовления блюда, а в период использования его приуральскими племенами².

Недавно в литературе высказано иное мнение. Оно заключается в том, что найденные в Приуралье серебряные блюда диаметром 18—30 см служили на Среднем Востоке декоративными предметами, которые подвешивались при помощи отверстий, пробитых по их бортику³.

Учитывая факты совпадения условной вертикальной оси изображенных на блюдах сцен с условной осью подвешивания этих предметов, можно, безусловно, считать, что отверстия предназначались функционально для подвешивания серебряных сосудов, а не для каких-либо иных целей. Однако случаев полного совпадения указанных осей нет совсем. Ось подвешивания отклоняется обычно от оси основной сцены до 5° (рис. 1). От угла отклонения зависело правильное (удобное для зрительного восприятия) положение основной сцены, предназначенной для обозрения.

На 12 блюдах наряду с пробитыми отверстиями имеются врезанные шаманские рисунки. Эти блюда сгруппированы в табл. 1 по соотношению оси подвешивания с осями врезанных рисунков и первичной (основной) сцены.

Из таблицы видно, что на двух сосудах ось подвешивания совпадает только с вертикальной осью врезанных рисунков, на трех сосудах — только с вертикальной осью основной сцены, на шести сосудах — одновременно с обеими осями.

24 сосуда, которые не содержат на своей поверхности врезанных (шаманских) рисунков, сгруппированы в табл. 2.

По данным табл. 2 ось подвешивания совпадает в 13 случаях с вертикальной осью сцены, в семи случаях не совпадает и в четырех случаях соотношение оси подвешивания и вертикальной оси сцены не может быть определено, поскольку сцена представляет собой концентрический орнамент.

Данные обеих таблиц наряду с учетом характера технологии изготовления отверстий позволяют высказать ряд соображений с целью определения их происхождения.

1. Совпадение оси подвешивания с вертикальной осью врезанных рисунков говорит об осознанном приспособлении последних к нуждам ритуала, в котором блюда применялись в подвешенном состоянии. Техника исполнения врезанных рисунков тонкими линиями, едва заметными для невооруженного глаза и, значит, не предназначенными для массового обозрения, не противоречит данному мнению, поскольку заключенное в них содержание излагалось шаманом участникам обряда конкретными в каждой ситуации способами.

2. На византийском блюде с изображением креста линия подвешивания противоположна вертикальной оси креста, но совпадает с верти-

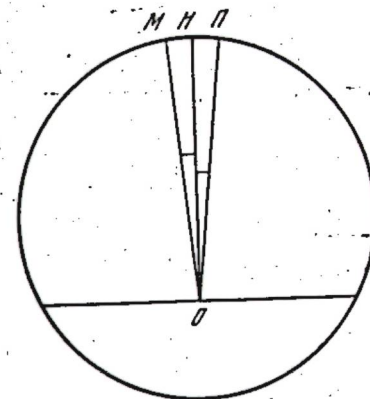

Рис. 1. Схема соотношения вертикальной оси сцены и оси подвешивания блюда

ON — вертикальная ось сцены, вписанной в круг блюда; MO, PO — условные оси подвешивания; MON, PON — приближенные углы отклонения осей подвешивания от оси вертикальной сцены

Таблица 1

Соотношение оси подвешивания сосуда с осями врезанных рисунков и первичной (основной) сцены

№ сосуда п/п	Где издан	Число отверстий		Ось подвешивания совпадает с вертикальной осью основной сцены	Ось подвешивания совпадает с вертикальной осью врезанных рисунков	Сосуды с концентрическим орнаментом
		1	2			
1	ВС, № 107	×			×	
2	ЗОРСА, 1906, т. VIII, вып. 1, рис. 10	×			×	
3	ВС, № 64	×		×		
4	ВС, № 53	×		×		
5	ВС, № 308	×		×		
6	СА, 1968, № 4, с. 257		×	×	×	
7	ВС, № 37	×		×	×	
8	ВС, № 63	×		×	×	
9	МИА, 1957, № 58, табл. L, 2		×	×	×	
10	ЗОРСА, 1906, т. VIII, вып. 1, рис. 7, 76	×		×	×	
11	ВС, № 96		×	×	×	
12	СА, 1966, № 3 с. 244	×				×
	Всего	9	3	9	8	1

Таблица 2

Соотношение оси подвешивания сосуда и вертикальной оси основной сцены

№ сосуда п/п	Где издан	Число отверстий		Соотношение оси подвешивания и вертикальной оси сцены		Сосуды с концептуальным орнаментом
		1	2	совпадают	не совпадают	
1	ВС, № 20	×		×		
2	ВС, № 90	×		×		
3	Тревер, 1937, табл. III	×		×		
4	Банк, 1966, табл. 59	×		×		
5	ВС, № 60	×		×		
6	ВС, № 106	×		×		
7	ВС, № 306	×		×		
8	ВС, № 133	×		×		
9	ВС, № 156	×		×		
10	ВС, № 38	×		×		
11	СМ, № 6	×		×		
12	Тревер, 1937, табл. 11	×		×		
13	СМ, № 20		×	×		
14	ВС, № 48	×			×	
15	ВС, № 311	×			×	
16	ВС, № 132	×			×	
17	Тревер, 1937, табл. 1	×			×	
18	ОАК за 1907 г., 1910, с. 120—124	×			×	
19	ОАК за 1907 г., с. 120—124	×			×	
20	ОАК за 1878 г., с. 79	×			×	
21	ВС, № 103	×				×
22	ВС, № 104	×				×
23	СГЭ, 1970, XXXI, с. 49—51	×				×
24	МНА, 1940, № 1, с. 140—143	×				×
	Всего	23	1	13	7	4

кальной осью поздней группы врезанных рисунков (см. табл. 1, № 2). Линия подвешивания не совпадает с вертикальной осью крестов еще на трех византийских блюдах (см. табл. 2 № 18—20). Показательно, что указанный факт несовпадения осей обнаружен на тех византийских блюдах, на которых изображены кресты. Их символика была явно непонятна и безразлична местному населению Прикамья.

3. Все отверстия как круглой, так и неправильной формы пробиты, а не просверлены, отчего имеют на выходе рваные края. Судя по отверстиям неправильной (иногда близкой к прямоугольнику) формы, они были пробиты, вероятно, гвоздями. Едва ли можно предположить, чтобы подобным образом отверстия пробивались в мастерских Константинополя, Ирана или Средней Азии.

4. Способ крепления петли посредством заклепок, известный по находке серебряного блюда в Фергане близ с. Покровского и имитации заклепок на декоративном керамическом блюде из Кувы, является совсем иным по сравнению с креплением петли на известном блюде со сценой осады крепости, найденном в дер. Большой Аниковской в Верхнем Прикамье (см. табл. 2, № 13) ⁴.

5. Отверстия имеются не только на блюдах византийского и восточного (иранского и среднеазиатского) происхождения, но и на блюдах европейского круга (например, блюдо с изображением стилизованного льва — см. табл. 1, № 9), поступивших на Урал через Восточную Европу, а не через Среднюю Азию.

6. Находки блюд с пробитыми отверстиями и достаточно хорошо установленной топографией ограничены Приуральем, а в его пределах известны в трех группах распределения кладов серебряной посуды: вятско-чепецкой (4 экз.), верхнекамской (29 экз.) и зауральской (3 экз.).

Таким образом, совокупность изложенных выше наблюдений позволяет считать, что отверстия на серебряных блюдах из приуральских кладов были пробиты не на Востоке, а аборигенами Приуралья. Этот факт дает ключ к изучению некоторых форм применения импортного серебра в культуре местных племен.

Отверстия предназначались для подвешивания блюд при совершении культовых обрядов. Данные житий христианских миссионеров позволяют ретроспективно прийти к выводу, что блюда подвешивались на «священных» деревьях, культ которых засвидетельствован у финно-угорских народов очень широко. В начале своей миссионерской деятельности Трифон Вятский проповедовал в Прикамье на р. Сылве среди остяков. Безжалостно уничтожая на своем пути святилища аборигенов, он «...пришед к идоложертвенному древу их, наричому ель, бе бо высота и ширина древа оного, паче иных древес...» и «...подсече оно бесовское капище, идоложертвенное древо и висящия яже на нем золотыя и серебряныя и шелковыя ширинки и кожи и вся бесовския привесныя козны с древом огнем позже и попали...» ⁵

Среди коми-зырян была записана в прошлом веке легенда о «прокудливой» березе, срубленной христианским миссионером второй половины XIV в. Стефаном Пермским близ Усть-Выма. Березу почитали в качестве оракула и навешивали на ее ветки шкуры пушных зверей ⁶. В начале XVIII в. Г. Новицкий описал священную лиственницу у Пелыма, которой поклонялись вогулы. На дерево были навешаны кожи принесенных в жертву лошадей ⁷.

Этнографическая литература о финно-уграх знает всего лишь один пример использования серебряных блюд в подвешенном состоянии. Он был описан О. Финшем в 1871 г. Вблизи маленького рыбацкого поселения Веспугл на левом берегу большой Оби, напротив Клязь-юрт (ниже Обдорска), по его словам, «...в лесотке из высоких, стройных ив торчала связка футов четырех длиною, в виде мумии, обернутой в красное тряпье с лентами, и над нею были укреплены четыре металлических тарелки» ⁸. Две большие тарелки, помещенные сверху, оказались оловянными, английского происхождения; на одной имелся поясной портрет Виктории и Альберта, а на другой — Оскара и Жозефины с сопровождающими надписями. Две другие тарелки были сделаны из серебра. На одной тарелке имелось изображение человека в длинной шубе с луком в руках, а перед ним — собаки, преследующей волка, на другой — изображение лося. На серебряных тарелках стояли даты — 1832 и 1833 гг. ⁹ О. Финш полагал, что серебряные тарелки являются древними предметами и обозначенные на них даты поставлены значительно позже времени их изготовления ¹⁰.

К. Карьялайнен справедливо выразил сомнение в древности описанных О. Финшем серебряных тарелок ¹¹. Недавние находки в Приобье подтвердили предположение финского ученого.

В 1936 г. недалеко от р. Шайтанки был найден клад из пяти металлических тарелок и трех блюшек. Н. Ф. Прыткова доказала, что две тарелочки изготовлены в Петербурге на сюжет рисунков Георгии ¹². Эти рисунки относились к тому общему типу, который засвидетельствован О. Финшем на серебряных тарелках у поселения Веспугл. Анализ трех

других тарелок из Шайтанского клада позволил Н. Ф. Прытковой прийти к выводу о существовании в XIX в. какого-то центра, поставлявшего свою продукцию для продажи уграм¹³.

Таким образом, в XIX в. возрождается традиция многовековой давности, которая заключалась в поставках серебряной (или из других металлов) посуды для удовлетворения культовых потребностей угорского населения. Одной из заинтересованных сторон в оживлении этой традиции в XIX в. явились русские скупщики пушнины, увидевшие в подобном обмене с угорскими народами прибыльный способ собственного обогащения.

О. Финш сообщает, что мумиеобразная связка у поселения Веспуги, над которой были подвешаны металлические тарелки, являлась жертвоприношением духу-хозяину Оорту¹⁴. Имеются также сведения о связи серебряной посуды с культом угорских духов-хозяев Мастером и Мир сусне хумом¹⁵. Эти данные позволяют объяснить характер культа, в котором угорские народы использовали серебряную посуду.

Работами этнографов конца XIX — начала XX в. доказано, что Мир сусне хум, Мастер и Оорт — это один и тот же дух-хозяин, известный под несколькими именами¹⁶. Изучение эпических преданий, сказок и шаманских песен позволило установить связь Мир сусне хума с культом солнца¹⁷, олицетворением которого на земле этот дух-хозяин считался у хантов и манси.

Почитание Мир сусне хума в качестве олицетворения небесного светила сопровождалось иногда знаковыми символами, которые наносились на поверхность использовавшейся в обряде металлической посуды. Так, при совершении обряда вызывания Мир сусне хума на землю ханты наносили на металлические блюда изображения солнца¹⁸. Рудиментом того же традиционного представления о связи некоторых металлических изделий с культом солнца является факт, отмеченный В. И. Анучиным. Он видел у двух енисейских хантов бронзовые зеркала, которые они считали изображениями солнца, оброненными небесными жителями¹⁹.

Характер использования угорским населением серебряной и вообще металлической посуды в культовых обрядах — в одном из наиболее консервативных видов человеческой деятельности — позволяют экстраполировать выявленные черты культа на серебряный импорт, поступивший в Приуралье в VII—XIII вв.

Правомерность такого подхода оправдывается непрерывной этнической традицией финно-угров Приуралья в течение последних 1,5 тыс. лет, а также устойчивым хозяйственно-культурным типом жизненного уклада, сохранившимся в основном без изменений на протяжении многих столетий вплоть до Октябрьской революции. Кроме того, врезанные шаманские рисунки на трех серебряных сосудах из уральских кладов содержат наряду с другими изображениями знаки солнца и луны. Это находит соответствие в упоминавшемся сообщении Н. Л. Гондатти о том, что в XIX в. ханты наносили на серебряные тарелки знаки солнца во время совершения ритуала призывания Мир сусне хума на землю.

В литературе неоднократно обращалось внимание на отсутствие у некоторых серебряных блюд кольцевых ножек. Этот факт истолковывался как осознанное приспособление их к использованию в культе солнца и луны²⁰. Однако говорить о намеренном стесывании кольцевых поддонов блюд еще в древности, на наш взгляд, нет оснований. Слабость припая в месте соединения кольцевой ножки с блюдом могла привести к утрате ножки при случайном сильном ударе, возможно, задолго до поступления этих серебряных изделий на Урал. Четкие незашлифованные следы припая в месте отпадения ножки на двух блюдах из дер. Мартыновой²¹ также говорят в пользу непреднамеренного характера утери.

Знаковая связь между некоторыми блюдами и представлениями о Мир сусне хуме, выраженная в символах солнца и луны, подтвержда-

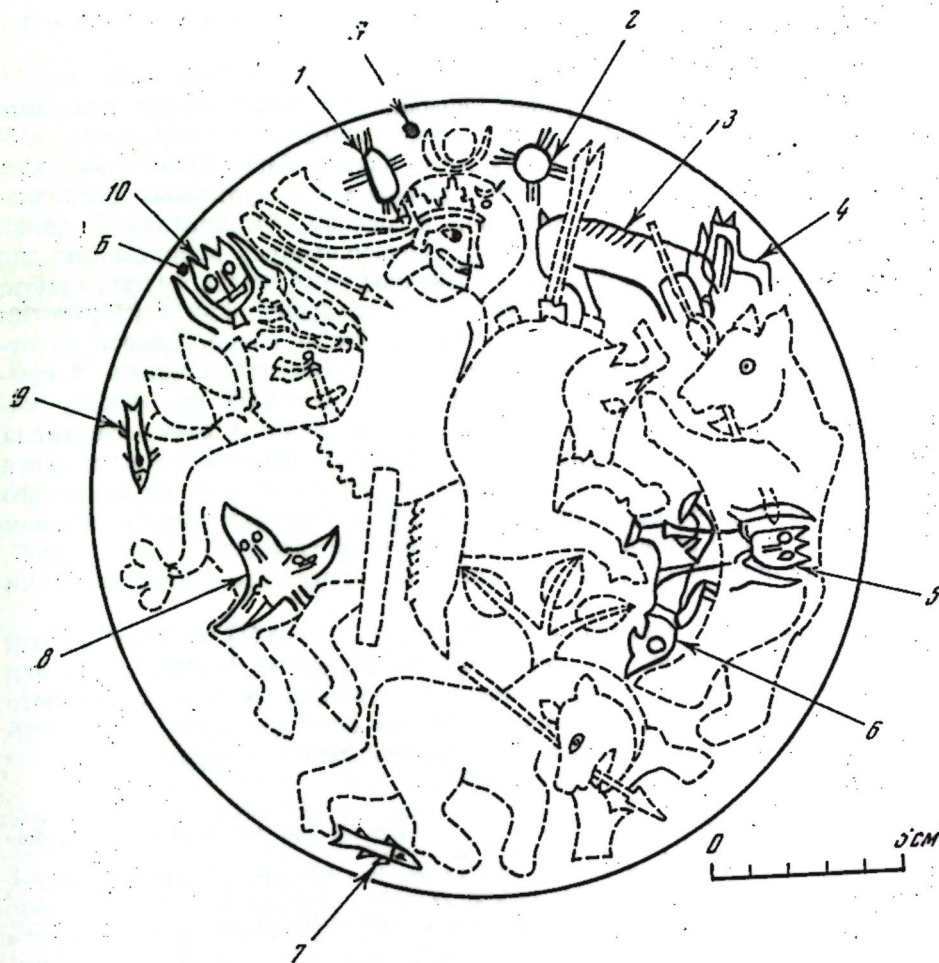

Рис. 2. Лицевая сторона иранского блюда VII в., найденного в дер. Большой Аниковской в Верхнем Прикамье

Фигуры 1—10 — шаманские рисунки: 1 — луна; 2 — солнце; 3 — доска; 4 — собака (?); 5, 10 — шаманы с саблями; 6 — антропоморфная фигура; 7, 9 — рыбы; 8 — птицевидный «идол»; А, Б — отверстия

ется другими материалами. В частности, иконография Мир сусне хума в виде всадника на коне, известная по изделиям XIX в.²², сложилась в определенный канон еще в XII—XIII вв. Этот канон засвидетельствован приблизительно на дюжине серебряных и бронзовых круглых блюх с изображением конного охотника, окруженного сонмом зверей и птиц²³. Семантика образа всадника-охотника, служившего воплощением могущественного духа-хозяина, нуждается в самостоятельном рассмотрении. Отметим лишь, что еще до сложения устойчивой иконографии образа Мир сусне хума у финно-угров найдено изобразительное выражение их представление о каком-то духе-хозяине, близком по семантике образу Мир сусне хума. Примером этого рода является изображение на серебряном блюде царственного всадника-охотника, исполненного иранским мастером в VII в., которому абориген из Верхнего Прикамья добавил в IX или X в. по сторонам головы знаки луны и солнца — атрибуты, служившие одной из отличительных черт иконографии могущественного духа-хозяина (рис. 2).

Изложенное выше позволяет полагать, что около рубежа I—II тысячелетий н. э. в среде финно-угров Приуралья уже сложился цикл представлений о могущественных духах-хозяевах, олицетворявшихся с разно-

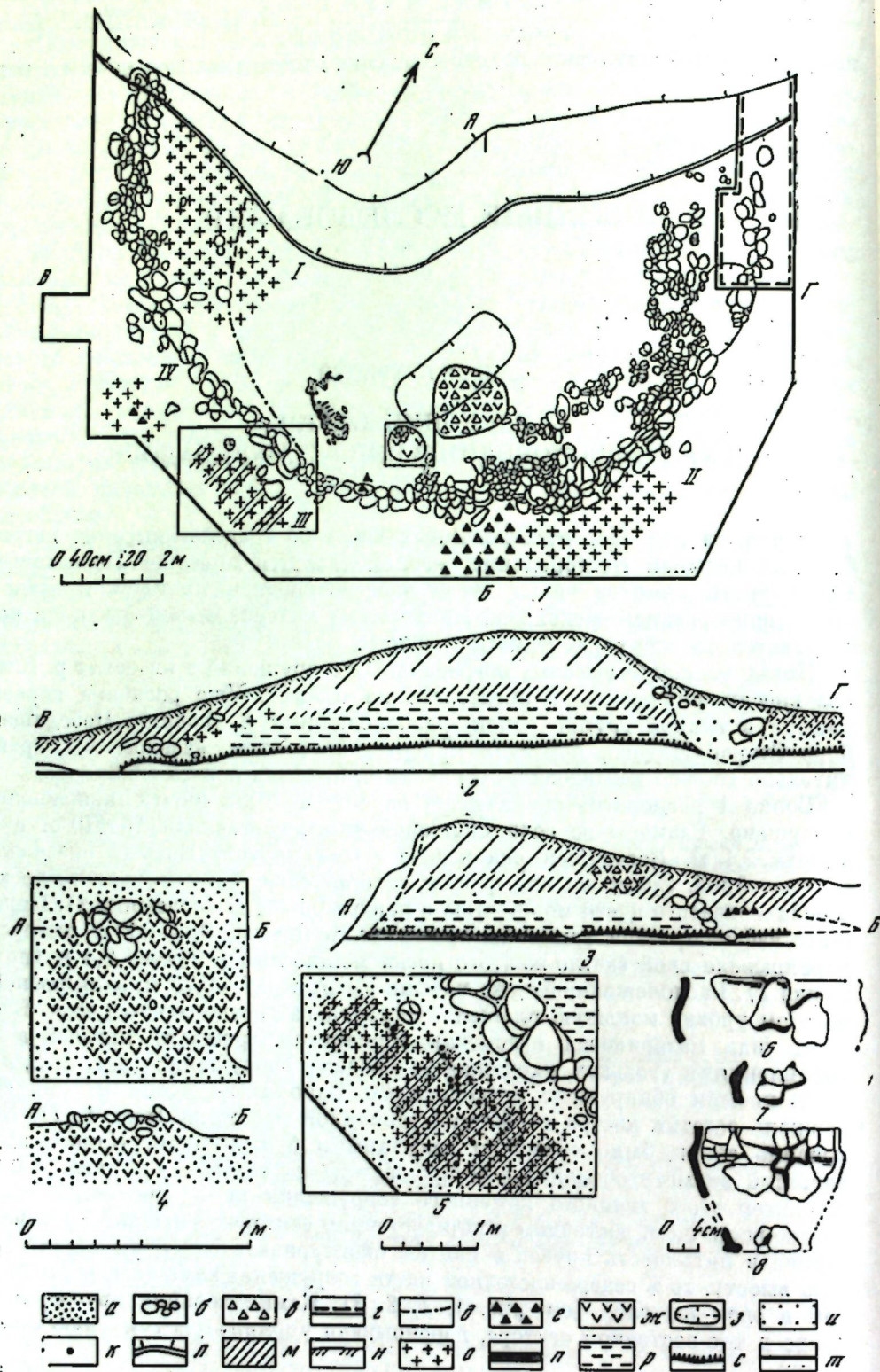

Рис. 1. План и разрезы сопки в урочище Пободице

1 — общий план насыпи; 2, 3 — разрезы насыпи; 4 — деталь, остатки очага, план и разрез; 5 — деталь, погребение 3, план; 6, 7, 8 — лепная керамика; а — желтый песок; б — камни; в — фрагменты гончарной керамики; г — границы участка, исследованного в 1973 г.; д — граница подсыпки на светло-серого песка в плане; е — фрагменты лепной керамики; ж — уголь;

состояло из углей, углистого песка и десятка мелких обожженных камней. Это, видимо, остатки ритуального очага (рис. 1, 1, 4).

Сопка содержала несколько захоронений — сожжений на стороне. Погребение 1 представляло собой скопление кальцинированных костей, занимавшее площадь около 6 кв. м в западной части насыпи. Помещено оно было в подсыпку 1 и в гумусную прослойку, которая на этом участке была нарушена. Слой мощностью около 0,1 м к западу и северо-западу, содержащий пережженные кости, залегал глубже (см. рис. 1, 1, 2). Однако установить, совершенно ли захоронение на поверхности первоначальной насыпи, перекрытой гумусной прослойкой, или оно оползло в период разрушения сопки, не удалось. В погребении были обнаружены фрагмент бронзового круглого в сечении дрота и сердоликовая 14-гранная бусина. Остальные три скопления кальцинированных костей располагались с внешней стороны каменной обкладки (непосредственно примыкая к ней) в южной и юго-западной полах насыпи.

Погребение 2 находилось на глубине 1,8—2 м над камнями нижнего яруса и занимало площадь около 6 кв. м. В этом захоронении у его юго-западной границы, лишь частично совпадая с зоной размещения пережженных костей, находилось скопление обломков лепной керамики не менее чем от двух сосудов (см. рис. 1, 1, 2). Рядом найдены два неопределимых железных предмета. Погребение 3 обнаружено на глубине 1,85—1,95 м. Скопление пережженных костей было вытянуто по оси восток—запад. Длина его 2,6 м, ширина — до 1 м, мощность слоя 0,05—0,1 м. На участке, занятом остатками сожжения, песок был слегка гумусирован, а также встречались отдельные скопления угольков (рис. 1, 1, 5). Здесь собран довольно редкий пока для памятников подобного типа инвентарь: семь металлических весовых гирек, бронзовые подтрапециевидная подвеска и орнаментированная бляшка, четыре бусины, а также несколько окислившихся железных предметов.

В 1,2 м к западу на той же глубине размещалось погребение 4 в виде скопления кальцинированных костей в гумусированном песке (см. рис. 1, 1). Оно занимало площадь 0,8×1,2 м. При нем были найдены два фрагмента небольшого лепного сосуда и бронзовое кольцо диаметром 23,8 мм, ромбическое в сечении, толщиной 4 мм.

На камнях обкладки между погребениями 2 и 3 лежали два фрагмента лепного сосуда, а еще один черепок находился рядом с внутренней стороны обкладки. В различных местах насыпи встречались отдельные фрагменты керамики эпохи раннего металла и мелкие кремневые орудия.

Инвентарь захоронений и некоторые особенности стратиграфии памятника позволяют довольно точно датировать это сооружение. Особенно важны в этом плане находки в погребении 3. Бронзовая подвеска, обнаруженная здесь, помогает не только решить некоторые вопросы, связанные с атрибуцией рассматриваемой сопки, но и представляет несомненный интерес для изучения одной категории древностей, которая уже давно привлекает к себе внимание исследователей. Речь идет о подвесках с так называемыми знаками Рюриковичей.

Указанное изделие (высотой 52 мм и толщиной 1,5 мм) слегка расширяется книзу, где имеется небольшой подтреугольный выступ. Другой выступ, завершающийся ушком, находится в верхней части подвески. В ушко продето железное колечко диаметром 15 мм из проволоки толщиной 1 мм с завязанными концами. На обеих сторонах изделия помещены изображения в форме трезубцев (рис. 2, 7, а, б, в). Относительно

з — ямы; и — перекопы; к — находки в погребении 3; л — верхняя граница обрыва; м — гумус; н — дерн; о — кальцинированные кости; п — нижняя граница раскопа; р — светло-серый песок; с — красновато-коричневая материковая прослойка; т — граница раскопа в плане; I — погребение 1; II — погребение 2; III — погребение 3; IV — погребение 4

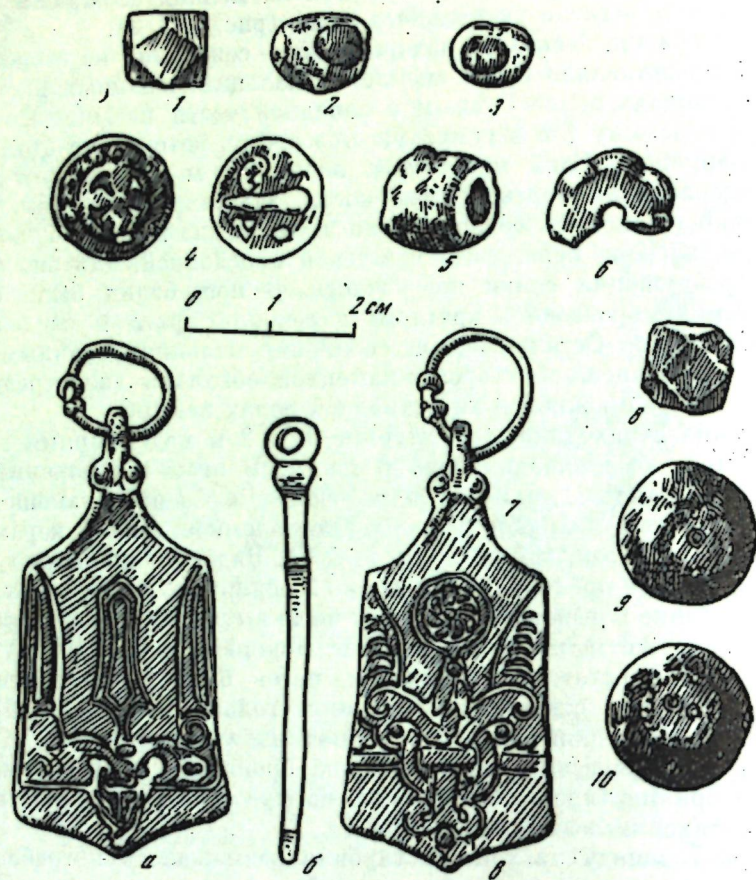

Рис. 2. Вещевые находки в сопке

1—3, 4 — бронзовая бляшка; 5, 6 — бусы; 7 — бронзовая подтрапециевидная подвеска; 8—10 — гирилки (1 — из погребения 1; 2—10 — из погребения 3)

происхождения таких знаков (двузубцев и трезубцев) нет единого мнения. Одни исследователи видели в них дериват монограммы ΒΑΣΙΛΕΥΣ или рассматривали их как стилизованное изображение светильника, корабля, ворона, сокола, просто хищной птицы; другие связывали их со знаками Северного Причерноморья и т. д.⁵ По поводу функционального назначения таких изображений на вещах, происходящих с территории Древнерусского государства и соседних земель, широкое распространение получило мнение исследователей, которые видели в них княжеский знак, родовую тамгу династии Рюриковичей⁶. Опираясь на эту атрибуцию знаков, Б. А. Рыбаков определил подтрапециевидные подвески с изображениями такого рода как символ княжеской администрации типа пайдзе.

В настоящее время известно более двух десятков подобных изделий. В подавляющем большинстве они происходят с территории Новгородчины и Прибалтики (главным образом из ливских памятников бассейна рек Гауи и Даугавы). Только три предмета найдены в южных районах⁷. Все подвески из комплексов, поддающихся половозрастному определению, входят в состав инвентаря рядовых женских или детских погребений⁸. Это затрудняет интерпретацию данных изделий в качестве княжеского мандата. Вообще, несмотря на многочисленные исследования, посвященные указанным изображениям, четкие критерии выделения знаков Рюриковичей отсутствуют. А ведь знаки в форме двузубца или трезубца известны на довольно широкой территории и бытовали от эпохи бронзы до недавнего времени⁹.

В этой связи интересно отметить, что в этнографических материалах Приуралья и Сибири знаки в форме трезубца по своему функциональному назначению не только являлись родовыми, личными или должностными тамгами, но и использовались в качестве сакральных и даже специальных женских знаков¹⁰. Близкое явление зафиксировано и в этнографических материалах Кавказа¹¹. Нет никаких оснований исключать подобное разнообразие и для средневековых знаков в форме трезубца или двузубца.

Бронзовые подвески, аналогичные найденной в Победищенской сопке, по форме можно разделить на три типа. К первому относятся подвески с прямыми плечиками, ко второму — с выступающими и к третьему — с отступающими плечиками. Каждый тип имеет несколько вариантов знаков. находка с берегов Волхова принадлежит к первому типу. Изображение на стороне а ближе всего (но не идентично) знаку на подвеске из Новгорода, которая датируется самым началом XI в.¹² Изображение на стороне в точных аналогий не имеет. Отдельные его детали сопоставимы со знаками на разных экземплярах, в частности с изображениями на второй подвеске из Новгорода (третья четверть XI в.)¹³, на экземпляре с Даугмальского городища (XI в.)¹⁴, а также с некоторыми знаками на изделиях, по форме относящихся ко второму типу¹⁵. Наличие в центре между двумя краевыми отростками круга — деталь, характерная для многих изображений, но только на ладожской подвеске элемент этот определенно читается как «солнечное колесо» (изогнутые спицы, вписанные в круг), т. е. обладает ярко выраженной языческой семантикой. На других подобных предметах аналогичные детали уже утратили первоначальный смысл. Типологически изображение на ладожском экземпляре следует поместить раньше всех остальных. К тому же другая деталь этого изображения — краевые петлевидные отростки — весьма напоминает соответствующий элемент знака на подвеске с Рюрикова городища, которая датируется X в. В дополнение к сказанному можно упомянуть, что, судя по некоторым данным, такие подвески носили на груди прикрепленными к цепочкам, иногда вместе с игольниками¹⁶.

Весовые гирилки из погребения 3 железные, для предохранения обтянутые бронзой; как видно по их размерам, они имели разное достоинство (рис. 2, 8, 9, 10). На плоских верхушках некоторых из них есть отмети в виде глазков. Такие гирилки появляются на севере Восточной Европы в X в.¹⁷ В Старой Ладоге, например, они встречаются среди материала горизонта Д¹⁸. Важно отметить, что в могильнике на о-ве Бьорко подобные предметы встречаются не только в мужских, но и в женских захоронениях.

Бронзовая бляшка, ступенчатая в разрезе, на лицевой стороне имеет орнамент, состоящий из шести Г-образных вдавлений, и насечки по краю. С обратной стороны сохранились игла (кончик у нее отломан) и поврежденный приемник. Кроме того, в бляшке имеется небольшое отверстие (рис. 2, 4)¹⁹.

В погребении 3 найдены четыре бусины. Одна полупрозрачная, зеленоватая, дыневидной формы (рис. 2, 6); две изготовлены из заглашенного стекла темно-коричневого цвета и имеют крупные глазки (одна сохранилась только наполовину) (рис. 2, 2, 3); четвертая — цилиндрической формы, с сильно испорченной поверхностью (рис. 2, 5). Бусы таких типов представлены в материалах Староладожского поселения. Сердоликовая бусина из погребения 1 (рис. 2, 1) аналогична находке в насыпи у дер. Золотое Колено²⁰. Следует оговорить, что все рассмотренные вещи не носят следов пребывания в огне.

Керамика, относящаяся ко времени сооружения насыпи, представлена обломками нескольких лепных сосудов. Сосуд из погребения 2 удалось графически реконструировать. Это горшок диаметром 20 см с оттянутым краем донца и со слегка отогнутым венчиком. Высота его немного мень-

ще диаметра. На плечиках имеется хорошо выраженное ребрышко. Толщина слоистых в разрезе стенок — 8—9 мм. Тесто с примесью дресвы (см. рис. 1, 8). Фрагменты, обнаруженные в погребении 4, принадлежали небольшому сосуду, а обломки, найденные на камнях обкладки, позволили реконструировать верхнюю часть еще одного горшка диаметром 25 см с округлыми плечиками и со слегка отогнутым венчиком, внешний край которого обрезан (см. рис. 1, 6). Толщина его стенок — 9—10 мм, тесто с примесью дресвы. Керамика, аналогичная сосудам рассматриваемого памятника, известна в нижних слоях Старой Лядоги, в окрестных поселениях конца I — начала II тысячелетия н. э., а также представлена в материалах других сопков²¹.

Полученные при раскопках Победищенской сопки данные позволяют выделить несколько этапов ее формирования, в период которых создавались те или иные элементы сооружения. На первом этапе, после подготовки участка, была возведена невысокая насыпь из светло-серого песка, на ней сооружен очаг, в котором какое-то время горел огонь, а рядом поместили останки животного. Затем все перекрыли желтым песком, вершину задерновали, а склоны обложили камнями. Только на втором этапе формирования памятника с внешней стороны каменной обкладки начали совершать захоронения. Наиболее ранними являются погребения 2 и 4. Тогда же между ними поставили на камни горшок. В дальнейшем совершили погребение 3, а саму насыпь увеличили за счет подсыпки 1. Завершился второй этап появлением погребения 1 и задерновкой насыпи. И наконец, на третьем этапе в сопке выкопали несколько ям — тем самым начался процесс разрушения памятника.

Результаты новых полевых исследований позволяют внести определенные коррективы в существующие представления о волховских сопках. Характеризуя памятники такого рода, расположенные близ Старой Лядоги, С. Н. Орлов подразделял их по внешнему виду на «...высокие насыпи, круглые в плане; крутобокие, округлые сверху...» и «...насыпи, уплощенные сверху, с круглым основанием и крутыми боками...»²², а по способу сооружения — на многоярусные и возведенные одноактно. В числе насыпей многоярусных и сооруженных в один прием С. Н. Орлов называл соответственно сопки 140 и 142 (раскопки Н. Е. Бранденбурга)²³. Это деление существенно расширил В. В. Седов, который детально рассматривает новгородские сопки, в том числе Северного Поволжья, сопоставляя эти сооружения с другими памятниками, содержащими элементы аналогичного погребального обряда²⁴.

Несмотря на столь подробный анализ, некоторые факты, связанные с памятниками в окрестностях Старой Лядоги, из-за недостаточности полевой документации старых раскопок остались необъясненными. В частности, непонятно отсутствие погребений в сопках 131, 141, 143 (раскопки Н. Е. Бранденбурга), а также в насыпях в урочище Плакун (раскопки С. Н. Орлова) и у дер. Велеша (раскопки Н. Н. Гуриной). Конечно, погребения могли исчезнуть в период разрушения памятников, но есть сопки, где никаких повреждений до раскопок не зафиксировано, а погребения там все-таки отсутствовали. Сейчас этот факт приобретает особое значение. Судя по новым материалам, в первую очередь благодаря наличию погребений-сожжений на стороне — в полах Победищенской сопки за пределами ее каменной обкладки, появившихся на втором этапе формирования насыпи, есть основания предполагать наличие близ Старой Лядоги погребальных памятников особого типа. Спецификой этих сооружений является отсутствие погребений в центральной части, внутри каменной обкладки под первоначальной насыпью, когда захоронения помещали вокруг центральной зоны, служившей, быть может, для отправления обрядов, сопутствовавших похоронам. Победищенская сопка не является в этом смысле исключительным для Северного Поволжья памятником. Укажем, например, на то, что в 1968 г. при случайных земляных

работах на урочище Плакун, совсем рядом с границами раскопа, который заложил С. Н. Орлов для исследования сопки, были собраны вещи и кальцинированные кости — остатки погребения в поле насыпи, не замеченного исследователем²⁵.

В этой связи особое значение приобретает грунтовый могильник с труположениями, открытый Н. Е. Бранденбургом рядом с известной сопкой у бывш. с. Михаила-архангела (ныне г. Волхов)²⁶. Могильник этот сравнительно более поздний. Автор раскопок отнес его к XI и даже к XII в. Сопки же, согласно распространенному мнению, датируются до IX в. включительно. Были, правда, попытки отнести высокие погребальные памятники в низовьях р. Волхов к IX—X вв.²⁷, слабо, впрочем, обоснованные, на что справедливо указал В. В. Седов²⁸. Действительно, в волховских сопках до 1970 г. не было известно ни одного захоронения, которое бесспорно можно было бы отнести только к X в. Сейчас такое захоронение есть. Это рассмотренное выше погребение 3, видимо женское. Дата X в. или, скорее, вторая его половина твердо определяется инвентарем (подтрапцевидная подвеска, гири и т. д.), способом погребения и способом размещения останков²⁹. Начальный этап формирования насыпи датируется более ранним временем — в пределах конца IX — первой половины X в. В подошве первоначальной насыпи не было обнаружено погребенной почвы. Видимо, дерн на этом участке спяли; когда сооружали соседнюю сопку, которая, по мнению В. В. Седова, датируется VIII—IX вв.³⁰ Погребения 2 и 4 появились раньше, чем погребение 3, а погребение 1, судя по стратиграфии, самое позднее. Таким образом, оформление всего памятника в целом следует отнести к концу IX—X в.

Следовательно, хронологический разрыв между могильником с труположениями в полах сопки у г. Волхова и остатками сожжений, открытыми за пределами сопки, значительно сужается и становится правомерным вопрос об их генетической связи.

- ¹ Петренко В. П. Работы Староладожского музея. — АО 1970 г. М., 1971, с. 32; Назаренко В. А. О работах Волховского отряда. — Там же, с. 4; Булкин В. А., Назаренко В. А., Носов Е. Н. О работах Староладожского отряда. — АО 1971 г. М., 1972, с. 31; Петренко В. П., Крапивина Г. А., Терехов И. М., Лебедев Г. С. Работы в Ленинградской области. — АО 1972 г. М., 1973, с. 35—36.
- ² В литературе эта группа называется также Княгининской.
- ³ В предварительном сообщении была допущена ошибка в определении костяка (см.: Петренко В. П. Указ. соч., с. 32).
- ⁴ Определение научного сотрудника Зоологического института АН СССР И. Е. Кузьминой.
- ⁵ Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — СА, 1940, т. VI, с. 237 и сл.; Ширинский С. С. Ремешные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 215—223. См. также: Balodis Ēr. Die Handelwege nach dem Osten und die Wikinger in Russland. — In: Antikvariska studier, III. Stockholm, 1948, S. 349; Paulsen P. Schwerdtortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, S. 156.
- ⁶ Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, с. 11, 33—38; Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 237 и сл.; Толстов С. П. Из пред истории Руси. — СЭ, 1947, вып. VI-VIII, с. 39—59; Янин В. Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. — КСИМК, 1956, вып. 62, с. 3—16; Ширинский С. С. Указ. соч., с. 215—223.
- ⁷ Музуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965 г., с. 87—88, 94, рис. 34.
- ⁸ Например, подвески из могильников близ Аллажи, Икшкилес, Кабелес (Латвийская ССР), у дер. Хилово (Калининская область), причем следует подчеркнуть, что это, судя по инвентарю и обряду, рядовые погребения.
- ⁹ Makka J. Angangen zur Datierung und zu den südlichen Kontakten der mittleren Bronzezeit des Karpatenbeckens. — In: Különmúzeum Mőra múzeum Evkönyve 1966—1967. Evikötetéből. Szeged, 1967, s. 31—41, fig. 1, 2.
- ¹⁰ Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965, с. 5—7, 15—44, табл. 19, 22.
- ¹¹ Инал-ипа Ш. Д. Абхазцы. Сухуми, 1965, с. 218—225.

- ¹² Янин В. Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 г.—МИА, 1956, № 55, с. 158, табл. V, А.
- ¹³ С этой находкой нас любезно ознакомил В. Л. Янин.
- ¹⁴ Музуревич Э. С. Указ. соч., рис. 34, 1.
- ¹⁵ Например, изображения на подвесках из Турайды, Саласпилс Мартыньсала (Латвийская ССР), дер. Хилово (Калининская область).
- ¹⁶ Например, судя по материалам погребения 19 грунтового могильника около Икшилес (Латвийская ССР). См. также: Музуревич Э. С. Указ. соч., рис. 34, 6.
- ¹⁷ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 174.
- ¹⁸ Равдоникас В. И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.).—СА, 1949, т. XI, с. 42, 54.
- ¹⁹ Похожие в отдельных деталях блишки встречаются в приладожских курганах. См., например: Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья.—МАР, 1895, № 18, с. 115, табл. VI, 7.
- ²⁰ Седов В. В. Новгородские сопки.—САИ, 1970, вып. Е1-8, с. 42, табл. XVI, 8.
- ²¹ Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги (По материалам раскопок 1947—1949 гг.).—СА, 1951, т. XV, с. 221, рис. 1; Седов В. В. Указ. соч., табл. XIII, 4, 5, 6.
- ²² Орлов С. И. Сопки волховского типа около Старой Ладоги (Из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940—1948 гг.)—СА, 1955, т. XXII, с. 191. К сожалению, это интересное наблюдение в значительной степени обесценено отсутствием конкретных указаний на сопки того и другого облика.
- ²³ Там же, с. 205—206. Проведенное в 1973 г. исследование насыпи 142 (по нумерации Н. Е. Бранденбурга) показало, что предложенная С. И. Орловым реконструкция этого памятника совершенно не соответствует действительности.
- ²⁴ Седов В. В. Указ. соч., с. 12—23.
- ²⁵ Орлов С. И. Указ. соч., с. 190—211. В 1972—1973 гг. близ Старой Ладоги было раскопано еще несколько сопки подобного типа.
- ²⁶ Бранденбург Н. Е. Указ. соч., с. 139—141. См. также: Бранденбург Н. Е. Отчет о раскопках кургана в Михайловской волости Новоладожского уезда у села Михайла-Архангела.—Архив ЛОИА, АН СССР, д. 17/1886, л. 26 об.
- ²⁷ Тугзина Н. В. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа.—В кн.: Славяне и Русь, с. 191—193.
- ²⁸ Седов В. В. Указ. соч., с. 12—23.
- ²⁹ В 1971 г. на урочище Плакун в крупной сопкообразной насыпи было обнаружено погребение, которое авторы раскопок в предварительном сообщении отнесли к IX—X вв. (см.: Булкин В. А., Назаренко В. А., Носов Е. И. Указ. соч., с. 32).
- ³⁰ Седов В. В. Указ. соч., с. 27.

И. В. ХВОЩИНСКАЯ

О НОВОМ ТИПЕ КУРГАНОВ В МОГИЛЬНИКЕ У ДЕР. ЗАЛАХТОВЬЕ

Исследование курганного могильника у дер. Залахтовье Гдовского р-на Псковской области имеет большое значение для решения проблемы формирования культуры древнерусского времени на территории восточного побережья Чудского озера. Раскопки могильника у дер. Залахтовье, проведенные в 1908 г. К. Д. Трофимовым (75 насыпей)¹ и в 1911 г. К. В. Кудряшовым (7 насыпей)², показали, что в могильнике имеются как курганы с труположениями XI в. на уровне древнего горизонта и в грунтовой яме, так и курганы с трупосожжениями. Последние имели овальную или валообразную форму и обычно содержали несколько погребений по обряду трупосожжения на стороне. Зафиксировано различное помещение остатков трупосожжения в насыпь: в ямке, на уровне древнего горизонта, на поверхности кургана, в глиняном сосуде.

Сопровождающий инвентарь в погребениях, как правило, отсутствует, и лишь иногда встречаются бронзовые спиральки, обломки бронзовых пластинок, железные заклепки, удила, пряжки. По характеру погребального инвентаря и деталям погребального обряда эти курганы входят в широкий круг погребальных памятников Псковской области второй по-

ловины I тысячелетия н. э., относимых в настоящее время исследователями к культуре длинных курганов³.

В 1973—1974 гг. Гдовским отрядом Псковской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в Залахтовье наряду с ранее известными типами курганов был открыт совершенно иной тип насыпей с погребениями по обряду трупосожжения. Из-за своих малых размеров эта группа не была замечена ни К. Д. Трофимовым и К. В. Кудряшовым, ни при обследовании могильника в 60-е годы⁴.

Топографически рассматриваемые курганы с трупосожжениями (около 30 насыпей) расположены компактной группой в центральной части могильника и непосредственно примыкают с одной стороны к древнему ядру могильника, состоящему из длинных курганов, а с другой — к насыпям с погребениями по обряду труположения. Курганы насыпаны из песка (высота их 0,25—0,40 м, диаметр 4—6 м) и имеют округлую форму. Нами раскопаны четыре кургана этого типа (128, 131, 164 и 228 — нумерация по плану, снятому в 1973 г.). Кальцинированные кости вместе с оплавленным и фрагментированным погребальным инвентарем ссыпались в небольшую яму круглой формы (диаметром 40—70 см, глубиной 30—32 см), вырытую в материке в центре курганной площадки. Сверху яма перекрывалась слоем угля толщиной 7—10 см, принесенного с погребального костра, в котором также встречаются мелкие кальцинированные кости, фрагменты оплавленных предметов и обломки лепной керамики. В кургане 228 в 1 м к востоку от основного погребения обнаружена вторая яма (диаметром 65 см, глубиной 40 см) с большим количеством кальцинированных костей и угля.

Судя по составу погребального инвентаря, было вскрыто два женских (курганы 128 и 164) и два мужских (курганы 131 и 228) погребения. Для женских погребений особенно характерны разнообразные украшения. Из кургана 128 происходят пластинчатая гривна с чеканным орнаментом на лицевой стороне, по краю которой проходит небольшие круглые отверстия для подвешивания бронзовых бубенчиков, найденных в погребении в сильно оплавленном виде; спиральный браслет в девять оборотов; обломок пластинчатого браслета; простой браслет, прямоугольный в сечении, с заходящими друг на друга концами. Кроме того, в этом погребении обнаружены плоская ажурная подвеска в виде стилизованного изображения водоплавающей птицы, пастовая рифленая бусина, двухчастные бусы из желтого и синего стекла, бронзовые спиральки и обломки бронзовых оковок от ножей. В углистом слое найдены фрагменты миппагюрного лепного лощеного сосуда баночной формы.

Погребальный инвентарь из кургана 164 (рис. 1) состоял из обломка дрововой гривны, оканчивающейся небольшой округлой головкой — «рыльцем»; пластинчатых браслетов с плетеным орнаментом; обломков бронзовых цепочек; спиралек; оковок от ножен; обломка подковообразной фибулы с гранеными головками. О присутствии бус можно судить по кусочкам стекловидного шлака, прилипшего к кальцинированным костям. В погребении также найдены железный серп, нож, а в углистом слое собраны фрагменты лепной округлодонной лощеной ребристой миски с прямым венчиком. Помимо перечисленных хорошо определимых вещей, в погребении обнаружено большое количество сильно оплавленных слитков бронзы. Все это свидетельствует о чрезвычайном богатстве данного погребального комплекса.

Характерной чертой мужских захоронений является наличие в сопровождающем инвентаре оружия. В кургане 131 (рис. 2, 3) рядом с погребальной ямкой в небольшом углублении в материке был обнаружен полный набор снаряжения вооруженного всадника, состоящий из согнутого пополам меча, наконечника копья, двух накопечников стрел, топора, кольчатых удил, плети, двух ножей, косы, подпругной пряжки и массивной подковообразной фибулы. На клинке меча имелись знаки франк-

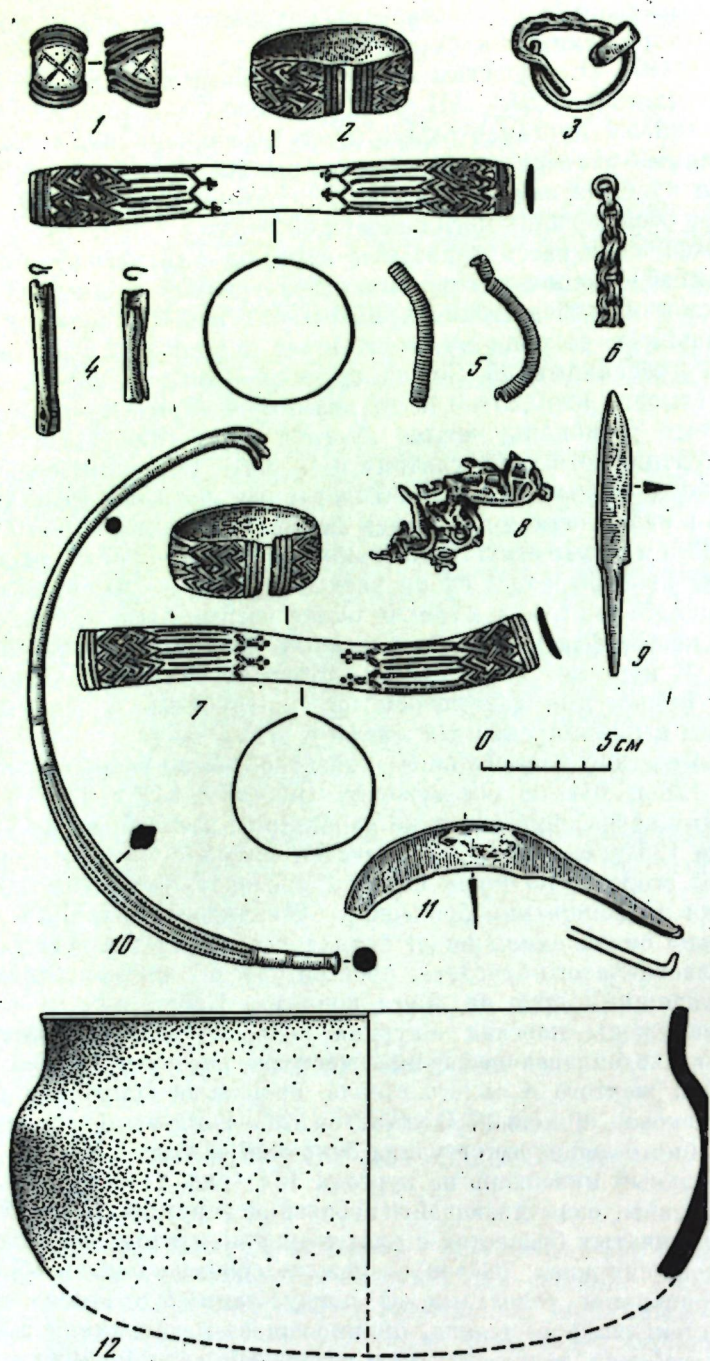

Рис. 1. Погребальный инвентарь из кургана 164

1 — усатый перстень; 2 — браслет; 3 — кольцо; 4 — оновки от ножен; 5 — спирали; 6 — фрагмент цепочки; 7 — браслет; 8 — оплавленная головка подковообразной фибулы; 9 — нож; 10 — обломок гривны; 11 — серп; 12 — лощеная миска (1—8, 10 — бронза; 9, 11 — железо)

ской мастерской: круг с одной стороны и симметрично ему с другой стороны костыльный крест⁵. Меч по форме своей рукояти близок мечам типа Е (по классификации А. Н. Киришчинова)⁶. В самой погребальной ямке среди кальцинированных костей найдены бронзовый и железный спиральные перстни, калачевидное кресало, ключ, железное кольцо с подвешенными к нему костыльками и цепочками, костяной гребень

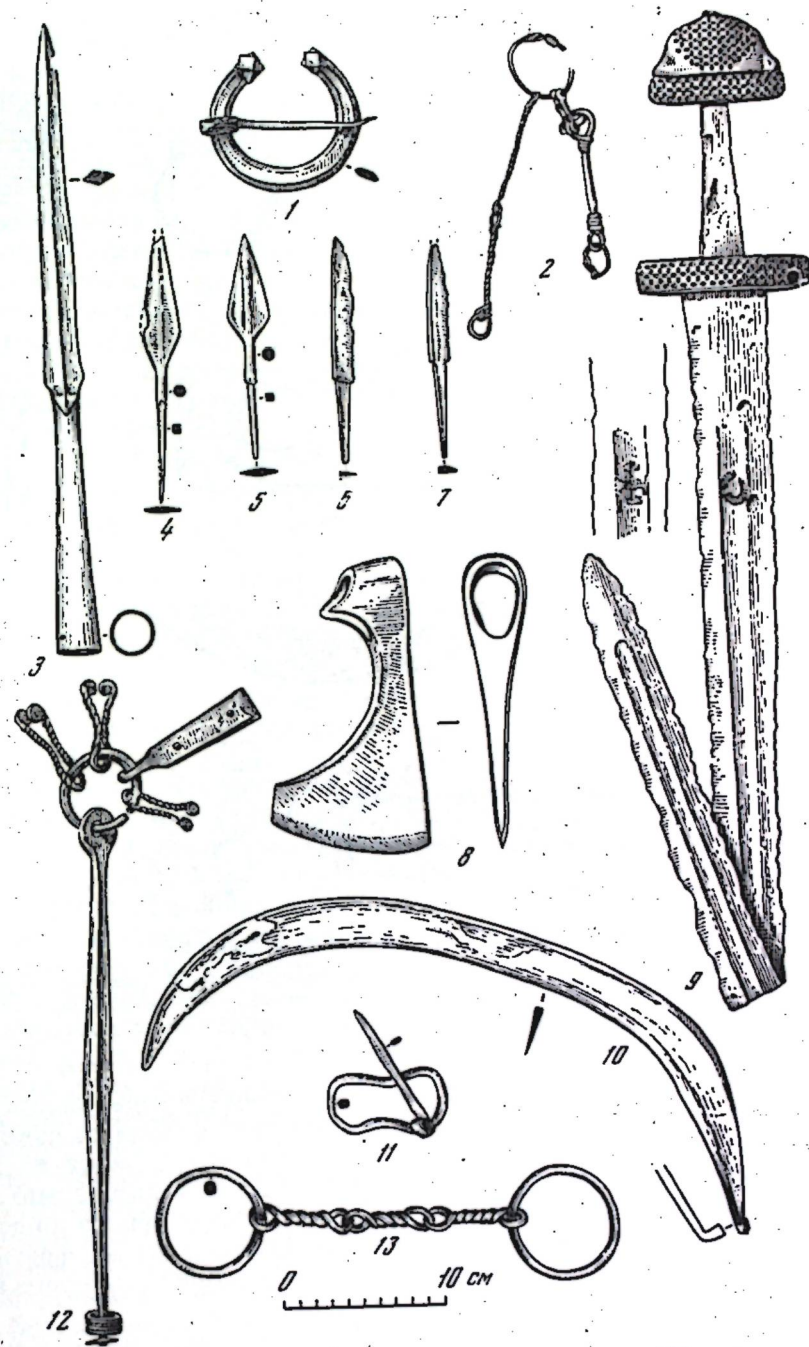

Рис. 2. Погребальный инвентарь из кургана 131

1 — подковообразная фибула; 2 — костыльки и цепочка на кольце; 3 — наконечник копья; 4, 5 — наконечники стрел; 6, 7 — ножи; 8 — топор; 9 — меч; 10 — коса; 11 — подпружная пружина; 12 — плеть; 13 — удила (1 — бронза; 2—13 — железо)

в футляре и сильно оплавленные весы с двумя железными гирьками бочонкообразной формы. При расчистке угольного пятна обнаружен обломок литого браслета с плетеным орнаментом.

В погребении кургана 228, так же как и в кургане 131, найдены наконечник копья, два наконечника стрел, массивная подковообразная фибула с гранеными головками, железные костыльки, ключ, два ножа и

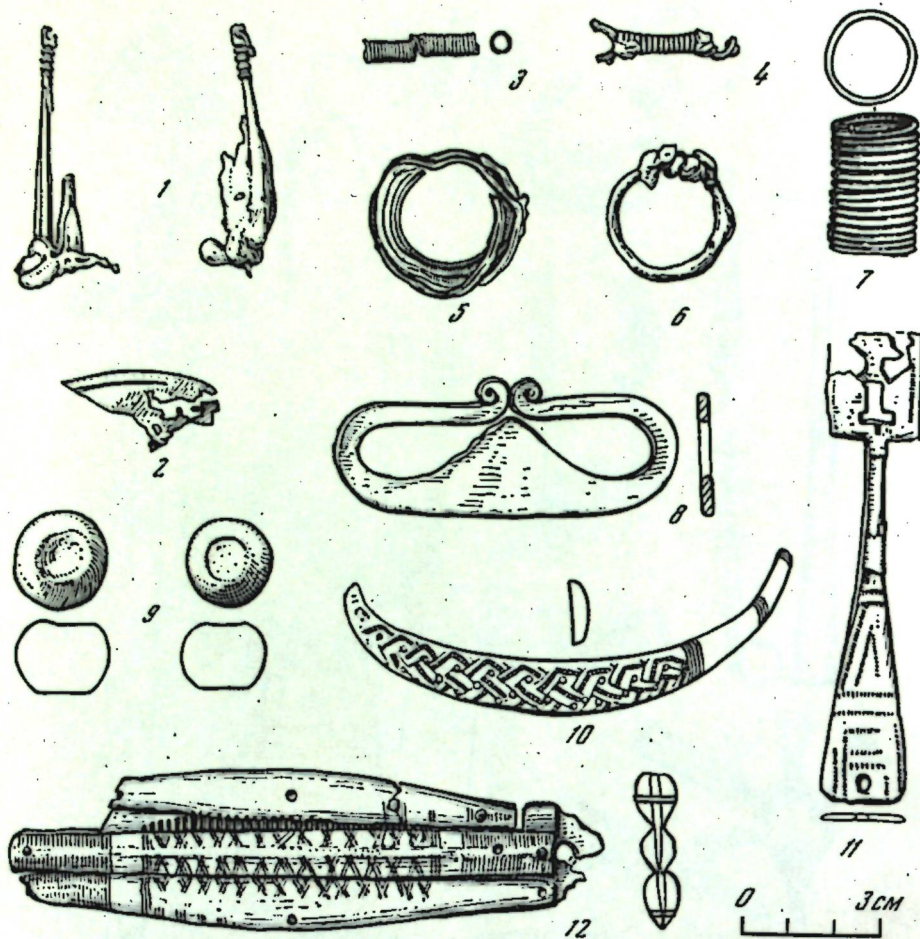

Рис. 3. Погребальный инвентарь из кургана 131

1, 2 — фрагменты весов; 3 — спиральки; 4 — железный предмет; 5 — спиральный перстень; 6 — кольцо; 7 — спиральный перстень; 8 — калачевидное кресало; 9 — песовые гирьки; 10 — браслет; 11 — ключ; 12 — гребень в футляре (1—3, 5, 10 — бронза; 4, 6—9, 11 — железо; 12 — кость)

гирька от весов. Кроме того, в погребении были обнаружены пластинчатая гривна с чеканным орнаментом, подковообразная фибула со спиральными концами, пластинчатый перстень с четырьмя спиральками на концах, три браслета (два пластинчатых и один литой ладьевидный). Из углистого слоя происходят обломки сильно ошлакованной лепной широкой миски с округлыми плечиками и прямым венчиком, а также фрагмент лепного приземистого сосуда баночной формы, поверхность которого почти сплошь украшена рядами ногтевых защипов.

Между рассматриваемыми курганами и ранее известными в Залахтовье насыпями культуры длинных курганов наблюдаются существенные отличия. Если длинные курганы имеют значительные размеры насыпей (длина 7—30 м, ширина 6—9 м, высота 0,6—1 м), сооружены, как правило, в несколько приемов и являются чаще всего коллективными усыпальницами (встречается до 10 погребений в одном кургане), то исследованные нами курганы имеют гораздо меньшие размеры (диаметр 4—6 м, высота 0,25—0,40 м), насыпаны в один прием и содержат до одного погребения. В отличие от длинных курганов, в которых обнаружены различные способы помещения остатков трупосожжения в насыпи (в ямках, на уровне древнего горизонта земли, на поверхности кургана, в глиняных сосудах), данные курганы характеризуются едино-

образным погребальным обрядом (все захоронения находились в грунто-вых ямках). Основное же различие между двумя группами залахтовских курганов с трупосожжениями состоит в погребальном инвентаре. Погребения длинных курганов, как правило, безинвентарные и лишь иногда содержат отдельные фрагменты оплавленных предметов. Погребения маленьких курганов с трупосожжениями сопровождаются богатым и разнообразным погребальным инвентарем, который по своему характеру резко отличен от находок из длинных курганов.

В то же время по составу погребального инвентаря рассматриваемые курганы сближаются с залахтовскими насыпями древнерусского времени, содержащими погребения по обряду труположения. Общими для трупосожжений и труположений являются как орудия труда: серпы, ножи, косы, калачевидные кресала, так и предметы убора и украшения: пластинчатые и дротовые гривны, подковообразные фибулы, спиральные перстни и браслеты, усаые перстни, перстни с четырьмя спиральками на концах, пластинчатые браслеты с плетеным орнаментом. Но при общем сходстве инвентаря имеются и некоторые отличия, прежде всего хронологического характера. Особенно ярко они проявились при сопоставлении комплексов оружия. Найденные в курганах с трупосожжениями наконечники копий ланцетовидной формы датируются X в.⁷ В курганах с труположениями встречен лишь один ланцетовидный наконечник копья, но и тот относится к наиболее поздним вариантам этого типа и датируется первой половиной XI в.⁸ Основная же масса наконечников копий, обнаруженных в этой группе курганов, относится к XI в. и представлена типами III, IV и VII (по классификации А. Н. Кирпичникова)⁹. Встреченный в кургане с трупосожжением топор входит в группу топоров X в., отличающихся тщательностью выделки и овальным очертанием втулки¹⁰, тогда как топоры из захоронений с труположениями датируются А. Н. Кирпичниковым XI в.¹¹ Происходящий из кургана с трупосожжением меч по форме и украшению рукояти, как уже отмечалось, близок к мечам типа Е, распространенным на территории Руси главным образом в X в.¹² Особо следует подчеркнуть, что в курганах с трупосожжениями обнаружена исключительно лепная керамика, в то время как в курганах с труположениями погребения сопровождаются гончарными сосудами с линейно-волнистым орнаментом¹³.

Между курганами с кремацией и ингумацией имеются также различия, не связанные с хронологией, а касающиеся индивидуальных особенностей состава погребального инвентаря в обоих типах насыпей. Так, в курганах с трупосожжениями обнаружены гирьки, весы, ключи, косяной гребень, зооморфная подвеска, которые не встречаются в курганах с труположением.

Итак, приведенные факты показывают, что раскопанные нами курганы с трупосожжением датируются с середины до конца X в. и непосредственно предшествуют курганам с труположениями. Сходство погребального инвентаря из открытых нами насыпей с трупосожжениями с погребальным инвентарем из залахтовских насыпей с труположениями свидетельствует о том, что они оставлены одной этнической группой населения. Что касается соотношения насыпей культуры длинных курганов и курганов с трупосожжениями, рассмотренных в этой работе, то, безусловно, длинные курганы являются более древними погребальными памятниками, однако вопрос о культурной взаимосвязи обоих типов трупосожжений в Залахтовье пока остается открытым.

⁷ Трофимов К. Д. Раскопки курганов при д. Залахтовье-Кувшиново. СПб., губ. Гдовского уезда М; 1909; Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1909 г. д. 31 дд. 100—104.

⁸ Кудряшов К. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде.—ЗРАО, 1913, т. IX, с. 255—263; Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, 1931 г., д. 739.

⁹ Седов В. В. Длинные курганы кривичей.—САИ, 1974, вып. Е1-8, с. 61.

- ⁴ Раппопорт П. А., Станкевич Я. В., Голунова И. К. Археологическое обследование восточного побережья Чудского озера.— В кн.: Ледовое побоище 1242 г. М.— Л., 1966, с. 36—37.
⁵ Клейма расчищены и определены А. Н. Кирпичниковым.
⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, т. 1.— САИ, 1966, вып. Е1-36, с. 30—31.
⁷ Кирпичников А. Н. Указ. соч., т. 2.— Там же, с. 9.
⁸ Там же, с. 12.
⁹ Там же, в каталоге копий № 316—318, 351—352, 385.
¹⁰ Там же, с. 37—38.
¹¹ Там же, в каталоге топоров № 383—384, 400—401.
¹² Кирпичников А. Н. Указ. соч., т. 1, с. 30—31.
¹³ Исключение составляет курган 229, где в грунтовой яме в ногах у погребенной стоял лещной сосуд баночной формы.

В. В. СЕДОВ

СЕБЕЖСКИЕ КУРГАНЫ

Себежский край принадлежит к плотнозаселенным регионам Древней Руси. Обилие здесь курганов уже отмечалось в археологической литературе. Недавно научную характеристику получили исследованные за последние годы длинные погребальные насыпи¹. Не меньший интерес представляют и полусферические курганы, образующие многочисленные могильники по несколько десятков насыпей. Сравнительно небольшие раскопки последних производились неоднократно². Настоящая статья не является обобщением всех накопленных к настоящему времени данных по себежским курганам. В ней лишь публикуются новые материалы из раскопок, проведенных в Себежском поозерье за последние десятилетия.

В 1970 г. продолжены раскопки курганов близ дер. Грицково³. Исследованы восемь полусферических насыпей. В двух из них (22 и 35), расположенных в средней части могильника, там, где ранее исследованы курганы с захоронениями по обряду трупосожжения, погребений не обнаружено. Высота насыпей — 1,5 м, диаметры оснований — 7,6 и 10 м. Они состоят из желтого песка с зольно-угольными включениями. В основаниях залегают зольные прослойки толщиной 5—12 см. По-видимому, остатки трупосожжений, совершенных на стороне, были помещены в самом верху насыпей, что обычно для курганов псковских кривичей. Позднее кальцинированные кости оказались размытыми или развеянными.

В шести курганах (7, 10, 11, 12, 13, 15), находящихся в северной части могильника, открыты захоронения по обряду трупоположения.

Курган 7 имел высоту 1,1 м и диаметр основания 4,4 м. Насыпан он из желтого песка и содержит многочисленные беспорядочно разбросанные зольно-угольные включения. В основании кургана прослежена зольная прослойка толщиной 10—15 см. Такие подошвенные прослойки очень характерны как для круглых, так и для длинных курганов псковской группы кривичей. Это следы ритуала очищения огнем площадки, предназначенной для курганной насыпи.

Вокруг кургана было заложено несколько траншей. Выяснилось, что насыпь была окольцована неглубоким ровиком. На дне его с южной стороны зафиксированы остатки кострища. Очевидно, в момент погребения в ровике горел ритуальный костер. Остатки подобных огнищ отмечены и в курганных ровиках других могильников Северной Руси⁴.

Под курганной насыпью открыты две подчетыреугольные могильные ямы. Обе прорезали подошвенную зольную прослойку. Заполнены ямы были желтым песком, однородным с насыпью кургана. Стенки их были отвесными, дно — горизонтальным.

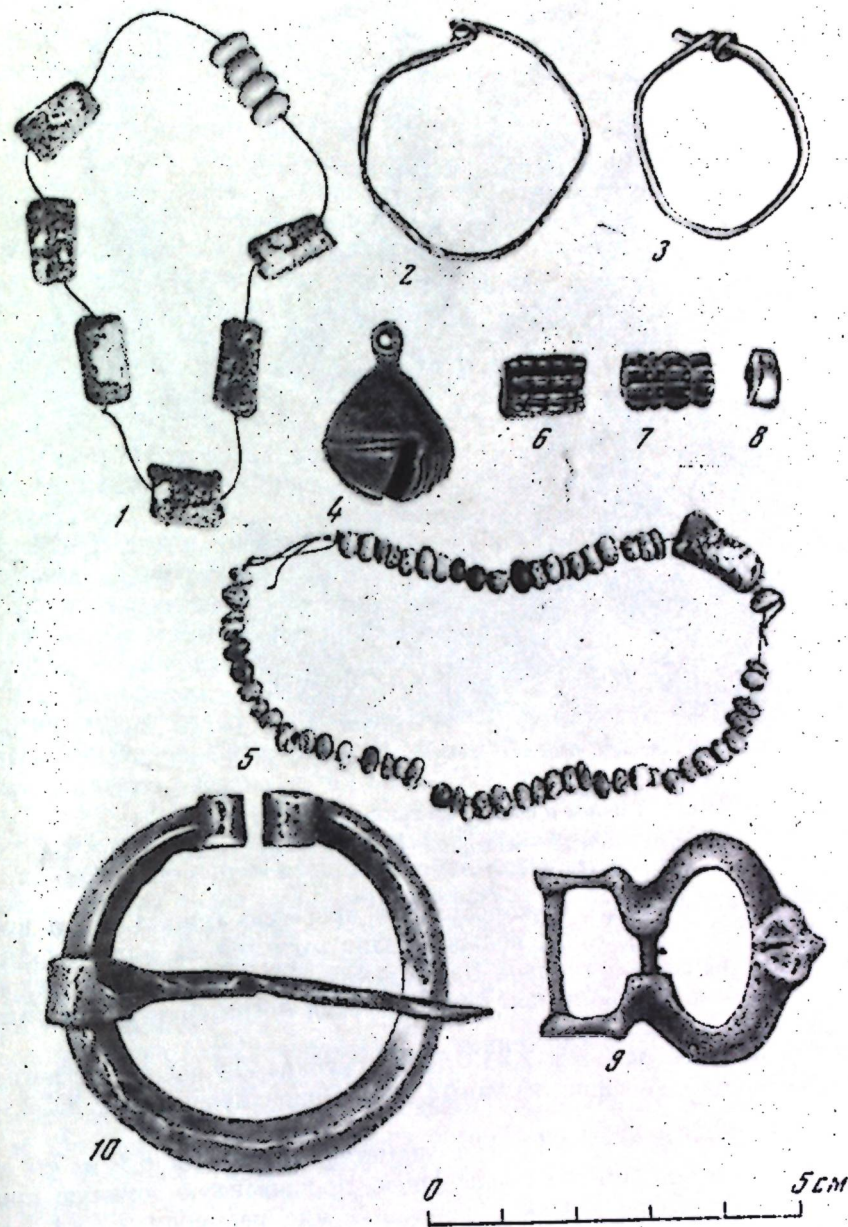

Рис. 1. Украшения из грицковских курганов

1—5 — из кургана 7; 6—8 — из кургана 15; 9, 10 — из кургана 10

В северной яме (ее размеры 1,6×0,8 м, глубина 0,25 м) расчищен скелет девочки в возрасте около 14 лет. Умершая была погребена на спине, с вытянутыми руками, головой на запад—северо-запад.

С правой стороны черепа обнаружено бронзовое перстнеобразное височное колечко с кольцеобразно завернутым концом (рис. 1, 2). При нем имелись остатки ткани. Другое перстнеобразное кольцо с завязанными концами (рис. 1, 3) находилось на левом виске. В состав шейных ожерелий входили 66 белых мелких зонных пастовых бус, пять четырехгранных пастовых, две стеклянные четырехгранные бесцветные бусины и желтая четырехчастная пронизка (рис. 1, 1, 5). На поясе слева найдены

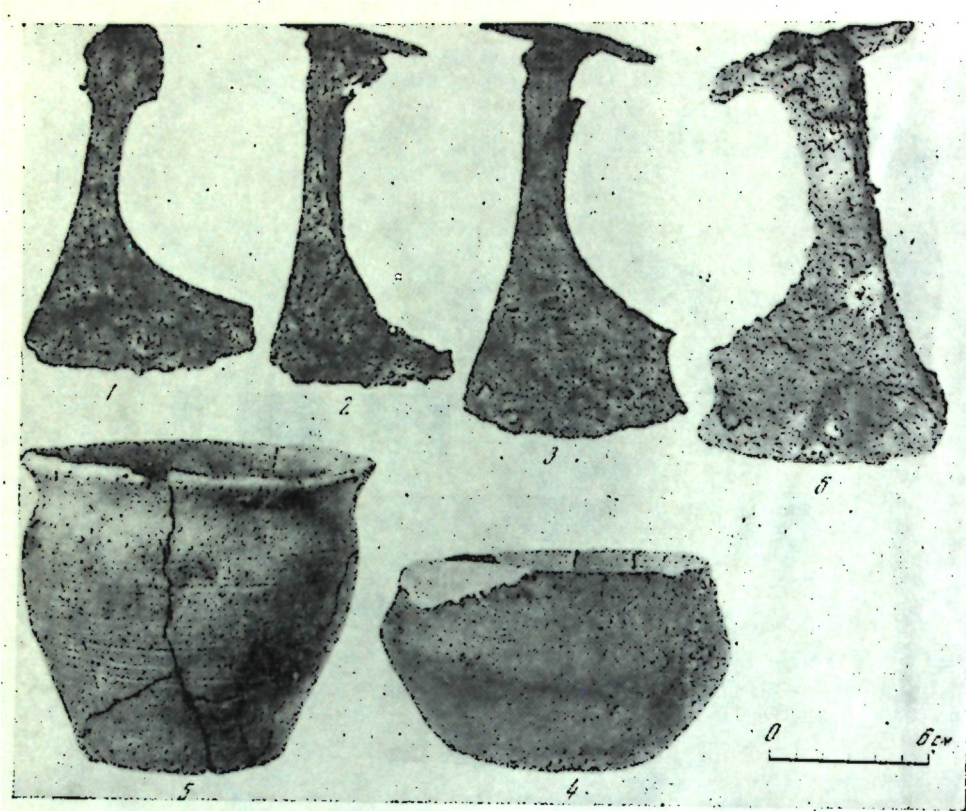

Рис. 2. Топоры и сосуды из гричковских курганов
1, 4 — из кургана 13; 2 — из кургана 10; 3, 5, 6 — из кургана 12

два бронзовых бубенчика с крестообразной прорезью (рис. 1, 4) и кресало в виде толстой пластины, кольцеобразно загнутой на одном конце. В ногах стоял гончарный горшок, принадлежащий к керамике гнездовского типа. На основе бубенчиков и этого сосуда погребение может быть отнесено к концу X или к XI в.

В южной яме (ее размеры 2,3×0,75 м, глубина 0,4 м) кости погребенного сгнили. Найден лишь железный нож. Ориентировка ямы ЮЗЗ — СВВ.

Курган 10 имел высоту 1,45 м и диаметры основания 8,1 и 7,6 м. Устройство насыпи аналогично предыдущей. Подошвенную зольную прослойку прорезала четырехугольная могильная яма размером 2,7×1,3 м, глубиной 0,25 м. На дне ее открыты полусгнившие остатки скелета мужчины. Умерший погребен на спине, головой к западу.

В области шейных позвонков найдена бронзовая подковообразная застежка с завернутыми концами (рис. 1, 10), на поясе — бронзовая лировидная пряжка (рис. 1, 9), около тазовых костей — точильный брусок и железный нож. У правого колена лежал железный топор с остатками деревянной рукоятки и отпечатками ткани от чехла (рис. 2, 2). Подковообразная застежка позволяет датировать курган XI в.

Траншеи, прорытые рядом с основанием кургана, показали, что он был окован ровиком глубиной 0,3—0,7 м. На дне его с северной и южной сторон кургана зафиксированы интенсивные угольные прослойки — остатки костров, горевших в момент захоронения.

Курган 11 достигал высоты 1,3 м при диаметре основания в 8,3 м. Насыпь состояла из красноватого и бледно-желтого песка и желтой глины. Под ней была ровная горизонтальная поверхность, которую покрывала

прослойка золы с точечными угольными включениями (толщиной около 10 см, диаметром 6,6 м).

В центре курганного основания на зольной прослойке обнаружены остатки деревянного ведра с железными обручами, железный топор, нож и точильный брусок. Остатков скелета не обнаружено. Не исключено, что этот курган сооружен в память погибшего на стороне.

Траншеи вокруг основания насыпи и здесь выявили кольцеобразный ровик шириной 2,5—3 м и глубиной 0,3—0,8 м. С южной стороны на его дне прослежены остатки кострища диаметром около 2 м.

Курган 12 имел высоту 1,5 м при диаметре основания 9,3 м. Насыпь сложена из желтого песка с зольными включениями и многочисленными камнями. В основании прослежена зольноугольная прослойка. Ее диаметр — 8,3 м, толщина — 5—10 см. В середине прослойки имелось «окно», часть которого занимала могильная яма четырехугольных очертаний в плане. Ее размер 2,5×1,1 м, глубина 0,5 м.

На дне ямы открыт скелет мужчины. Умерший погребен на спине, головой к западу. Правая рука согнута в локте, левая вытянута.

Около пальцев левой руки найден железный нож, у правого колена — топор с отпечатками ткани от чехла (рис. 2, 3, 6), у левой ступни — гончарный горшок, украшенный линейным орнаментом (рис. 2, 5). На гончарных костях обнаружен серебряный дирхем (рис. 3, 1) Насра II ибн Ахмеда (914—943 гг.)².

Насыпь была окружена ровиком, в южной части которого на дне зафиксированы остатки ритуального костра.

Высота кургана 13 составляла около 1 м, диаметры основания — 6,2 и 6,5 м. Он был сложен из желтого песка с мелкими зольными включениями. В основании прослежена зольная прослойка размером 4×3,5 м и толщиной 10—15 см. Ее середину прорезала подчетырехугольная могильная яма размером 3×1,4 м и глубиной 0,5 м. На дне ямы расчищены остатки скелета. Умерший погребен головой к западу. Около правой ноги лежал железный топор с остатками деревянной рукоятки и отпечатками ткани от чехла, у ступни той же ноги стоял гончарный сосуд с зигзаговым орнаментом, а в области тазовых костей находился обломок какого-то железного предмета.

Установлено, что курган был окован ровиком шириной 2—3 м и глубиной 0,5—0,6 м. С южной стороны на дне ровика прослежены остатки костра.

Курган 15 имел высоту 1 м и диаметры основания 5 и 5,9 м. Устройство его аналогично предыдущему. Зольная прослойка в основании кургана имела диаметр около 4,5 м и не достигала краев насыпи на 0,4—1 м. Ее прорезала могильная яма размером 2,5×1 м и глубиной 0,3 м. Кости скелета почти полностью сгнили. Однако очевидно, что умерший был погребен головой к западу.

В области грудных костей найдены две цилиндрические ребристые бусины из синего стекла и обломок стеклянной позолоченной (рис. 1, 6—8), железные кольцевая пряжка и нож. В области шеи обнаружена се-

Рис. 3. Монеты из гричковских курганов

1 — из кургана 12;
2 — из кургана 15

ребриная западноевропейская монета (рис. 3, 2). Правая плечевая кость скелета была покрыта окисью меди.

Похоронный ритуал на основании исследованных курганов представляется следующим. Сначала выжигалось огнем место, предназначенное для погребальной насыпи. Для этого использовались, по-видимому, хворост и солома. В середине площади затем вырывалась могильная яма, в которую умершего помещали на спине, головой к западу (только в кургане 11 погребение совершено непосредственно на зольной прослойке). После этого яму засыпали и сразу же соорудили курганную насыпь. При этом вокруг ее основания образовывался кольцевой ровик, на дне которого зажигали ритуальный костер. Последний обычно помещался с южной стороны кургана, иногда их было два: с южной и северной сторон.

Захоронения по обряду ингумации в подкурганных ямах в отдельных регионах древнерусской территории появляются в разное время. В Среднем Поднепровье такие труположения господствуют в X—XII вв. В лесной полосе Восточной Европы курганные захоронения в грунтовых ямах распространяются только с XII в. В Себежском поозерье, судя по описанным грицковским курганам, труположения в грунтовых ямах под курганами обычны уже в XI в., что обусловлено пограничным положением этого региона. Рядом находилась территория латгалов, для которых в течение второй половины I тысячелетия и начала II тысячелетия характерны труположения в грунтовых ямах.

В отдельных себежских курганах встречаются захоронения с типично латгальскими украшениями, свидетельствуя о наличии здесь наряду со славянами балтского населения. Так, в одном из казихинских курганов с трупосожжением обнаружен головной венчик латгальского облика⁶. Подобные венки — вайнаги — найдены и в курганах с труположениями⁷.

В 1947 г. себежский краевед Б. В. Сивицкий, который в 20-х годах работал в этом крае с А. А. Спицыным, производил раскопки курганов местности Голышево близ дер. Илово⁸. Латгальские головные венки, составленные из нескольких рядов спиралей и пластинчатых бляшек, были обнаружены в двух курганах.

В кургане 7 — хорошо сохранившийся головной венчик. Это погребение сопровождалось большим числом украшений. Среди них имелись подковообразная застежка с завернутыми концами, три массивных витых браслета с завязанными концами, проволоочный перстень, ожерелье из мелких зонных бус желтого и зеленого стекла, три бубенчика с крестообразной прорезью, бронзовая привеска-ложечка, свыше десятка звеньев цепочки, железный нож. Головной венчик сочетался с типично славянскими височными кольцами — трехбусинным и проволоочными, сделанными из обломков браслетообразных завязанных. Завязка последних типична для височных украшений смоленско-полоцких кривичей.

Два перстнеобразных височных кольца обнаружены и в погребении с латгальским головным венком кургана 8. Очевидно, в древнерусских курганах хоронились не собственно латгальские женщины, а их славянизированные потомки. Кроме того, в этом кургане найдены ожерелье, состоящее из позолоченных бочонкообразных, посеребренных колесообразных и мелких зонных бус белого и зеленого стекла, бронзовая цепочка со звездообразной пряжкой, пластинчатый браслет с завязанными концами, широкопластинчатый завязанный перстень, костяная складная расческа и железный нож в медных ножнах. Звездообразная пряжка принадлежит к балтским субстратным элементам⁹, а остальные украшения являются типично древнерусскими.

Оба голышевских кургана на основе завязанных браслетов и бубенчиков с крестообразной прорезью можно датировать XI в.

Другие курганы Голышевского могильника содержали ямные труположения с многочисленными восточнославянскими украшениями. В кургане 4, где открыто три захоронения, найдены перстнеобразные ви-

сочные кольца, три шейные гривны (витая с пластинчатыми концами, витая из трех проволок с крючкообразными концами и железная раскрытая), стеклянные и пастовые бусы (красная шарообразная с желтым глазком, цилиндрические синие с продольными пазами, зонные желтые и белые, синяя ребристая, бусы-лимонки), бубенчики с крестообразными прорезями, свинцовые подтреугольные подвески, лунница, браслеты (узкий плоско-выпуклый, витой с завязанными концами), перстни (пластинчатые, замкнутый, сомкнутый, завязанный, с заходящими концами), звенья цепочек, нож и остатки ножен. При одном из скелетов обнаружены четыре арабских дирхема X в.

Височные кольца диаметром 4,5 и 3,5 см с завязанными концами найдены в погребении кургана 6. Здесь же находились четыре перстнеобразных сомкнутых височных кольца, ожерелье из мелких зонных белых пастовых бус, цилиндрических пастовых бус коричневого цвета с глазками, бочонкообразных позолоченной и посеребренной и сердоликовой многогранной, пластинчатый браслет с завязанными концами и узкопластинчатый замкнутый перстень.

Перстнеобразные височные кольца обнаружены также при скелете в кургане 22. Кроме того, в этом погребении встречен плоско-выпуклый бронзовый браслет со стилизованными змеиноголовыми концами. Аналогичные браслеты найдены также в курганах 9 и 10. При женском скелете последнего кургана находилась костяная расческа в футляре, орнаментированном циркульным узором. Расческа была прикреплена к проволочному колечку, на котором находилось несколько бубенчиков с крестообразными прорезями.

Из мужских захоронений Голышевского могильника наибольший интерес представляет открытое в кургане 5. На руке погребенного находился витой завязанный браслет, в области пояса — два медных поясных кольца и железный нож. Слева от тазовых костей лежало железное острие с кольцом — предмет, употреблявшийся в древности в качестве вилки¹⁰. У правой ступни находился железный наконечник копья.

Б. В. Сивицким раскапывались также курганы у дер. Горбуны, расположенные к востоку от Себежского озера. Во многих мужских захоронениях здесь встречены железные топоры и подковообразные пряжки. Рядовым славянским погребениям орудия труда несвойственны, поэтому можно полагать, что наличие топоров в этих, как и в грицковских курганах, является реликтом балтского погребального ритуала.

При женских захоронениях этого могильника встречены браслетообразные височные кольца с завязанными концами, перстнеобразные височные кольца, шейные ожерелья из многочисленных бус (стеклянные золоченные бочонкообразной формы, мелкие зонные желтого и синего стекла, сердоликовые призматические, разнообразные пастовые), монетообразные привески и бубенчики, бронзовые браслеты (плоско-выпуклые, пластинчатый и проволоочный) и перстень (щитковый с завязанными концами), железный нож (около правого плеча погребенной) и горшки.

Интересная вещевая коллекция найдена в работах близ с. Плакутица¹¹. В ее состав входят четыре браслетообразных височных кольца с завязанными концами, пять пластинчатых привесок-копеек, две лунницы, бубенчики с линейной прорезью, сердоликовая многогранная буса, бронзовые браслеты (толстопроволоочный, пластинчатый и витой тройной) и перстень, поясные пряжка и кольцо.

Находки браслетообразных завязанных височных колец в себежских курганах говорят о принадлежности последних смоленско-полоцким кривичам. Вместе с тем в этих курганах имеются характерные для псковской группы кривичей подошвенные зольные прослойки. Очевидно, Себежское поозерье составляло промежуточную полосу, где в курганах сочетаются признаки псковских и смоленско-полоцких кривичей.

- ¹ Седов В. В. Длинные курганы Себежского поозерья.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 90—92; он же. Длинные курганы кривичей.— САИ, 1974, вып. Е1-8.
- ² Гуревич Ф. Д. Археологические памятники Великолукской области.— КСИИМК, 1956, вып. 62, с. 104—106; Тараканова С. А. Себежские городища и курганы.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, с. 117—127; Подвижина Н. Л. Раскопки курганов в Псковской области.— СА, 1965, № 1, с. 293—296.
- ³ Седов В. В. Грицковские курганы.— КСИИМК, 1971, вып. 125, с. 52—58.
- ⁴ Седов В. В. Длинные курганы кривичей, с. 23, 24.
- ⁵ Определение Г. А. Федорова-Давыдова.
- ⁶ Седов В. В. Казихинские курганы на р. Великой.— КСИИМК, 1969, вып. 120, с. 96, рис. 41, 1.
- ⁷ Подвижина Н. Л. Указ. соч., с. 295.
- ⁸ Работы производились без открытого листа, научного отчета о них нет. В Себежском краеведческом музее хранится вещевая коллекция из этих раскопок и имеются очень краткие записки о некоторых из раскопанных курганов.
- ⁹ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 140.
- ¹⁰ Zak J. O pochodzeniu «szpil» pierścieniowatych na ziemiach polskich.— «Slavia antiqua» (Warszawa—Poznan), 1960, VII, s. 407—442; Голубева Л. А. Назначение железных игл с кольцами.— СА, 1971, № 4, с. 114—126.
- ¹¹ Хранится в Себежском краеведческом музее.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

ТРИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДИЩА ВЕРХНЕГО ПОСУЛЬЯ

Начиная с 1972 г. Посульская разведочная группа Института археологии АН СССР под руководством автора проводит обследование древнерусских памятников Верхнего Посулья. Эта работа поможет решить следующие задачи.

1. До сих пор Посульская линия обороны рассматривалась как цепочка из 18 укреплений, самой северной крепостью считался летописный город Ромен¹. Городища, расположенные в верхней Суле и ее притоках, при изучении древнерусской границы не учитывались. Этот район был частью белого пятна на археологической карте левобережья реки.

2. Границы Черниговского Задесенья и Вырской волости в общих чертах установлены². Картографирование и выяснение хронологии поселений, расположенных вдоль южных пределов этих областей, позволят уточнить общую картину и дать ответ на многие вопросы исторической географии сопредельного Переяславского княжества.

К настоящему времени автором обследовано 11 древнерусских городищ Верхнего Посулья. Из них семь расположены вдоль р. Ромен.

Берега этой реки большей частью невысоки и пологи, обширная пойма до недавнего времени была сильно заболочена, поэтому большая часть памятников здесь относится к так называемым круглым «болотным» городищам. Упоминания о трех публикуемых ниже укреплениях в литературе известны давно; в настоящее время среди местного населения они именуются «городками». Все они расположены на правом берегу реки.

Городище у с. Большой Самбор. Памятник отмечен как городище на карте французского инженера Г. Л. де Боплана (первая половина XVII в.)³, а в конце XIX в. он был обследован В. Г. Ляскоронским⁴. Несколькими годами позже изданы сведения Центрального статистического комитета, среди которых содержится упоминание об этом укреплении⁵.

Долины рек Ромен и Самбор у юго-восточной окраины села образуют низкий мыс, далеко выступающий в пойму. В его основании, на территории колхозного сада, располагается древнерусское селище. Подъемный

материал — керамика середины XII — первой половины XIII в. распространяется на площади 600×400 м. Восточный край поселения поврежден при добыче глины, в обрете культурный слой имеет мощность до 0,4 м.

На юго-восточной оконечности мыса, имеющей высоту около 1 м, размещается городище. В плане площадка имеет овальную форму, ее размер 57 (ЮЗ—СВ)×65 (СЗ—ЮВ) м, поверхность задернована и немного понижается к западу. Площадку опоясывает вал высотой от 0,5 до 2 м, причем ниже всего он в юго-западной, незалесенной части, а максимальную высоту имеет на северной, напольной стороне. За валом находится ров, достигающий глубины 1,5 и ширины более 10 м. В северо-восточной части укрепления прорезаны въездом (рис. 1). Городище почти полностью заросло лесом, свободными остались лишь небольшой юго-западный участок площадки и прилегающие к нему отрезки вала и рва.

Шурфовка показала, что мощность культурного слоя достигает 1 м. В нижнем горизонте попадаются черепки позднего бронзового века. Древнерусская керамика представлена венчиками XII и XIII вв.; найдены также развалившийся гончарный горшок и железный нож. Верхние слои — серый подзол и дерн — находок не содержали.

При шурфовке внутреннего склона вала выяснилось, что и здесь внизу залегает слой эпохи бронзы, он отличается светло-коричневым цветом. На глубине 1,6 м начинается черноземный слой толщиной 0,3—0,45 м, слабо насыщенный древнерусской керамикой. Небольшие фрагменты встреченных здесь венчиков датируют этот слой первой половиной XII в. Чернозем перекрыт слоем угля и золы, на котором прослежен древесный тлен венца сруба шириной 1,6 м, сложенного из бревен толщиной 12 см. Укрепление, в конструкцию которого входил этот сруб, построено по периметру открытого поселения, вероятно, в середине XII в. Кроме сруба, основу вала составляли перемежающиеся тонкие ленты глины и чернозема, а затем подушка уплотненной глины (толщиной 25 см), перекрытая двумя мощными слоями чернозема, несколько отличающимися друг от друга примесями. В культурном слое, который соприкасается с валом, встречена керамика середины XII—XIII вв.

Городище у с. Гайворон. Впервые оно упоминается в первой половине XVII в.⁶, затем сведения о нем встречаются в изданиях XVIII в.⁷ и 70-х годов XIX в.⁸ Памятник расположен в 12 км к югу от предыдущего, в 4 км к северо-востоку от с. Гайворон и включает и селище.

Селище занимает среднюю часть пологого мыса первой подпойменной террасы, на южной окраине поселка им. 8 Марта (бывш. Бугаев хутор). Высота мыса колеблется от 2 до 0,5 м. Подъемный материал второй половины XII—XIII в. прослежен на площади 500×500 м, занятой усадьбами и огородами колхозников.

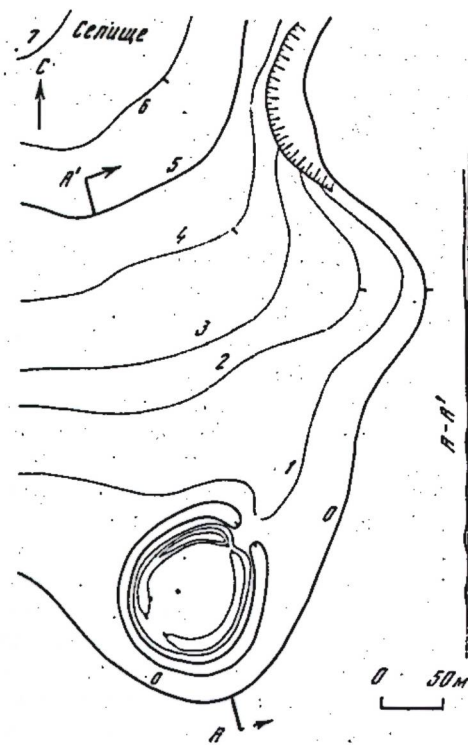

Рис. 1. План городища у с. Большой Самбор

Городище устроено на стрелке мыса. Площадка, занятая им, имеет овальную форму, ее размер 100 (С—Ю) × 90 (З—В) м, поверхность ровная, ежегодно засеваемая травами. Сильно распаханый вал имеет ширину от 15 до 22 м, высота его от уровня площадки 0,5 м, от дна рва — до 3 м. Место древнего въезда прослеживается очень плохо. Он располагается с западной стороны, что подтверждается и сведениями Центрального статистического комитета⁹. Вал опоясан сильно затекшим и запаханым рвом шириной до 10 м при глубине не более 0,5 м (рис. 2).

В восточной половине площадки заложен шурф площадью 12 кв. м, который пришелся, вероятно, на мусорную яму, в плане овальной формы, размером 3 × 2,5 м и глубиной 1,1 м. Ее заполнение в подавляющем большинстве состоит из керамики второй половины XII — первой половины XIII в. Здесь же найден самшитовый гребень этого же времени. В непо потревоженных ямой частях шурфа мощность культурного слоя составляет 0,8 м. Здесь непосредственно над материком встречены керамика позднего бронзового века и фрагменты венчиков древнерусской посуды первой половины XII в., выше — материал, аналогичный заполнению ямы, а также железный нож и пряслице розового шифера с прочерченными на боку двумя крестиками.

На южном краю площадки заложена траншея размером 1 × 6 м, захватившая часть внутреннего склона вала; ее профилировка показала, что культурный слой под вал не заходит.

Древнейшая часть вала состоит из утрамбованного чернозема, в нем найден лишь один фрагмент венчика, который можно отнести к первой половине XII в. Выше помещались две прослойки строительного мусора, отличавшиеся по составу: меньшая, находившаяся ближе к площадке, состояла из чернозема со значительной примесью белой глины и известки, бóльшая, уходящая в массив вала, имела светло-коричневый цвет, глина в ней преобладала, здесь встречено много мелких камешков и мелких фрагментов керамики второй половины XII в.

Обе прослойки перекрыты мощным пластом темно-коричневого суглинка. Внутри последнего отчетливо прослежено угольное пятно размером 22 × 4 см, а над ним — еще одна линза строительных остатков темно-серого цвета с включениями из комковатой глины и обломки (рис. 3).

Культурный слой, прилегающий к валу, насыщен очень слабо; незначительное количество керамики датирует его нижнюю часть первой половиной XII в., а верхнюю — XIII в. Сверху потревоженная часть вала и слоя перекрыта распаханым грунтом и слабым однолетним дерном, содержащими именно эту позднюю керамику.

Таким образом, насколько можно судить по результатам разведочной шурфовки, поселение у с. Гайворон возникло в первой половине XII в. на единовременно построенном укреплении и прекратило свое существование в первой половине XIII в.

Городище у с. Липовое. Это укрепление, расположенное недалеко от хорошо знакомой по литературе курганной группы¹⁰, известно еще по «Книге Большому чертежу»¹¹. В конце XIX в., когда городище было описано В. Г. Ляскоронским, высота вала (от дна рва) насчитывала более 5 м, а от памятника к реке имелись следы двойного ряда свай¹². В 1906 г. здесь проводил небольшие раскопки Н. Е. Макаренко. Свай он не обнаружил, валы к этому времени были срыты владельцем земли, а из находок в сильно перекопанном культурном слое было обнаружено всего «несколько славянских черепков темной глины с волнистым орнаментом»¹³.

То, что ныне осталось от городища, размещается на овальном всхолмлении первой надпойменной террасы в 300 м к северу от окраины села, на территории конторы торфопредприятия. Всхолмление имеет среднюю высоту 1 м над уровнем поймы, вытянуто в широтном направлении и соединено узким перешейком с коренным берегом. Современной дорогой

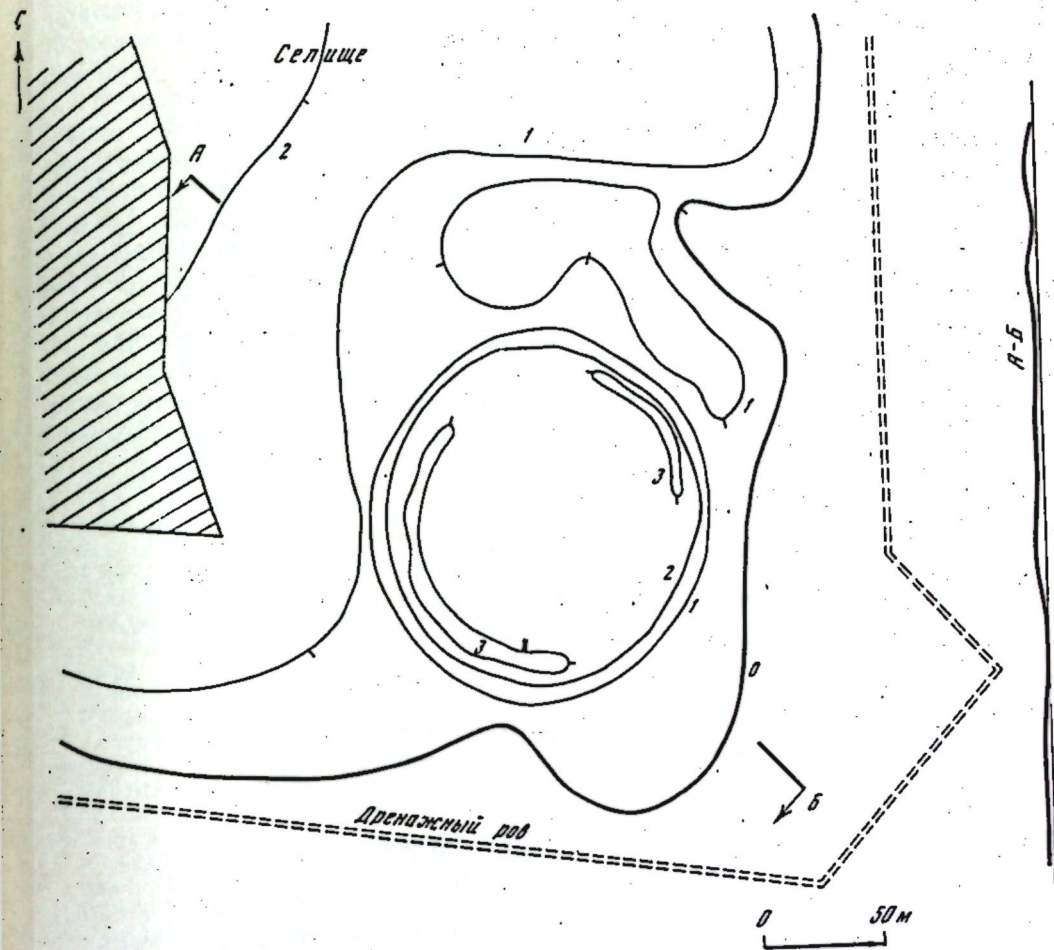

Рис. 2. План городища у с. Гайворон

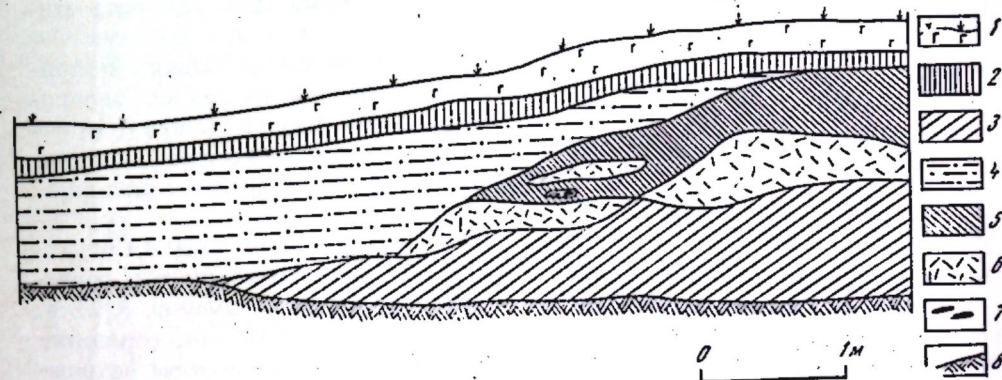

Рис. 3. Разрез внутренней части вала городища у с. Гайворон
1 — дерн; 2 — перепаханный слой; 3 — чернозем; 4 — супесь; 5 — темно-коричневый суглинок; 6 — строительный мусор; 7 — уголь; 8 — материк

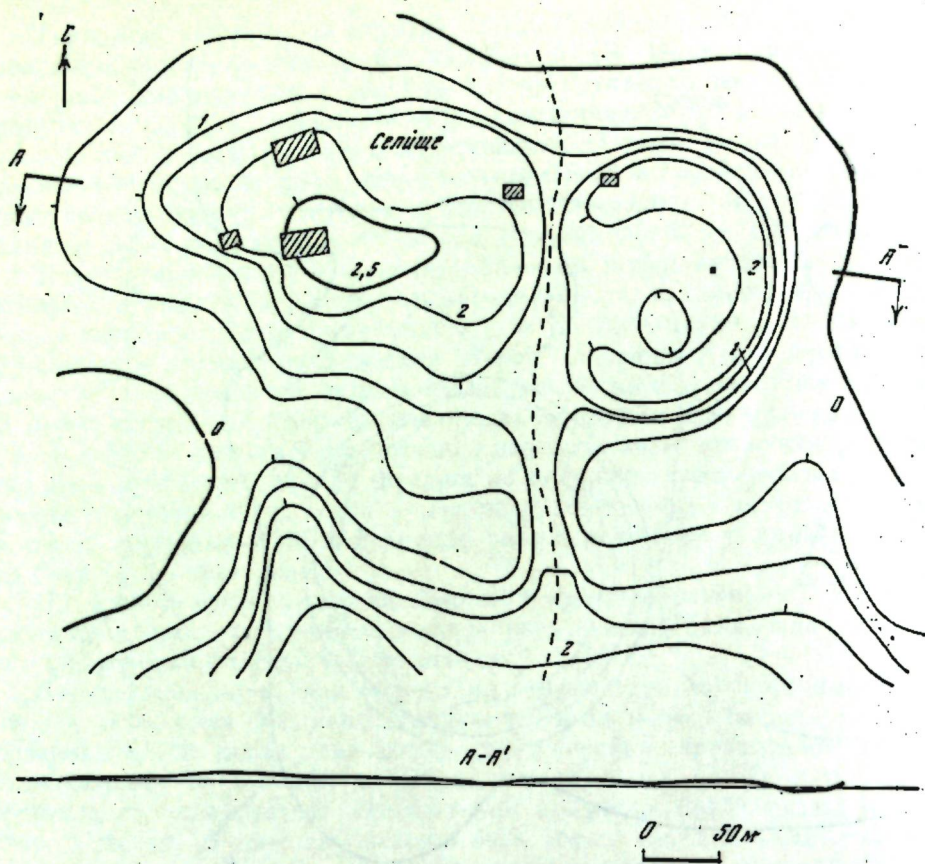

Рис. 4. План городища у с. Липовое

оно делится на две неравные части: западная занята селищем, на меньшей восточной находится городище.

Площадка его имеет почти круглую форму, диаметр ее 90 м; поверхность распадается, в южной части заметно небольшое понижение. С трех сторон она окружена остатками вала высотой 0,5 м (высота его от уровня поймы немного больше 2 м) и шириной от 18 до 27 м. В западной части, примыкающей к селищу, вал уничтожен дорогой. Ров не прослеживается (рис. 4).

Культурный слой, имеющий мощность от 1 до 1,3 м, сильно попорчен поздним строительством. В лучше сохранившихся местах он перекопан до глубины 0,7 м. В нижних, нетронутых слоях встречены вепчики сосудов, которые можно отнести к началу XII в. Керамика второй половины XII—XIII в. попадает только в перемешанных слоях вместе с материалом XVIII—XX вв.

Площадь селища ограничена размерами всхолмления (250×150 м). Толщина культурного слоя достигает 0,5 м; он менее перекопан и гораздо сильнее насыщен керамикой начала XII — первой половины XIII в.

Достоверно определить время возведения укреплений на городище сейчас, видимо, невозможно. Известно, что защищенное болотами всхолмление было заселено в начале XII в. Если валы насыпаны в это время, сравнительно более высокую насыщенность культурного слоя селища можно объяснить тем, что на его месте жили постоянно, а укрепление использовалось в период внешней опасности. Таковы особенности пограничных крепостей.

На нижней Суле ближайшей аналогией этому селищу может служить северное городище у хутора Кизивер. Оборонительные сооружения на нем

приспособлены для длительной обороны и защиты большого количества окрестного населения, число находок незначительно¹⁴. Видимо, гарнизон крепости, состоящий из воинов-профессионалов, был невелик.

В литературе давно поднят вопрос об укреплениях округлой формы. Такие городища не связаны с рельефом местности и имеют некоторые конструктивные и стратегические преимущества. На территории Древней Руси они распространились в XI—XII вв.¹⁵ В исследуемом районе памятник такого рода, относящийся к рубежу XI—XII вв., был известен у с. Мацковцы¹⁶. На северном Кизиверском городище второй строительный период сооружения вала, придавший последнему округлую конфигурацию, относится к началу — середине XII в.¹⁷

Учитывая, что рассматриваемое укрепление относится к типу крепостей пограничных, которые сооружались одновременно, возможно по заранее намеченному плану, можно сделать предположение о постройке сооружений городища у с. Липовое в начале XII в.

¹⁴ Довженко В. П., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньюрське Місто Ваїнь. Київ, 1966, с. 7—14; Довженко В. П. Сторожевые города на юге Киевской Руси.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 38.

¹⁵ Зайцев А. К. Черниговское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 78—80, 95—97.

¹⁶ Ляскоронский В. Г. Г. Л. де Бовлан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901, карта Левобережной Украины.

¹⁷ Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змеевые) валы в бассейне Сулы.— «Труды XI АС», 1901, т. 1, с. 404.

¹⁸ Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, с. 116.

¹⁹ Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии, т. III. Киев, 1902, с. 280.

²⁰ Шафонский А. Историко-статистическое описание Черниговской епархии, кн. 6. Чернигов, 1874, с. 406—408.

²¹ Самоквасов Д. Я. Указ. соч., с. 116.

²² Там же.

²³ Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии.— ОАК, 1906, вып. 22, с. 39—42.

²⁴ Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950, с. 109.

²⁵ Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змеевые) валы в бассейне Сулы, с. 409—410.

²⁶ Макаренко Н. Е. Указ. соч., с. 72, 73.

²⁷ Кучера М. П. Древньюрськi городища біля хутора Кизивер.— «Археологія», 1964, т. XVI, с. 114, 115; он же. Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї.— «Археологія», 1969, т. XXII, с. 183.

²⁸ Раппопорт П. А. Оборонительные сооружения Древней Руси.— «Вопросы истории», 1970, № 11, с. 59, 60.

²⁹ Раппопорт П. А. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века.— КСИИМК, 1954, вып. 54, с. 186.

³⁰ Кучера М. П. Указ. соч., с. 115.

М. К. КАРГЕР

РАСКОПКИ ЦЕРКВИ БОРИСА И ГЛЕБА В НОВОГРУДКЕ

Сохранившаяся до наших дней церковь Бориса и Глеба в Новогрудке на основе архивных документов была выстроена в 1519 г. на средства князя Константина Острожского и митрополита Иосифа Солтана¹. В XVII в. при церкви был основан униатский монастырь, по-видимому, тогда же была разобрана западная стена и пристроена новая западная часть с двумя башнями. В 1875 г. церковь была вновь реконструирована, причём фасад ее обработан в ложнорусском духе, а также срублены щипцы двускатной кровли.

Борисоглебская церковь, расположенная на посаде Новогрудка, представляет один из немногих сохранившихся памятников белорусско-литовской поздней готики. П. А. Раппопорт отмечал несомненные черты сходства между этой церковью и кафедральной церковью в Вильнюсе, сгоревшей в 1530 г. По его же мнению, многие черты новогрудской церкви можно сопоставить с церквями в Супрасльском монастыре и особенно с Мало-Можайковской церковью.

В 1961—1962 гг. Архитектурно-археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Ленинградского университета провела раскопки у северной, южной и восточной стен существующей церкви и обнаружила остатки ранее неизвестного памятника XII в., на руинах которого в начале XVI в. была воздвигнута ныне существующая церковь.

Раскопки были начаты у южной стены пятигранной апсиды церкви XVI в. Стена, как и вся церковь, сложенная в верхней части из кирпича XVI в., оказалась в нижней части сложенной из крупных хорошо отесанных квадров пористого известняка с отдельными прослойками плинфы. Эта каменная стена, сохранившаяся от уровня древнего фундамента церкви на высоту до 1,5 м, служила как бы фундаментом при постройке церкви начала XVI в. На раскрытом раскопками участке этой древней каменной стены церкви отлично сохранились две лопатки с примыкающими к ним мощными полуколоннами слегка уплощенного профиля.

Раскопками у северной стены алтарной части современной церкви также удалось обнаружить древнюю стену из квадров известняка с прослойками плинфы. Как и на южной стене, на северной стене в соответствующем месте тоже были расположены две лопатки со слегка уплощенными полуколоннами (рис. 1 и 2).

Расширение раскопа у южной стены позволило установить, что к югу от древней каменной стены параллельно ей расположена стена, сложенная из плинфы на растворе извести с цемянкой в характерной технике с «утопленным рядом». Эта восточная часть стены под прямым углом поворачивает в направлении к южной стене церкви, примыкая вплотную к крайней восточной лопатке с полуколонной основной стены древней церкви. Юго-восточный угол стены, сложенный из плинф, имел с восточной и южной сторон лопатки с полуколонной, также слегка уплощенного профиля, а западнее на ней же расположена на оси второй лопатки основной стены храма еще одна лопатка с полуколонной (рис. 3).

К западу от этой лопатки стена (из плинф) разрушена и почти не прослеживается.

С северной стороны стена из плинф тянется до северо-западного угла церкви. На этой стене удалось расчистить находящиеся в разной степени сохранности пять лопаток с полуколоннами. Кроме того, две лопатки с полуколоннами отмечены на восточном и западном углах этой стены.

Раскопки с восточной стороны современной церкви с целью поисков апсид храма не увенчались успехом. Стало ясно, что восточную часть древнего храма следует искать внутри существующей церкви.

Раскопками 1961—1962 гг. низ стен храма был открыт далеко не полностью, так как значительная часть его оказалась под церковью XVI в. Дальнейшее раскрытие древнего храма было возможным лишь при условии раскопок внутри существующей церкви. Такими возможностями наша экспедиция в 1962 г. не располагала. Поздней осенью 1964 г. начались работы по переоборудованию здания под архивное хранилище. По моему ходатайству Государственный комитет по строительству при Совете Министров БССР задержал эти работы до лета 1965 г., любезно предоставив мне возможность произвести археологические раскопки внутри здания. К сожалению, это решение состоялось, когда в западной части здания был уже сделан мощный бетонированный пол. Раскопки в южном, северном и среднем нефах церкви XVI в., разрешившие ряд су-

щественных вопросов реконструкции первоначального облика здания XII в., вместе с тем убедили в том, что сохранность древних частей зданий оставляет желать лучшего.

Раскопками удалось обнаружить восточные отрезки южной и северной стен древнего храма с внутренней их стороны. На этих поверхностях открылись по две плоских лопатки, северный и южный порталы древнего храма. Наметить план трех древних апсид храма и четырех крестчатых столбов удалось лишь весьма приблизительно, так как они были обнаружены в крайне неудовлетворительной сохранности, и план этих частей здания является в значительной части реконструкцией (рис. 4 и 5).

В среднем нефе была обнаружена в достаточно хорошей сохранности часть древнего майоликового пола.

Следует упомянуть, что при раскопках восточной части южного притвора храма было собрано большое количество фрагментов фресковой штукатурки XII в. с достаточно большим числом удовлетворительно сохранившихся граффити, судя по палеографическим особенностям, несомненно, относящихся к XII в.

Древняя церковь Бориса и Глеба в Новогрудке, несомненно, относится к XII в., о чем говорят ее план и строительная техника². Несмотря на существенные отличия в строительной технике основного объема четырехстолпного здания и галерей, которые примыкали к нему с трех сторон, обе эти части, судя по характеру лопаток и примыкавших к ним полуколонн несколько уплощенного профиля, разделены, по-видимому, очень небольшим временем (середина — вторая половина XII в.). Техника кладки из плинф на растворе с примесью цемянки с применением так называемого утопленного ряда в течение XII в. была основной для полоцкой земли и характеризует все (без исключения) дошедшие до нас памятники Полоцка XII в.

В этой технике выстроены: раскопанный нами храм-усыпальница в Спасо-Евфросиниевском монастыре, известная церковь Спаса в том же монастыре, все три храма Бельчицкого монастыря — руины большого храма, раскопанного частично И. М. Хозеровым в 1928 г. и вновь нами в 1965 г.; ныне полностью уничтоженные церковь Бориса и Глеба и Пятницкая того же монастыря; руины храма на Верхнем замке, раскопанные нами в 1967 г.

Техника кирпичной кладки «с утопленным рядом» применялась в киевском зодчестве до конца XI или, вернее, самого начала XII в. при постройке церкви Спаса на Берестове и уже в 20—30-х годах XII в. была целиком вытеснена новой техникой, так называемой равностойной кирпичной кладки. Последняя стала характерной для строительства Киевской, Черниговской, Переяславской, Волынской, Смоленской и Рязанской земель XII—XIII столетий. И только полоцкие зодчие неотступно пользовались в течение всего XII в. кирпичной техникой «с утопленным рядом».

Едва ли могут быть какие-либо сомнения в том, что обстройка галереями церкви Бориса и Глеба в Новогрудке, незадолго перед этим выстроенной в совсем другой технике, была выполнена полоцким зодчим.

Кладка основного объема новогрудского храма, как показали вскрытые раскопками 1961—1965 гг. его нижние части, сложенные из достаточно хорошо отесанных квадров пористого известняка с прослойками плинфы, близко повторяет кладку церкви Благовещения в Витебске. Как удалось установить в 1968 г. при тщательном исследовании руин этой древнейшей церкви Витебска, старые исследователи памятника (даже наиболее квалифицированные из них, как, например, Павлинов) были весьма далеки от истины в определении его исторического места, полагая, «что кладка Благовещенской церкви по тождеству своему с другими

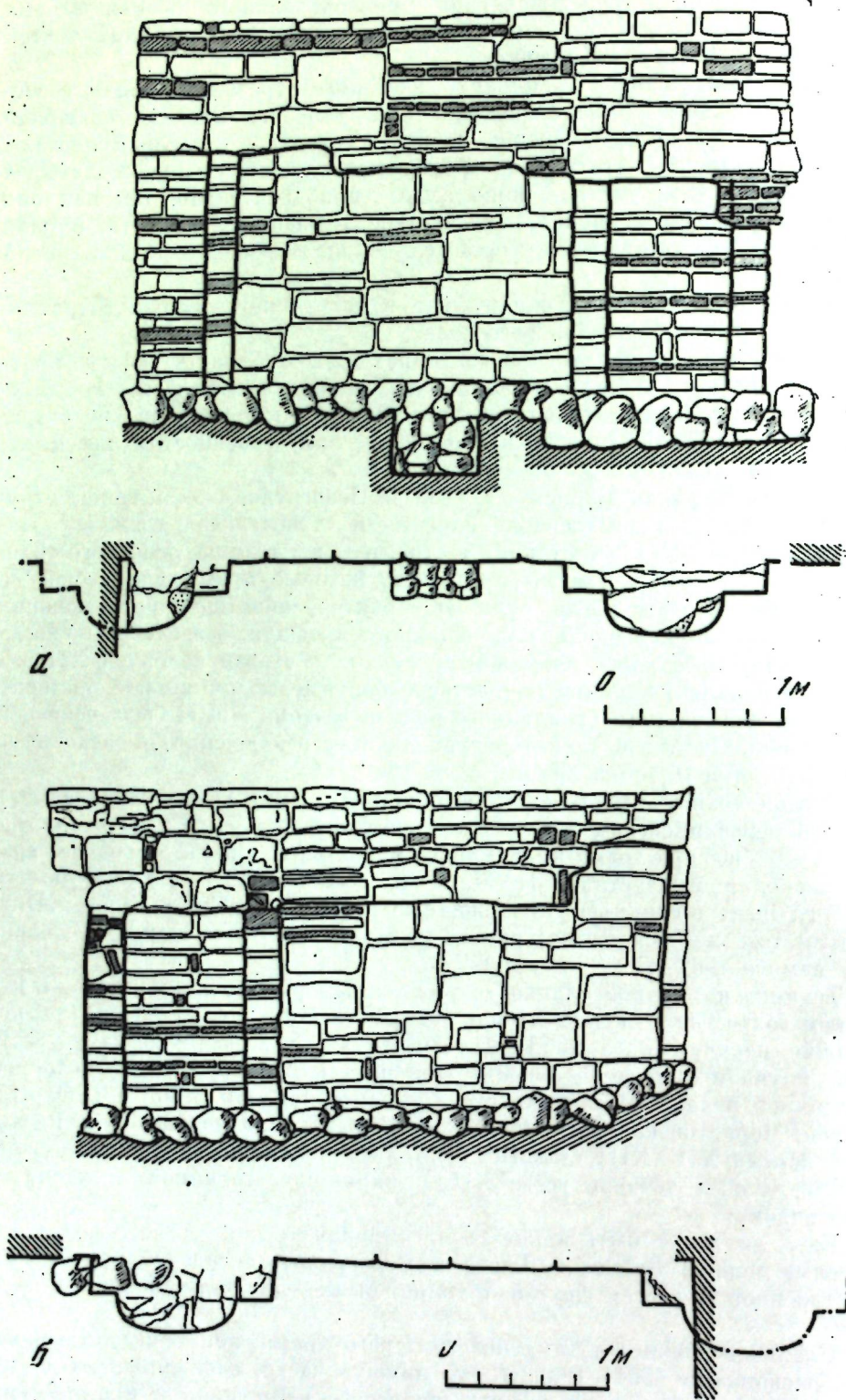

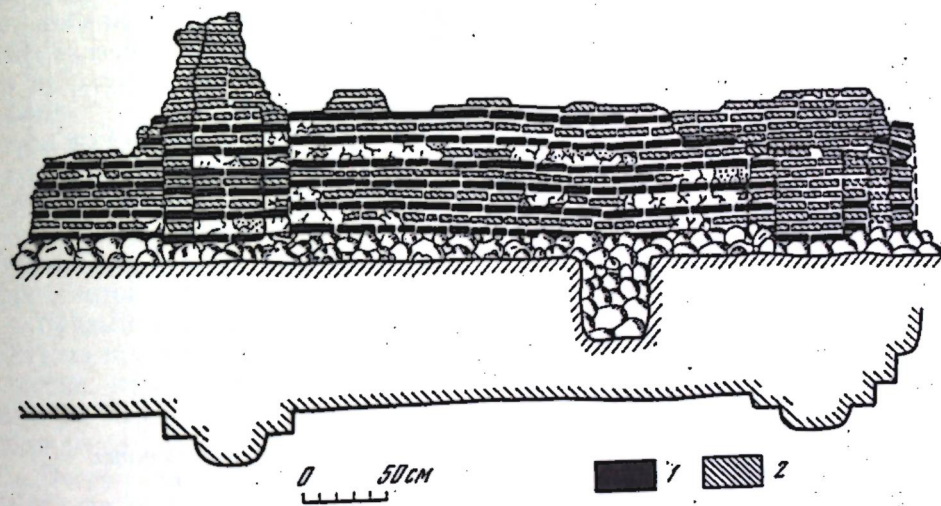
Рис. 1. Кладка стен древнего храма
а — южная стена; б — северная стена

Рис. 2. Северо-восточная лопатка древнего храма

Рис. 3. Южная галерея храма

- 1 — плинфа выступающего ряда;
2 — плинфа утопленного ряда

храмами, например: Софии в Новгородe — постройки XI в., Антониевского монастыря, построенного в самом начале XII в., Юрьевского монастыря в Новгородe тоже XII в., вполне позволяет отнести основание храма не только к XII в., но к XI и даже, может быть, к X в.»³ Соображения о «тождестве» кладки Благовещенской церкви с кладкой Новгородской Софии. (XI в.) и отнесение на этом основании Витебской церкви к XI и даже к X в. было, разумеется, безусловно ошибочным.

Кладка из хорошо отесанных квадров Новгородской церкви, повторяющая кладку церкви Благовещения в Витебске, по-видимому, была занесена в Витебск, а оттуда в Новгород из византийской провинциальной архитектуры, в частности из Крыма, как об этом свидетельствует церковь Иоанна Предтечи в Крыму. Ряды плинфы (от одного до четырех)

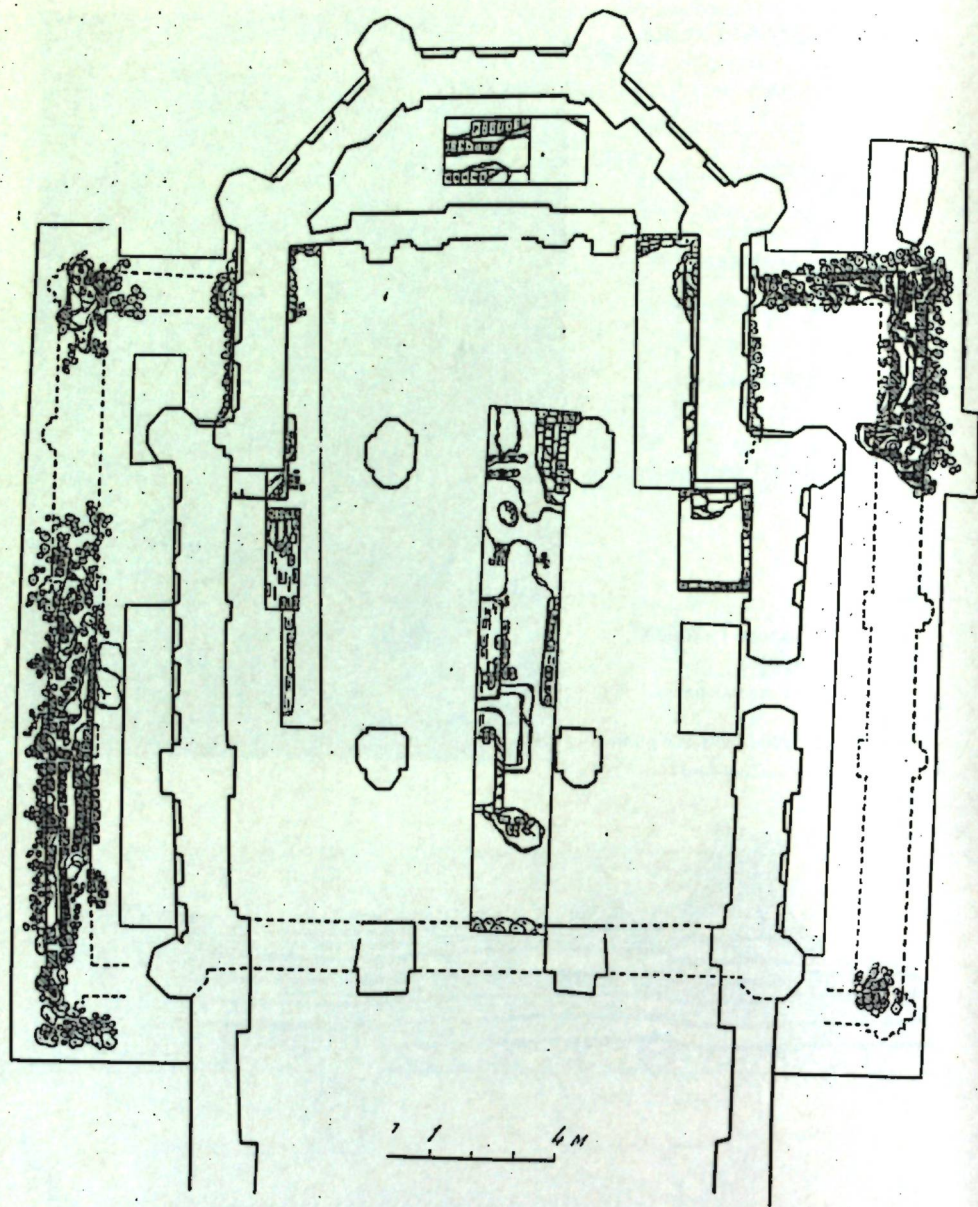

Рис. 4. План раскопанных частей здания

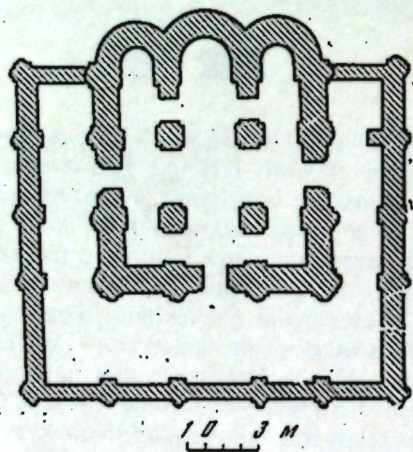

Рис. 5. Схематическая реконструкция плана храма

перемежаются в этом зодчестве с рядами каменной кладки из хорошо отесанных блоков камня (известняка или песчаника). Нередко стены здания при этом бывали оштукатурены и на штукатурку наносилась декоративная разбивка на квадраты¹.

- ¹ Раппорт П. А. Археологические и архитектурные заметки. — КСИА, 1963, вып. 96, с. 35.
² Приводим формат кирпичей: $20 \times 19 \times 4,5$; $22,5 \times 23 \times 5$; $25 \times 17 \times 14$; $25 \times 20 \times 4$; $26,5 \times 20,5 \times 5$; $28 \times 21,5 \times 4,5$; кирпич с одной стороны в виде четверти круга — $28 \times 20 \times 4,5$; кирпич с полукруглым торцом — $29 \times 16 \times 4,5$; ромбовидный кирпич — $30 \times 17 \times 4,5$; кирпич с треугольным торцом — $22 \times 9 \times 4,0$.
³ Павлинов А. М. История русской архитектуры. М., 1894, с. 42.
⁴ См.: Асеев Ю. С. Архитектура западных областей Древней Руси в XII в. — В кн.: Всеобщая история архитектуры. В 12-ти томах, т. 3. Л.— М., 1966, с. 586.

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

ВИЗАНТИЙСКОЕ СТЕКЛО ИЗ РАСКОПОК АНИ

Раскопки средневекового армянского города Ани, проводившиеся под научным руководством Н. Я. Марра в 1892, 1893, 1903, 1916 гг., дали большой материал, изучение которого открыло многие интересные стороны средневековой культуры Армении¹. Были выявлены структура города, особенности его архитектуры, характерные черты быта, намечена картина связей с другими странами Кавказа и Передней Азии. Но несмотря на неоднократные и углубленные исследования этих материалов, позволявшие уже выяснить многие важные вопросы, оказалось возможным через 60 лет после окончания раскопок по-новому рассмотреть некоторые группы предметов, сравнить их с аналогичными предметами из других раскопок, произведенных в последние десятилетия.

В Государственном Историческом музее Армении в Ереване хранится группа стеклянных предметов из Ани, состоящая из двух целых сосудов, фрагментов четырех других сосудов и обломка браслета.

Первый из них представляет собой флакон (высота 12 см, инв. № 123-781) из прозрачного марганцевого цвета стекла, имеющий вытянутое туловище, неустойчивое небольшое дно, высокое горло, перехват у плечиков. Он был найден в 1907 г. в яме одной из парадных комнат Дворцового комплекса цитадели² (рис. 1, 7).

Второй целый сосуд представляет собой чашу-лампаду с узким горлом и сильно расширяющимся верхом (высота 10 см, инв. № 123-516), изготовленную из стекла молочного цвета, украшенную в средней части тремя вдавленными горизонтальными полосками и синими наклепками овальной формы (рис. 2). Такие чаши вставлялись в специальные оправы и подвешивались к люстрам.

Среди фрагментов имеются два от полусферических чаш, украшенных золотом и эмалью. Первая из них (рис. 1, 5), синего стекла, реконструируется по небольшому фрагменту края, в верхней части украшенного золотой полоской и волнистой линией, с подковками в изгибах (диаметр 9 см, инв. № 123-725). Согласно описанию в каталоге Анийского музея, как будто к этой чаше относились еще два фрагмента, на одном из которых имелось изображение плывущего лебедя³. Эти фрагменты не сохранились. Найдены они также в Дворцовом комплексе.

Вторая чаша (рис. 1, 6) была изготовлена из марганцевого стекла. Тулово ее украшали золотые «трехлепестковые кресты византийского

типа» и небольшой крест между ними, выполненный эмалью (диаметр 11 см, инв. № 123-799). Фрагмент найден в храме Гагика.

Два обломка синего стеклянного флакона (рис. 1, 1, 2) также имеют остатки росписи, от которой уцелели два эмалевых трилистника и остатки золотой линии (инв. № 123-818, 819). Заслуживает внимания и обломок цилиндрического стакана из бесцветного стекла с круглой шлифованной фасеткой и остатками росписи золотом и эмалью (рис. 1, 4, инв. № 123-808).

Браслет из Ани, судя по небольшому обломку, был изготовлен из синего стекла (рис. 1, 3) и украшен контурным изображением летящей птицы, выполненной желтой эмалью (инв. № 123-801). Этот фрагмент найден при раскопках улицы у мечети Мануче⁴.

Выделенную нами группу стеклянных изделий XI в. объединяют признаки, характерные для византийских стеклоделательных мастерских: фактура и цвет стекла, мотивы, стиль и техника росписи золотом и эмалью, а также некоторые формы посуды, в частности полусферические чаши.

Несмотря на многочисленные свидетельства письменных источников о высоком уровне византийского стеклоделия, в науке до последнего времени были известны лишь отдельные экземпляры стеклянных изделий, несомненно изготовленных в мастерских обширной Византийской империи. Мастерские по изготовлению стеклянных сосудов с росписью по ним золотом и эмалью были открыты сравнительно недавно. Наиболее крупная из них была раскопана Г. Р. Давидсон в 30-х годах нашего века⁵.

За последние два десятилетия стеклянные византийские изделия были обнаружены при раскопках и изучены в музейных коллекциях также и на территории Советского Союза: в Старой Ладог⁶, Новгороде⁷, Турове⁸, Херсонесе⁹, Двине¹⁰. Особенно интересный набор разнообразных стеклянных византийских сосудов происходит из Новогрудка¹¹. Английский археолог А. Мегау при раскопках греческой крепости Пафосе на Кипре обнаружил стеклянные изделия византийского происхождения, весьма близкие к новогрудским¹².

Таким образом, археологическая наука стала сразу располагать целым набором хорошо документированных стеклянных византийских предметов, о которых ранее судили лишь по одной знаменитой вазе из Константинополя, хранящейся в Соборе св. Марка в Венеции, по нескольким фрагментам из Фустата — в Каирском музее¹³ и по обстоятельному и точному описанию техники изготовления цветных стеклянных сосудов с росписью золотом и эмалью в трактате монаха Теофила, жившего в XI в. Указанные выше археологические и письменные материалы дали возможность бельгийскому ученому Ж. Филиппу написать монографию об истории византийского стекла¹⁴.

Теперь нет нужды доказывать византийское происхождение определенных групп стеклянных изделий XI—XII вв., но публикация новых материалов для установления ареала распространения этих изделий сохраняет интерес. Именно с этой целью и публикуется небольшая коллекция стеклянных изделий из раскопок Ани, имеющих очень близкие аналоги среди византийских стеклянных предметов.

Так, обе полусферические восстановленные по фрагментам чаши (см. рис. 1, 5, 6) близки к таким же чашам из Старой Ладог¹⁵ и Новогрудка¹⁶, а по росписи золотом и эмалью, по стилю крестов и орнамента сопоставляются с украшенным флаконом, выполненным в той же технике и найденным в Новогрудке и на Кипре¹⁷.

С византийским стеклоделанием связываются также чаша-лампада и флакон с высоким горлом. Г. Р. Давидсон убедительно доказала, что характерным признаком коринфских стеклоделательных мастерских были и стеклянные браслеты с росписью эмалью¹⁸, а Э. А. Львова проследила путь их распространения через Черное море на Кавказ¹⁹.

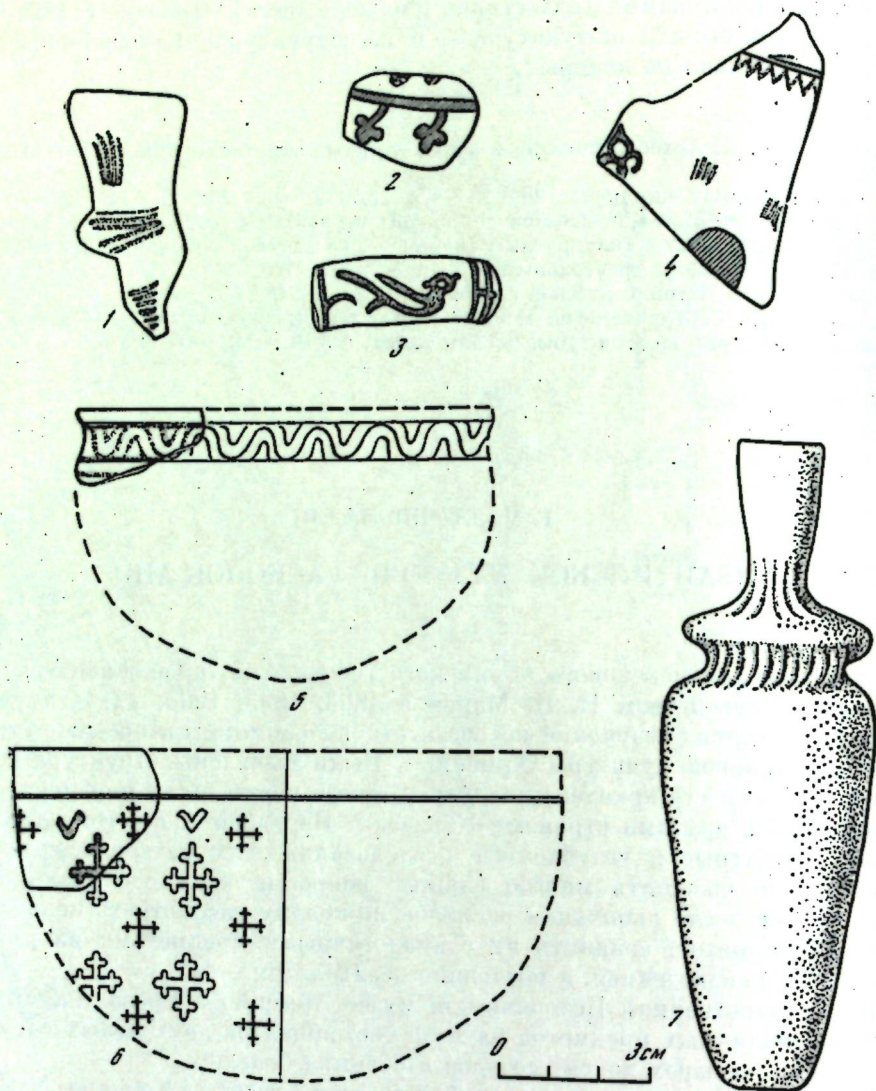

Рис. 1. Стеклянные сосуды и их фрагменты (1—7)

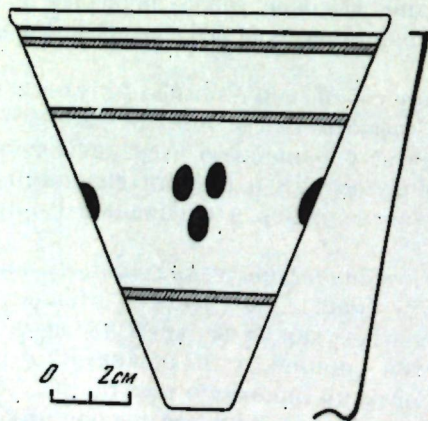

Рис. 2. Стеклянный сосуд

Основная часть отмеченных византийских стеклянных предметов, как видно из краткого обзора, была найдена далеко от места их изготовления, так как эти дорогие и красивые сосуды были предметом широкой торговли, что и объясняет их распространение на большой территории. Однако при внимательном рассмотрении мест их находок оказывается, что они не случайные, а находятся в ареале византийских торговых связей и могут служить иллюстрациями при изучении торговых путей. Таковыми оказываются и арийские предметы.

Армяно-византийские торговые связи имели древнюю традицию и длительную историю и играли важную роль как в экономике Византийской империи, так и для сравнительно небольшой Армении, находившейся на перекрестке торговых путей Запада и Востока²⁰.

В конце IX в. в Передней Азии изменилась политическая обстановка, начался распад некогда могущественного Арабского халифата и возвышения Византии. Ослабление центральной власти Аббасидов создало возможность оживления политической жизни периферийных полузависимых княжеств.

В Армении в это время возвысилось царство, созданное княжеским родом Багратуны. Царь Смбат I (891—914 гг.) хорошо понимал политическое значение дружбы с Византией и вытекающую из этого сотрудничества экономическую выгоду, поэтому одним из первых его актов международного значения было заключение с Византией торгового договора. Этим соглашением восстанавливались торговые связи Запада с Востоком, прерванные в течение двух столетий владычества халифата.

Насколько этот шаг был важен, видно из рассказа католика Иоанна Драхапакертцы, историка X в. Он пишет, что арабский наместник Азербайджана Афшин, сын Саиджа, узнав о договоре, был очень рассержен и, собрав большое войско, хотел даже пойти на армян войной. Царь Смбат через своих послов убеждал не делать этого: «Бессмыслен твой гнев, — писал он, — так как моя дружба с императором халифу принесет лишь пользу. Благодаря сближению с империей армяне смогут преподнести ему и халифу пышные одежды, украшения и утварь. Кроме того, купцам халифата будет открыта дорога в Византию и, таким образом, торговые сношения обогатят халифату казну»²¹.

Согласно договору между армянским царем и византийским императором, новый караванный путь должен был проходить через северные города Армении (Ани, Карс, Арци) к черноморским портам Трапезунду и Синопу. Оттуда один путь вел морем к столице империи — в Константинополь, а другой — на север, в Крым. В конце X в. главное направление торговых связей армянских городов Ани и Двина переключается на Византию. В Армению стали поступать в большом количестве золотые византийские монеты, постепенно оттеснившие серебряные дирхемы.

История денежного обращения в Двине показывает, что даже внутренняя торговля в Армении XI в. велась уже с применением золотых византийских монет, причем все монеты византийского происхождения, обнаруженные в Двине, относятся к константинопольскому чекану²². Тесными связями с Византией в XI в. и объясняется тот факт, что в быту светской и духовной знати г. Ани употреблялась дорогая стеклянная посуда, доставлявшаяся в Закавказье из Византии.

¹ Март Н. Я. Ани. Л., 1934.

² Орбели И. Каталог Анийского музея древностей. СПб., 1910, с. 80; Март Н. Я. Ани, с. 67.

³ Орбели И. Указ. соч., с. 81.

⁴ Там же.

⁵ Davidson G. R. The minor objects.— In: Corinth, v. XII. Princeton — New Jersey, 1952; *cadem.* A Mediaeval Glass-Factory at Corinth.— «American Journal of Archaeology», XLIV (1940), p. 297—324.

⁶ Джанполадян Р. Стеклянная чаша из Старой Ладогги.— СГЭ, 1967, т. XXVIII, с. 49—50.

⁷ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия Новгорода.— МИА, 1963, № 117.

⁸ Полубоярникова М. Д. Стеклянная посуда древнего Турова.— СА, 1963, № 4, с. 235.

⁹ Колесникова Л. Г. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея.— ВВ, № 36.

¹⁰ Джанполадян Р. М. Стеклянный сосуд из Двина.— КСИИМК, 1955, вып. 160, с. 120—124.

¹¹ Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.

¹² Megaw A. H. S. A twelfth century Scent bottle from Cyprus.— «Journal of Glass Studies», 1953, v. 1, p. 60.

¹³ Lamt C. J. Mittelalterliche Gläser und Steinschnitarbeiten aus dem Nahen Osten. Bd II. Berlin, 1930, Taf. 34.

¹⁴ Philippe J. Le monde Byzantin dans L'histoire de la verrerie (V—XVI siècle). Bologna, 1970.

¹⁵ Джанполадян Р. Стеклянная чаша из Старой Ладогги, с. 49—50.

¹⁶ Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 11—12.

¹⁷ Там же, с. 8, табл. II; Megaw A. H. S. Op. cit., p. 60.

¹⁸ Davidson G. R. A Mediaeval..., tab. 112; N 2139, 2144, 2145.

¹⁹ Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75, с. 318—323.

²⁰ Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, с. 203.

²¹ Иоанн Драхапакертцы. История Армении. Тбилиси, 1912, с. 159.

²² Мушеgian X. А. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ереван, 1962, с. 51.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ, К. А. СМЕРНОВ

ЗАМКИ И КЛЮЧИ С ГОРОДИЩА ХЛЕПЕНЬ

В связи с созданием на р. Вазузе гидротехнической системы в этом районе проведено исследование археологических памятников. Среди них представляет интерес городище, расположенное на левом берегу реки, к северу от дер. Хлепень Сычевского р-на Смоленской области. Оно занимает мыс, образованный долиной Вазузы и оврагом. От поля площадка городища отделена рвом и валом. Во время Великой Отечественной войны одна треть ее была уничтожена.

Сохранившаяся часть городища была раскопана. Установлено, что первоначально поселение на этом месте возникло в IX в., о чем можно судить по лепной посуде и украшениям. В XII—XIII вв. на этом месте находилось уже укрепленное поселение, судя по всему феодальная усадьба. Оно погибло в результате пожара, связанного с военной катастрофой. Все постройки поселения сгорели. В слое пожара найдено значительное количество наконечников стрел, среди которых особенно интересны два. Один из них трехлопастный, перо второго имеет тупоугольное окончание. Такие стрелы связываются обычно с татаро-монгольским нашествием¹. Раскопками прослежена планировка поселения в момент гибели. В центре площадки стоял бревенчатый срубный дом с досчатым полом. К востоку от него находился небольшой сруб, по-видимому амбар. В южной части площадки, у самого вала, обнаружены остатки четырех построек с глинобитными полами и глинобитными печами.

На раскопанной площадке и особенно в постройках или около них в большом количестве найдены различные предметы: ножи, орудия сельского хозяйства, предметы конского снаряжения, оружие, предметы быта. Среди находок можно особо отметить коллекцию, состоящую из трех замков и девяти ключей. В числе последних имеется железный ключ от дверного замка-засова, крепившегося на внутренней стороне двери. Это длинный железный стержень с подвижной плоской пластинкой-язычком, закрепленной в раздвоенном конце стержня (рис. 1, 1). При ее помощи

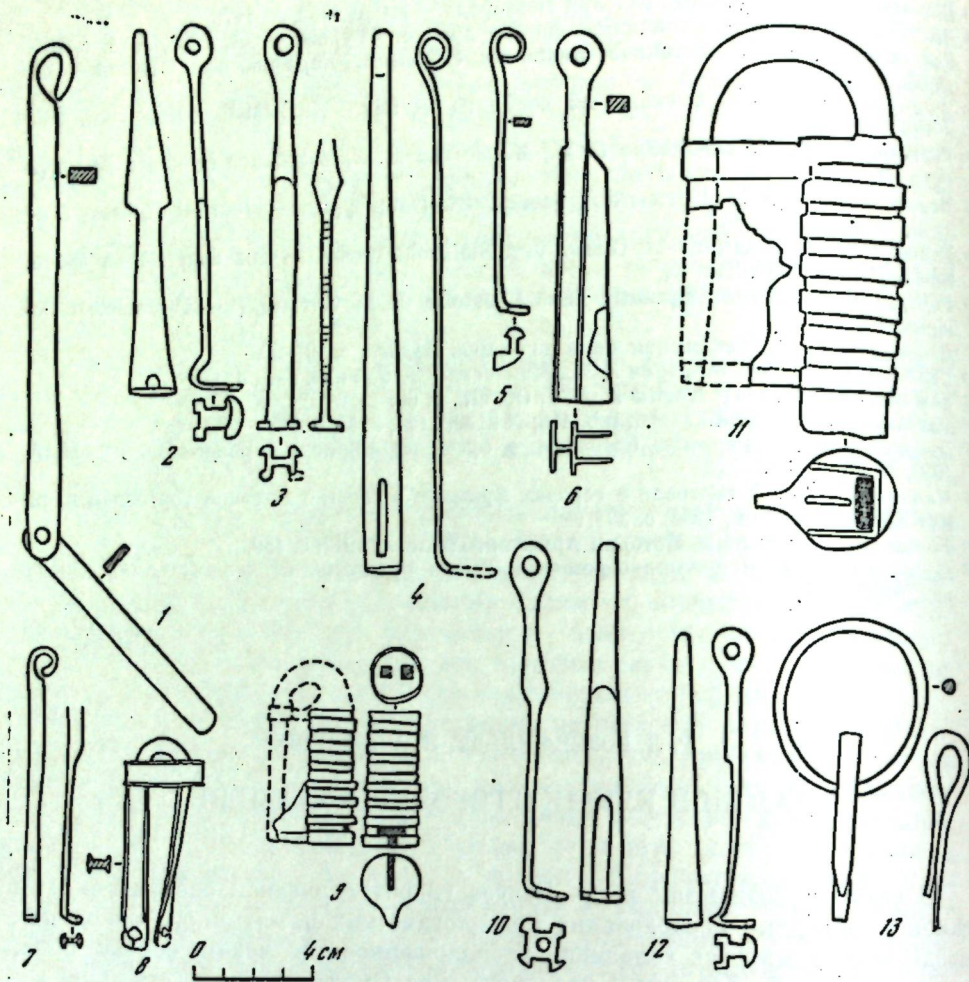

Рис. 1. Замки и ключи с городища Хлепень (1—13)

засов выдвигался из гнезда в дверной раме. При раскопках в Новгороде в слоях XIII—XIV вв. найдены два ключа такой конструкции. Такой же ключ с подвижным язычком обнаружен на городище Старая Рязань, где он датируется серединой XIII в.² Без особых конструктивных изменений замки-засовы этого вида и ключи к ним доживают до XIX в. и хорошо известны по этнографическим данным.

Наиболее популярными на поселении Хлепень были навесные цилиндрические замки со щелевидной замочной скважиной на донце цилиндра. Найдены три ключа от таких замков (рис. 1, 2, 5, 12). По новгородским аналогиям замки этого типа и ключи к ним датируются концом XII — началом XV в.³ Все найденные на городище Хлепень ключи — от крупных навесных дверных замков.

Более совершенной и надежной разновидностью являются подобные замки, у которых щелевидная замочная скважина на донце цилиндра обведена П-образной рамкой с дополнительной планкой, расположенной между основаниями мачт. Такие замки на Руси появились в XIII в. и бытовали до начала XV в. На городище Хлепень найдены один замок (рис. 1, 4, 10). Характерной их особенностью является наличие щелевидной продольной прорези в нижней уплощенной части стержня ключа, которая надевалась на пластинку ограждения замочной скважины.

Еще одну группу составляют два ключа от цилиндрических навесных замков, у которых замочная скважина имела ту же форму, что и сечение нижней части бородки ключа. Один из них от большого дверного замка (рис. 1, 6), другой от навесного замочка сундука или шкатулки (рис. 1, 7). Такие замки на Руси появились, по данным раскопок в Новгороде, с начала XIV в., а судя по находкам их в верхних горизонтах культурных напластований городов, разрушенных татарами-монголами (например, в Изяславле, исследованном М. К. Каргером), несколько раньше — с середины XIII в.

Середины XIII в. датируются и найденный на городище небольшой цилиндрический замочек от сундука с Т-образной прорезью для ключа в нижней части цилиндра (рис. 1, 9) и большой ключ от дверного (?) замка такой же конструкции (рис. 1, 3). Здесь же обнаружено дверное железное кольцо с пробоем (рис. 1, 13). Подобные находки хорошо известны на поселениях конца домонгольского времени.

На городище встречен еще обломок навесного трубчатого замка. Это часть механизма замка с пружинами, пружинными стержнями и ограничителями (рис. 1, 8). Нет никакого сомнения, что находка относится к XII—XIII вв.

Десять из описанных предметов найдены в слое пожара, один замок обнаружен в дерне и еще один — в перекопанном слое.

Таким образом, и типологические и стратиграфические данные позволяют говорить о том, что поселение бытовало в XII — первой половине XIII в. и погибло при пожаре, возможно во время татаро-монгольского нашествия.

Интересно распределение замков и ключей по площадке городища (рис. 2). Все они встречены в южной части поселения, где были расположены четыре постройки с глинобитными полами. Замки и ключи находились или в пределах построек, или рядом с ними. В центре городищенской площадки не найдено ни замков, ни ключей, хотя там стояла крупная постройка. Большое количество находок, сделанных около нее, позволяет считать эту постройку также жилой. Чем же объяснить такое расположение замков и ключей на площадке? По-видимому, одним из возможных объяснений может быть то, что в центральной постройке жил владелец усадьбы или его управляющий. В жилищах, расположенных скученно у вала, вероятно, помещалась челядь. В этих постройках люди пользовались замками.

Рассмотренный материал дает некоторое представление об одной из сторон жизни древнерусской феодальной усадьбы XII—XIII вв.

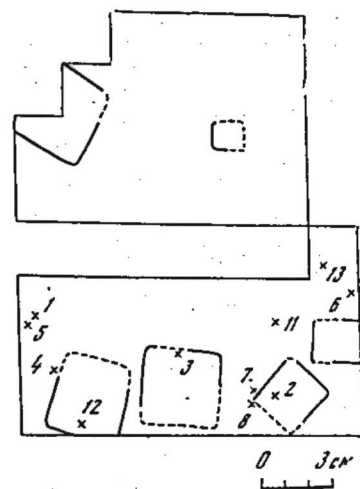

Рис. 2. Расположение находок на исследованном участке городища Хлепень

¹ Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. — СА, 1966, № 2, с. 56, 59.

² Розенфельдт Р. Л. Русские замки домонгольского времени. — КСИА, 1953, вып. XLIX, с. 333, рис. 2, 3.

³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 86, рис. 70.

КЕРАМИКА ГОРОДИЩА КАМНО
ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Городище Камно, находящееся в 8 км к северо-западу от Пскова, хорошо известно в литературе и неоднократно обследовалось археологами. С 1973 г. здесь возобновились стационарные работы (отряд Государственного музея истории Ленинграда, начальник отряда К. М. Плоткин)².

Впервые классификация керамики с этого городища была приведена в оставшейся неопубликованной работе С. А. Таракановой³, позднее типологию уточнил К. М. Плоткин⁴. Данная работа построена на материалах раскопок 1973 г. (вскрытая площадь 120 кв. м, мощность слоя 0,9—1,1 м)⁵. Керамика из раскопок отряда ГМИИ хорошо документирована, увязана со стратиграфией и представляется вполне полноценным источником. Учтены материалы раскопок С. А. Таракановой 1949 г., хранящиеся в фондах Псковского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника⁶. Керамические коллекции из раскопок городища Камно в 1973 г., хранящиеся в фондах ГМИИ, насчитывают 2620 фрагментов (223 венчика), из них 2187 (177) лепленных без гончарного круга и 433 (46) круговых.

Лепная керамика Камно изготовлена из местных серых глин ледникового происхождения. Глиняное тесто содержит большое количество отщипающих примесей, главным образом дресвы. Обжиг костровый, неравномерный, техника изготовления ленточная. По характеру обработки поверхности стенок вся лепная керамика может быть разделена на две большие группы: 1) грубая и 2) подлощенная.

Грубая посуда (98,4%)⁷. Характерным признаком сосудов этой группы является грубая, бугристая поверхность стенок из-за сильно выступающей наружу дресвы. Тесто серо-коричневого, красноватого или желтого цвета, промешано крайне неравномерно. Наружная поверхность стенок сохранила следы сглаживания. Грубая посуда включает две основные формы: горшки и банки.

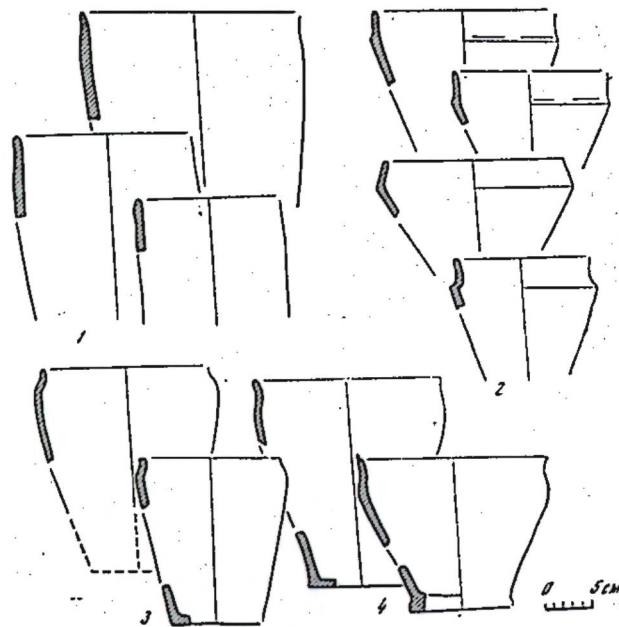
Банки (рис. 1, 1) имеют отвесные, чуть сходящиеся по направлению к дну стенки. Толщина стенок 9—14 мм. Диаметр устья 14—25 см. Венчик почти не выделен, закраина скруглена, реже срезана или утончена.

Горшки (рис. 1, 2—4) имеют слабо моделированные венчики, более или менее отчетливо выделенные плечики и коническую придонную часть. Толщина стенок — 6—15 мм. Диаметр устья — 15—27 см. Высота несколько превышает диаметр устья или равна ему. Закраина венчика скруглена, реже формована горизонтальным или скошенным наружу срезом. Выделяется группа горшковидных сосудов с характерным ребром по плечу (рис. 1, 2), ребро иногда оттянуто и напоминает валикообразный выступ.

Большинство фрагментов грубых сосудов сохранило следы нагара и копоти, поэтому представляется возможным атрибутировать весь комплекс грубой керамики в целом как набор форм кухонной посуды.

Подлощенная посуда (1,6%). Характерными признаками сосудов этой группы являются: равномерно промешанное плотное тесто без видимых на поверхности стенок частиц отщипателя, отсутствие на фрагментах следов нагара и тщательная заглаженность (иногда подлощение) наружной поверхности стенок сосудов. В изломе заметны частицы мелкодробленой дресвы, песок. Сосуды светло-серого, реже красноватого или желтого цвета. Подлощенная посуда включает в основном две формы сосудов: чаши и маломерные горшочки.

Рис. 1. Городище Камно. Слой последней четверти I тысячелетия н. э. Образцы неорнаментированной кухонной посуды, лепленной без гончарного круга
1 — банковидные сосуды; 2 — горшковидные «реберчатые» сосуды; 3, 4 — горшковидные сосуды

Чашы (рис. 2, 3, 4) — низкие округлодонные сосуды. Диаметр их устья 12—19 см, высота в 2—2,5 раза меньше диаметра устья. Закраина, как правило, срезана, реже скруглена. Плечики округлые или формованные ребром. Маломерные горшочки (рис. 2, 2) — сосудики горшковидной формы с диаметром устья менее 13 см. Высота приблизительно равна диаметру устья. Закраина скруглена, реже срезана.

Имеются также два фрагмента подлощенных банкообразных сосудов (рис. 2, 1), у одного под венчиком прокол.

Комплекс подлощенной керамики с достаточной степенью достоверности может быть атрибутирован как набор столовой посуды.

Для лепной керамики Камно не характерны массовые случаи орнаментации сосудов. В кухонной посуде всего четыре орнаментированных фрагмента. На обломках двух сосудов по срезу венчика нанесен орнамент в виде сдвоенных насечек. Один из этих сосудов удалось частично реконструировать графически (рис. 3, 2), по форме он приближается к банковидным. Фрагмент одного горшка сохранил на плечике луновидный налеп (рис. 3, 3)⁸, по плечу другого проходил неширокий горизонтальный желобок (рис. 3, 1)⁹.

На четырех фрагментах подлощенных чаш из раскопок 1949 г. также зафиксированы случаи орнаментации: на двух чашах по плечу и у среза венчика проходили отпечатки шнура (на плечике сдвоенные), на третьей чаше у среза венчика и по плечу были нанесены короткие косые штрихи (см. рис. 2, 4). Небольшая чашечка была украшена нанесенными по плечу в несколько рядов прерывистыми волнистыми желобками.

Круговая керамика Камно формована в технике спирального налепа при помощи ручного гончарного круга. Глиняное тесто содержит в качестве отщипателя частицы мелкой дресвы, крупнозернистый песок. Обжиг печной.

Все фрагменты венчиков и профилированные фрагменты стенок сосудов относятся к горшечным формам. Исключением составляет фрагмент поддона от миски (фрагменты мисок были найдены при раскопках городища в 1949 г., рис. 4, 2). 44 венчика относятся к сосудам с эсвидным профилем (рис. 4, 3), один сосуд имеет на тулове слабо выраженное ребро (рис. 4, 1).

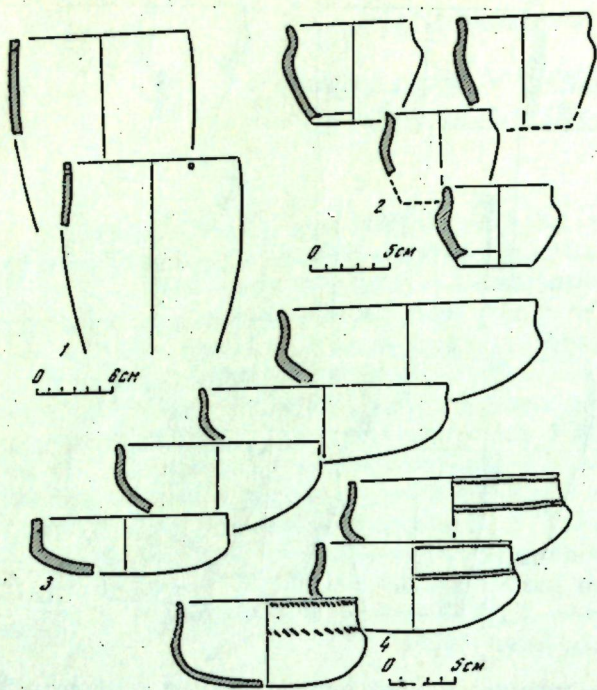
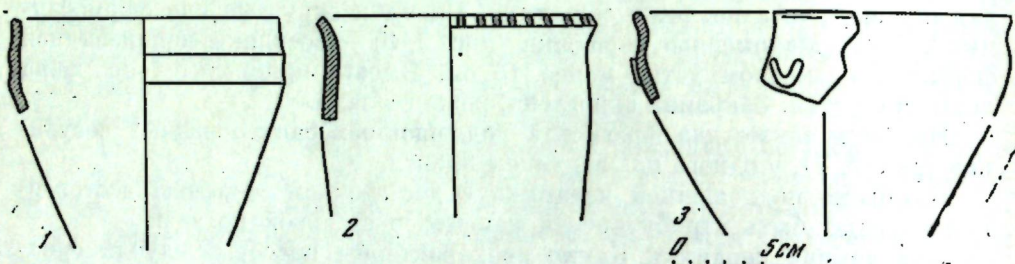

Рис. 2. Городище Камно. Слой последней четверти I тысячелетия н. э. Образцы столовой посуды, лепной без гончарного круга

1 — банковидные сосуды; 2 — маломерные горшочки; 3, 4 — чашки

Рис. 3. Городище Камно. Слой последней четверти I тысячелетия н. э. Образцы орнаментированной кухонной посуды, лепной без гончарного круга

1—3 — горшкови́дные сосуды; 2 — банковидный (?) сосуд

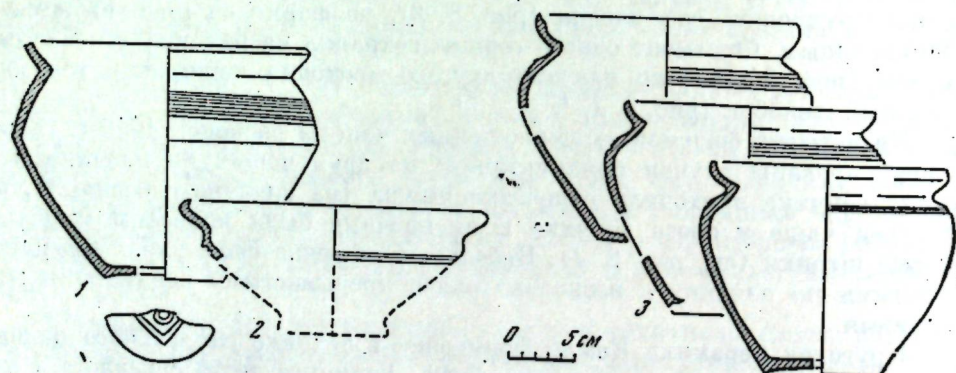

Рис. 4. Городище Камно. Слой XII—XIII вв. Образцы круговой посуды

1 — горшок с биконическим профилем; 2 — миска; 3 — горшки с эсвидным профилем

Набор форм лепной керамики городища Камно в целом находит себе аналогию в керамике с памятников последней четверти I тысячелетия н. э., тяготеющих к бассейну Балтийского моря. Поэтому и рассматривать его следует во взаимосвязи с материалами этого круга древностей: от

Стратиграфия керамических форм городища Камно, раскопки 1973 г.

Пласт	Лепная					Круговая			
	грубая		подлощенная			Горшки		Миски	
	Банки	Горшки	Банки	Маломерные горшки	Чашки	I	II		
Дерн и ямы	—	8				1	1	1	—
I	3	92	3	—	6	2	—	—	—
II	5	37	3	—	6	1	—	—	—
III	1	3	2	1	1	—	—	—	—
Итого . . .	9	140	9	2	14	3	44	1	1

восточной Латвии и юго-восточной Эстонии до Приладожья и Поильмения. Что касается хронологии самого памятника, то по материалам раскопок 1973 г. проследить изменения керамических форм во времени на протяжении последней четверти I тысячелетия н. э. не удалось (стратиграфия керамических форм приведена в таблице)¹⁰, нужно только отметить, что среди керамики древнейшего горизонта чаще встречаются обломки слабо обожженных сосудов, изготовленных из теста, чрезмерно насыщенного отощителем. Кроме того, наибольшее число фрагментов керамики найдено в верхнем горизонте культурного слоя, что свидетельствует о наиболее интенсивной жизни на поселении в последний этап его существования.

Круговая керамика Камно целиком относится ко времени развитого средневековья, многочисленные аналоги, известные среди материалов древнерусских городов северо-запада¹¹, не позволяют датировать ее здесь временем ранее второй половины XII—XIII в.

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора славяно-финской археологии ЛОИА 19 ноября 1974 г.

² Благодарю К. М. Плоткина, предоставившего мне материалы для изучения и публикации.

³ Тараканова С. А. Городище Псковское и Камно. Рукопись.— Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 1859, 1859-а.

⁴ Доклад К. М. Плоткина на заседании группы славяно-русской археологии ЛОИА 15 февраля 1972 г.

⁵ Плоткин К. М. Раскопки городища Камно под Псковом.— АО 1973 г. М., 1974, с. 28.

⁶ Благодарю сотрудницу археологического отдела фондов ПИХАМЗ О. А. Кондратьеву, предоставившую мне возможность ознакомиться с материалами раскопок Камно 1949 г.

⁷ Процент от общего числа учтенных фрагментов лепных сосудов. Округлен до десятых, статистические таблицы выводились с точностью до сотых долей.

⁸ Еще один фрагмент с аналогичным налепом найден в раскопках 1974 г.

⁹ При раскопках городища в 1974 г. были обнаружены также фрагменты кухонных горшков с веревочным орнаментом «ромеского типа» по плечу и закраине венчика; в том же году были найдены фрагменты среднего размера сосуда серого цвета с заглаженной поверхностью и ребровидным выступом по плечу. Под ребром нанесен накольчатый орнамент.

¹⁰ По К. М. Плоткину, культурный слой Камно последней четверти I тысячелетия н. э. разделяется на три хронологически различных этапа: конец VIII в., начало — середина IX в. и вторая половина IX в. с возможным выходом в начало VIII в. Приматериковый горизонт предположительно опускается даже в начало VIII в. (Плоткин К. М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской обл.— КСИА, 1974, вып. 139, с. 13—16).

¹¹ Сошлюсь хотя бы на близлежащие Псков (коллекции хранятся в фондах ОНРК ГЭ и в фондах ПИХАМЗ) и Изборск (коллекции хранятся в фондах Изборского филиала ПИХАМЗ).

ГОРОДИЩЕ РЖЕВА ПУСТАЯ¹

В 1536 г. на литовской границе был построен г. Заволочье² взамен потерявшего военное значение г. Ржевы. «Того же месяца велел князь великий поставить во Ржевском на Литовской рубежи град земляц, а нарек его Заволочье, и двory Ржевские велел перевести»³. Опочецкий историк Л. Травин так писал о причинах замены Ржевы Заволочьем: «Жители Московского государства, усмотря, что город Ржев, построенный близ границ литовских, расположен не в столь удобном и крепком месте, сыскав другое удобнеее место, жителей из Ржевы перевели и построили на самой литовской границе город, который Заволочьем наименовали»⁴.

Когда был основан г. Ржева — неизвестно. Несомненно лишь, что уже к началу XVI в. он был заброшен и назывался Ржевой Пустой. Так, в завещании Ивана III (около 1504 г.) говорится: «Да сына своего Василья благославляю своею отчиною Великим князем Новгородским... да Ржеву Пустую с волостями и с погосты...»⁵.

О точном месте расположения Ржевы у историков не было единого мнения. С. В. Платонов предполагал, что Ржева Пустая стояла на месте дер. Орша, на берегу озера, одноименного с деревней, рядом с г. Новоржевом. Л. Софийский придерживался другой точки зрения и считал, что Ржева Пустая находилась в Бардовском приходе Новоржевского уезда⁶. Он отметил, что в этом районе известна гора Подоржевка, похожая на земляную крепость. В действительности гора эта до настоящего времени называется Ржевой, а Подоржевкой называют деревню, расположенную под горой. На то же место как местоположение древней Ржевы указывает и «Карта пяти новгородских» в книге К. А. Неволина⁷.

Гора Ржева находится на территории Бардовского сельсовета Бежаницкого р-на, близ Бардовского озера, в 4,5 км от дороги Кудеверь — Пустошка. Отсюда расстояние до сменившего Ржеву Заволочья примерно 40 км. С южной стороны горы протекает р. Алоль — правый приток р. Великой, а с севера под самой горой течет небольшой ручей (рис.)

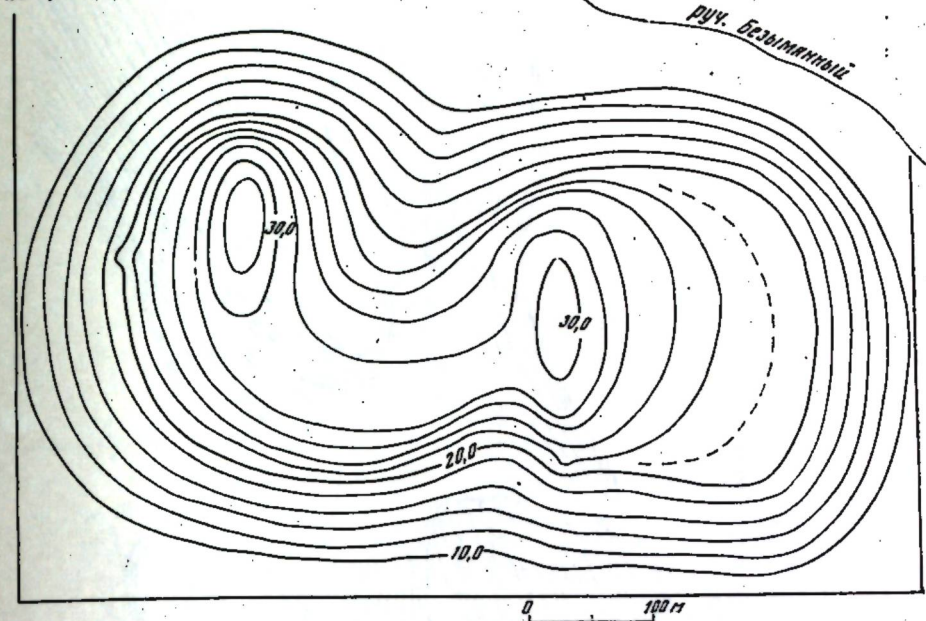
По преданиям, известным местным жителям, гора в древности была укреплена, а на горе в недалеком прошлом стояла часовня. В конце XIX в. на территории дер. Подоржевки были найдены обломок шейной гривны, бронзовая пряжка, бронзовая булавка и пр.⁸

Гора представляет собой высокий естественный холм, вытянутый с востока на запад. Склоны ее крутые, пересечены оврагами и густо заросли лесом. На верхней площадке также растет лес, хотя середина горы безлесна и, кроме того, имеются две чистые площадки — в восточной части горы и в западной. Середина горы холмиста.

Восточная площадка в плане квадратная; ее площадь — около 1 га. Здесь подобраны тигель, шлак, черепки лепной керамики. По определению В. И. Кильдюшевского (ЛЮИА), керамика относится к IX—X вв. На западной площадке подъемного материала не найдено. Здесь имеются остатки фундаментов каких-то деревянных построек, а также следы колодца и большая яма, заполненная водой и заросшая ивняком. Возможно, что на месте этой ямы было небольшое озерко, о котором упоминает Л. Софийский.

Примерная высота горы — 20—25 м. В центре заметны остатки вала. Очевидно, г. Ржева представлял собой крепость, в полной мере использующую защитные свойства рельефа местности и лишь в незначительной степени укрепленную искусственными оборонительными соору-

Подоржевка

Городище Ржева Пустая. Сечение горизонталей через 2 м

жениями. Крепости такого типа были характерны для Псковской земли в XIV—XV вв.⁹

На огородах дер. Пусторжевки найдено много керамики, относящейся к XVI в. Вероятно, основное население г. Ржевы жило на территории современной деревни, т. е. не в крепости, а у ее подножия.

¹ Доклад, прочитанный 9 апреля 1975 г. на славяно-финской секции пленума ЛЮИА АН СССР.

² Васильев М. Е. Городище Заволочье. — КСИА, 1975, вып. 144.

³ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 291.

⁴ Травин Л. Опыт древней истории г. Опочки. Псков, 1879, с. 81.

⁵ Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке. СПб., 1853, с. 207.

⁶ Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912, с. 188.

⁷ Неволин К. А. Указ. соч., карта в приложении.

⁸ «Труды Псковского археологического общества за 1913—1914 гг.», вып. 10, с. 164.

⁹ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.—Л., 1961, с. 79.

О. В. ОВСЯННИКОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЕМЕЦКОМ ГОРОДКЕ XV В.

Археологическое изучение Емецкого городка (Архангельская область, Холмогорский р-н) представляет особый интерес. Емецкое городище — один из немногих средневековых памятников с летописной датой, сох-

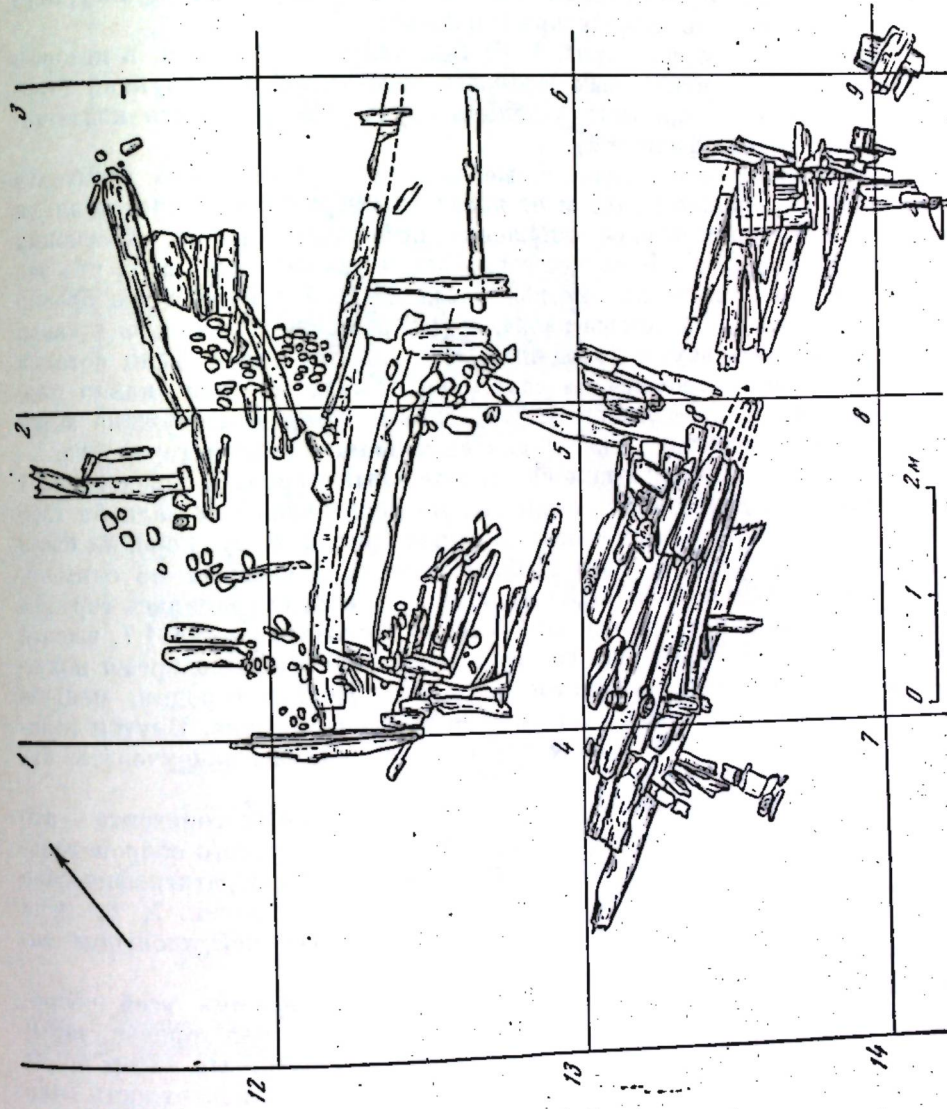
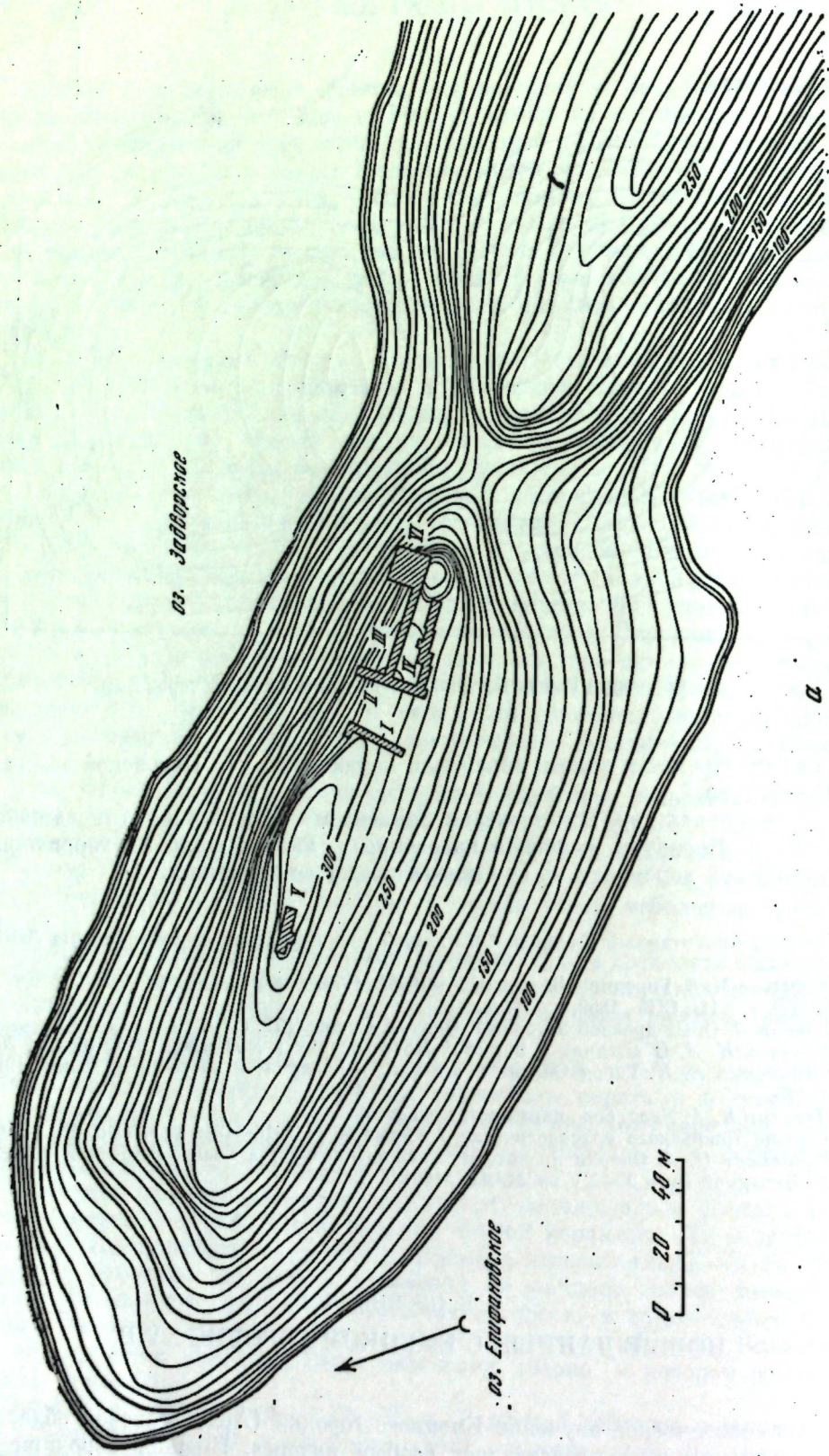

Рис. 1. План Емецкого городка (а) и раскоп VI — оборонительные конструкции вала (верхний и нижний горизонты) (б)

ранившихся на территории Подвinya¹. Впервые археологическое изучение Емецкого городка было предпринято К. И. Рева в 1896 г. (обнаружены остатки углубленных в материк срубных жилищ со следами полов и печей, железные наконечники стрел, копий, фрагмент топора, фрагменты горшков)². К сожалению, сами материалы раскопок не сохранились. В 1959 и 1961 гг. небольшие разведочные работы на городище проводились автором (найжены остатки углубленного в материк срубного жилища и фрагменты деревянных оборонных конструкций в валу)³.

В 1974 г. на Емецком городище проводились охранные археологические раскопки в связи с разрушением памятника карьерами для взятия песка⁴.

Емецкое городище находится в 2,5 км выше устья р. Емцы, впадающей в Северную Двину, в 1,5 км к югу от с. Емецк. Городище занимает северо-западную оконечность высокой гряды, вытянутой между двумя озерами — Елифановским и Задворским (рис. 1, а). С трех сторон оно омывается водой, с четвертой, napольной, отделено от гряды рвом и валом. Площадка городища имеет размер 250 × 30 м.

Основные задачи экспедиции заключались в изучении культурного слоя и оборонительных сооружений городища.

В северной части вала (рис. 1, б) был заложен раскоп 6, в котором обнаружены два строительных горизонта деревянных конструкций (термин «строительный горизонт» в данном случае употребляется исключительно как стратиграфический).

1. Верхний горизонт. Деревянные конструкции верхнего горизонта находились на глубине до 0,5 м от дневной поверхности и представляли собой плотно спрессованное скопление истлевших бревен, лежавших вдоль вала (рис. 2, а). В процессе расчистки удалось выяснить, что это остатки бревенчатой стены, лицевой фасад которой рублен в два бревна (стена сохранилась на четыре венца, но значительно сместилась в связи с оползанием вала внутрь городища). По существу это и были остатки крепостной стены, стоявшей на валу. Они лежали на слое сильно прокаленной (интенсивно-красного цвета) глины, которая послужила хорошим стратиграфическим репером для выделения нижнего горизонта.

2. Нижний горизонт. Нижний строительный горизонт представляет собой остатки срубов-городен, стоявших по продольной оси вала на глубине 0,4 м от прослойки прокаленной глины (рис. 2, б, в). Городни были срублены из толстых деревьев хвойной породы, с которых не снимали кору (диаметр бревен 0,25 — 0,35 м). Лучшей сохранилась городня в кв. 5 (по южному ее фасаду на 2,5 м, по восточному — на 1,7, высота в пять венцов — 0,75 м). Бревна сруба сильно обгорели во время пожара, поэтому сохранились достаточно хорошо. Другие городни, меньше пострадавшие в огне, сохранились в виде древесного тлена. Внутри городен прослеживается слой гари (5—10 см), встречаются законченные булыжники от развала печей.

Есть все основания считать, что два строительных горизонта — это две части (верхняя и нижняя) единовременно построенного оборонительного сооружения, о чем наглядно свидетельствует их стратиграфическое залегание, а также характер развала бревен в квадратах 7, 8, куда упали и части нижних городен, и части стены с верхней площадки вала (рис. 2, в).

Можно реконструировать последовательность возведения всей оборонительной конструкции. Первоначально был срублен ряд городен, затем с приступной стороны насыпан вал из песка (полуметровым слоем песка прикрыли и бревенчатый потолок городен), после чего поверхность вала была покрыта слоем глины. Входы в городни имелись, вероятно, со стороны крепостного двора, а наличие в них развалов печей-каменок может свидетельствовать, что городни могли использоваться и в качестве жилых помещений.

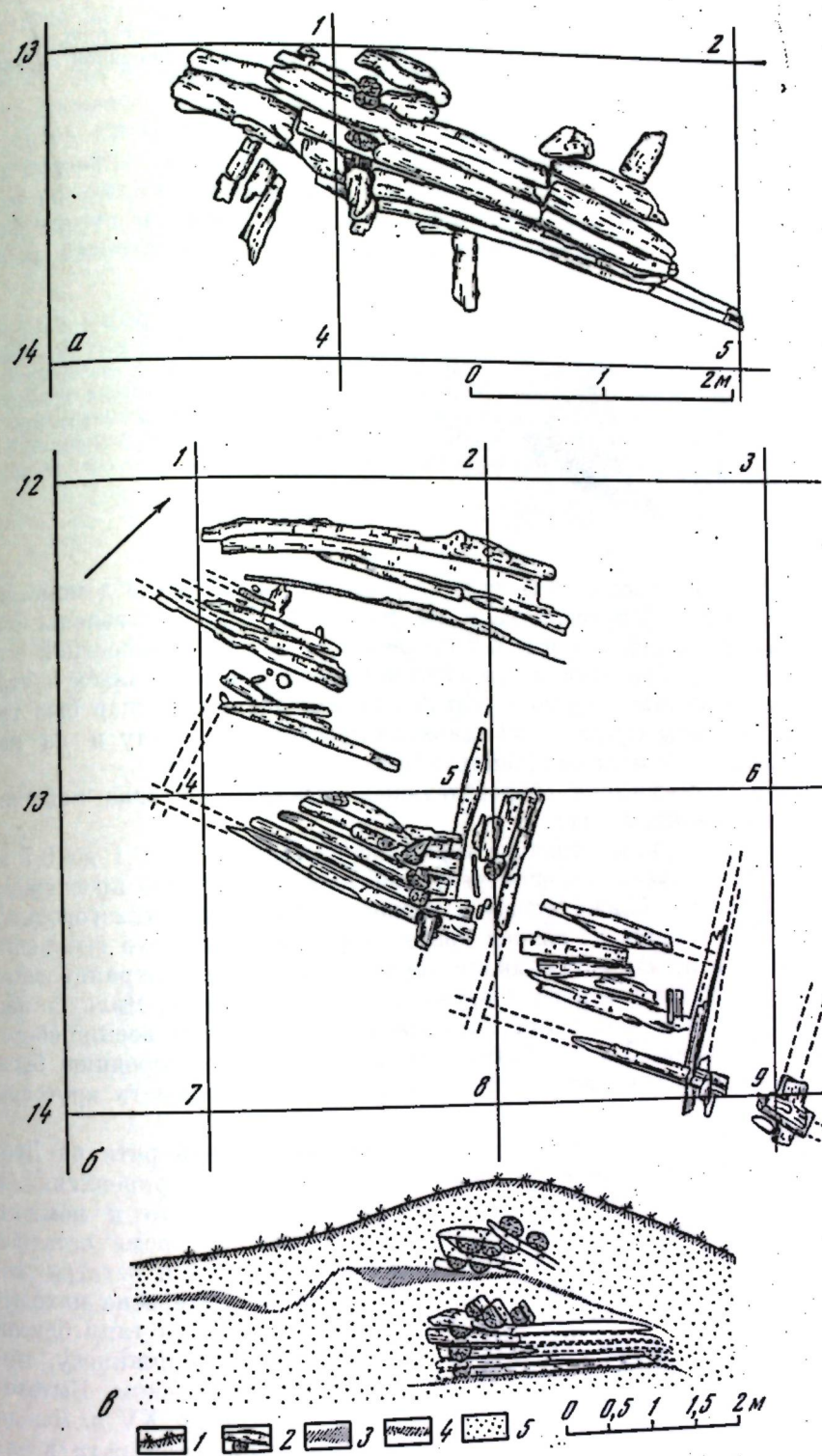

Рис. 2. Раскоп VI — оборонительные конструкции верхнего горизонта (а); оборонительные конструкции нижнего горизонта (б); совмещенный разрез дерево-земляных оборонительных конструкций (в);

1 — дерн; 2 — дерево; 3 — глинистая прослойка; 4 — торфяная прослойка, 5 — материк

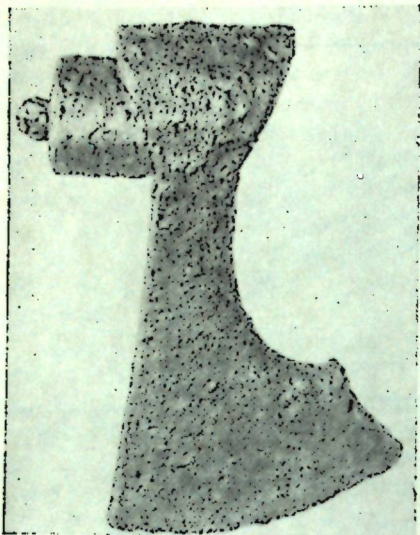

Рис. 3. Железный боевой топорик с защитной оковкой передней части рукоятки

На глинистую прослойку (в разрезе слой глины наглядно демонстрирует первоначальный профиль вала, см. рис. 2, в) были поставлены бревчатые конструкции, которые и являлись по существу крепостной стеной. Во время пожара рухнули перекрытия городен и завалилась внутрь двора крепостная стена, причем развалы их смешались. Пожар был так силен, что докрасна прокалилась глиняная прослойка на валу и на ней остались следы от деревянных конструкций.

Во время исследования оборонительных конструкций вала найдены железные наконечники стрел.

Толщина культурного слоя на городище составляет от 0,1 до 0,7 м, и распределен он очень неравномерно: наибольшая мощность прослежена в восточной части — ближе к валу и южной кромке площадки городища (траншея IV). Именно по южной кромке городища замечено скопление булыжников от печей, наблюдаются фрагменты плохо сохранившейся древесины — остатки каменных сооружений, имевших печи. Являясь жилыми помещениями, они могли выполнять определенную военно-оборонительную функцию. Таким образом, не исключено, что городище было укреплено не только с напольной стороны, т. е. могло иметь круговую оборону.

Городок погиб во время военных действий московской рати на Двине в 1471 г., являясь одним из немногих новгородских укреплений в Нижнем Подвинье². Однако возникнуть укрепление могло и немного раньше событий 1471 г. Культурный слой памятника, кроме остатков построек, содержит довольно много керамики, встречаются остатки железодельного производства (шлаки, куски криц). Интересна находка небольшого железного боевого топора (рис. 3), который по типу близок к древнерусским топорам XII—XIII вв. (по А. Н. Кирпичникову, тип IV-A)³ и для XV в. является явно архаическим пережитком. Бытование в Подвинье боевых топоров подобного типа вплоть до XV в. можно объяснить отставанием в перевооружении местной двинской рати в далекой северо-восточной новгородской провинции.

Уже давно было известно, что Емецкий городок — городище мысового типа, однако в результате раскопок 1974 г. его оборонительные сооружения предстали в более сложном виде, чем это представлялось ранее.

Крепостные сооружения Емецкого городка, пожалуй, единственные пока изученные деревоземляные конструкции второй половины XV в. на территории северной части Русского Поморья. Оказывается, что русские

фортификаторы того времени еще широко использовали достижение крепостного строительства домонгольского времени (городни внутри и по верху вала). Однако с появлением огнестрельного оружия связано усиление (рубка в два бревна) фасада крепостной стены, обращенного «в поле». Раскопки дали возможность уточнить и социально-экономическую характеристику этого укрепленного поселения. Емецкий городок во второй половине XV в. был не только крепостью-убежищем для окрестного населения, но и военно-административным центром большой сельской округи и имел (пусть небольшое) постоянное население, являя собой зародыш городской жизни в этой части Подвинья.

¹ ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 94.

² ОАК за 1896 г. СПб., 1896, с. 90—94.

³ Овсянников О. В. Емецкий городок. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 135—138.

⁴ Работы велись экспедицией, созданной ЛОИА АН СССР и Архангельским Областным отделением ВООПИИК при участии института ЛГУ им. А. А. Жданова.

⁵ Летописный свод 1497 г. 6979 (1471) г. — ПСРЛ, т. 28. М., 1963.

⁶ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2. — САИ, 1966, ЕИ-36, с. 37.

ХРОНИКА

Г. К. ВАГНЕР

А. Васи́лев, Т. Си́ляновска-Новикова,
Н. Труфешев, И. Любенова.КАМЕННА ПЛАСТИКА.
СОФИЯ, 1973, 140 с., 337 илл.

Институт искусствознания Болгарской академии наук предпринял фундаментальный труд — 14-томное издание «Болгарского художественного наследия», под которым понимается народное искусство, включающее каменную пластику, бытовую утварь, ткани и костюм, деревянную резьбу, гончарство, кованое железо, ювелирное дело и пр.

Рецензируемая книга — первый том этого издания, охватывающий каменную пластику от основания Болгарского государства до эпохи Болгарского Возрождения (XVIII—XIX вв.) включительно. Хотя ни в редакционном, ни в авторском предисловии не говорится, почему первый том «Болгарского художественного наследия» посвящен именно каменной пластике, мы понимаем, что это обусловлено спецификой ее функционирования в средневековом мире. В архитектурной пластике более чем в каком-либо ином виде народного искусства воплотились общепризнанные представления, поскольку любая постройка, от частного жилища до дворца или храма, мыслилась как некий образ мира¹. И ни один из видов народного творчества не мог бы ввести нас так полно в жизнь, в общественный и государственный быт народа, как архитектурная пластика. Сказанное относится и к болгарской каменной пластике, несмотря на то что от нее сохранились лишь археологические фрагменты, зачастую оторванные от первоначального места в архитектуре. Такова содержательность и художественная яркость этих фрагментов.

Есть еще одно обстоятельство, выдвигающее средневековую архитектурную (прежде всего каменную) пластику на первый план. Вместе с архитектурой, с которой пластика связывалась самым непосредственным образом, она находилась у истоков «национальных»² художественных культур, формирующихся в недрах средневековья. Этот процесс изучен еще слабо в силу гипотетического действия на исследователей романского стиля. Очень многие исследователи средневекового искусства и культуры считают романский стиль общесредневековым, т. е. межнациональным. Романским стилем нередко определяют, например, армянскую и грузинскую скульптуру, фасадную пластику Владимиро-Суздальской Руси и пр. Конечно, какие-то общесредневековые черты в этих скульптурах есть, но не романские же! Если уж говорить о сходстве, то это было сходство местных народных попыток выразить свой собственный пластический идеал, противопоставляемый византийской экспансии. Болгарская камен-

ная пластика в этом отношении представляет особый интерес, поскольку Болгария соседствовала с Византией и с 1018 по 1185 г. находилась под ее владычеством.

Болгарской каменной пластикой интересовались многие крупные ученые — Б. Филов³, Н. Кондаков⁴, Н. Мавродинов⁵ и др. В настоящее время в лице авторов рецензируемого тома «Болгарского художественного наследия» мы имеем наиболее активных представителей той части ученых, которая занимается этим вопросом. Особенно следует выделить Т. Силяновску-Новикову, перу которой неслучайно принадлежат предисловие к тому, вводная часть раздела «Историческое развитие болгарской каменной пластики» и раздел о каменной пластике Второго болгарского государства. Т. Силяновска-Новикова неоднократно приезжала в Петру, справедливо видя в ней «ближайшего родственника» болгарской каменной пластики. Стремление изучать болгарскую скульптуру комплексно, в единстве со всей славянской пластикой и в тесных взаимоотношениях с окружающим художественным миром, отличает основную методологическую установку болгарской исследовательницы, базирующуюся на марксистском понимании исторического процесса⁶.

В предисловии к тому Т. Силяновска-Новикова дает историко-материалистическую периодизацию всего материала, соотнося его с тремя периодами феодализма: ранним, развитым и поздним. В соответствии с этим и рассматривается каменная пластика Первого болгарского царства, Второго болгарского царства и эпохи Болгарского Возрождения. Далее Т. Силяновска-Новикова отмечает органическую связь каменной пластики с монументальной архитектурой и вместе с тем ее глубоко семантический (а не просто декоративный) характер, обусловленный насыщенностью средневекового народного мировоззрения мифологическими, мифопоэтическими, символическими и другими сказательными образами. Особое внимание уделяется скульптуре Первого болгарского царства, предопределенной как национальное своеобразие всей болгарской каменной пластики, так и возможность ее сохранения в условиях византийского господства, османского ига и последующее Возрождение.

В написанном Н. Труфешевым разделе о скульптуре Первого болгарского царства эти положения развиваются на конкретном материале. Каменная пластика этого времени рассматривается в двух основных направлениях: византийском и самобытном. Материал распределен по тематическим группам, которые можно было бы назвать жанрами, тем более что в ряде мест автор сам употребляет понятие жанра. Например, он говорит о жанре круглой зооморфной пластики. Изображение человека рассматривается в двух направлениях: статуарно-ператическом (идолообразные фигуры) и историко-повествовательном (Мадарский всадник). Эти разновидности тоже можно назвать жанрами. Существенно, однако, то, что автор устанавливает развитие у болгарских мастеров интереса к круглой скульптуре задолго до того, как он разовьется в романском искусстве. Интересно также, что у истоков болгарской каменной пластики находились одновременно и статуарные и монументально-барельефные образы. Нечто похожее, но, по-видимому, несколько раньше наблюдалось в скульптуре Приднестровья, где известны и идолы, и монументальные наскальные рельефы. Возникает мысль, не является ли болгарская пластика продолжением этого этапа. И еще — не является ли этот этап исходным и для восточнославянской скульптуры.

Анализируя жанр круглой зооморфной пластики, Н. Труфешев отмечает, что она выполнялась в разных масштабах, т. е. применялась как в экстерьере, так и в интерьере зданий. Очень интересна та часть главы, где рассматриваются стилистические особенности каменной пластики Первого болгарского царства. Автор видит их в своеобразном соединении восточных, фракийских и собственно болгарских художественных тради-

ций, давшем яркий самобытный стиль, кое в чем напоминающий сарматское искусство (например, применение инкрустации): Сила этого раннего болгарского стиля была такова, что его не смогло заглушить ни византийское владычество, ни турецкое иго. К сожалению, автор не дает определения этого стиля. Это пужно вовсе не из поменклатурных соображений, а хотя бы для того, чтобы оградить самобытный болгарский стиль от зачисления его в романский. Вряд ли следует называть его раннеболгарским по аналогии с неудачно примененным мною названием «ранний владими́ро-суздальский стиль»⁷. Но назвать его «стилем раннефеодалного монументализма», вероятно, можно. Впрочем, можно пойти и более точное название, учитывающее болгарскую специфику. Средневековый универсализм все же имел свои границы.

Второй раздел книги, написанный Т. Силяновской-Новиковой, посвящен каменной пластике Второго болгарского царства. Синтез скульптуры и архитектуры продолжался и в это время, но он уже не носил прежнего монументального характера. Как это было и в Древней Руси, с феодальным дроблением страны мельчают масштабы архитектуры, мельчает вслед за ней и каменная пластика. Но это было скорее количественное изменение, нежели качественное. В архитектурном декоре сохраняется интерес к многоцветию, а также к своеобразному «народному реализму» образов, в которых на первом месте находится не индивидуальное, а надындивидуальное. Теперь эта особенность действительно совпадает с романским стилем, и влияние последнего на болгарскую каменную пластику автор признает. Но она совпадает также и с владими́ро-суздальской скульптурой. Хорошо зная эту скульптуру, Т. Силяновская-Новикова не злоупотребляет ни сравнениями, ни генетическими построениями. Она очень точна в своих сопоставлениях, сравнивая, например, болгарские рельефы Петра и Павла (находящиеся в Государственном Эрмитаже) с фасадными скульптурами Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Это сходство правильно расценивается ею как выражение одной и той же ступени в развитии восточноевропейской пластики по пути к самостоятельности.

Здесь, пожалуй, высказывания можно было бы и расширить. Например, черниговские рельефы с фантастическими зооморфными мотивами вряд ли можно понять без учета того, что тератологические образы уже с XII в. проникали из Болгарии на Русь⁸. Романско-болгарскими чертами отличается резная (из белого камня) мужская голова, найденная еще в XIX в. в Старой Рязани⁹. Ее можно сравнить с головой святого из г. Червен (табл. 89 рецензируемого тома).

Важно наблюдение Т. Силяновской-Новиковой, что сокращение масштабов скульптуры отнюдь не ведет к измельчанию образов. Наоборот, уменьшившись в масштабе, пластика становится более живописной. Она выходит на фасады не только в роли идейного информатора, но и как равноправный художественный компонент в создании образа. Впрочем, в это время создаются и достаточно монументальные скульптуры, по-прежнему в области «львиной тематики», выполнявшей, видимо, важную функцию в стабилизации героического мировоззрения. Показательно развитие в это время геральдических антитетических композиций, уходящих корнями в народную эстетику, но вместе с тем отражающих интерес к феодальной эмблематике. По словам Т. Силяновской-Новиковой, жизненность, экспрессивность, фантастика и фольклор по-разному сочетаются в пластике Второго болгарского царства, образуя разные стилистические направления. К сожалению, общий стиль и этой эпохи остался вне определения.

Последний раздел тома посвящен каменной пластике эпохи Болгарского Возрождения (авторы А. Васи́лев и И. Любенова). Поскольку образы средневековой болгарской пластики играли чрезвычайно большую роль в народном искусстве XVIII—XIX вв., то перед нами как бы снова проходит вся болгарская каменная пластика, от ранних символиче-

ских изображений (львы, птицы, драконы и пр.) до портретной скульптуры. Надо отдать должное авторам раздела — они собрали огромный художественный и этнографический материал, свидетельствующий об удивительной живучести в народном сознании любимых пластических образов. Конечно, семантика их обновлялась, новая символика наслаивалась на старую. В раскрытии этой семантики авторы проявили большие познания¹⁰ в различных областях народной культуры. Очень ценны их наблюдения над семантикой портретных рельефов. Очень ценны их так не проявился героический дух Болгарского Возрождения, как в образах конных героев-змееборцев. Образы Георгия-змееборца, Дмитрия Солунского, Федора Тирона и других поражают не только своей популярностью, но и стилистическим сходством со своими средневековыми образами. Ряд представленных в книге произведений (табл. 174, 175) очень близок, например, грузинским фасадным рельефам¹¹, хотя их разделяет примерно семь-восемь веков! Замечательное свидетельство устойчивости народного героического идеала!

В заключение хотелось бы сказать, что болгарская каменная пластика — это голос народа, направленный против «голового функционализма» в архитектуре. Применение каменной пластики в новой болгарской архитектуре, причем применение широко народное, — лучший аргумент в пользу жизненной органичности этого явления, которое надлежит всячески поддерживать и развивать, чтобы сделать современную архитектуру истинно человеческой.

¹ «Дом — это образ обжитого и упорядоченного мира, огражденного стенами от безбрежных пространств хаоса» (Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 34).

² Слово «национальное» мы берем в кавычки потому, что понятие нации в это время еще не сложилось, речь может идти только о народности. Говоря о национальности, мы имеем в виду народность.

³ Филов Б. Старобългарското изкуство. София, 1924.

⁴ Кондаков И. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.

⁵ Мауродинов И. Старобългарското изкуство. София, 1959.

⁶ Силяновская-Новикова Т. Нови данни за развитието на скулптурата в България през епохата на феодализма (XII—XIV в.). — «Известия на Института за изкуствознание» (София), 1963, т. VI.

⁷ Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М., 1969, с. 189.

⁸ Щепкина М. В. Тератологический орнамент. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга, сб. второй. М., 1974, с. 224.

⁹ Монгайт А. Л. Рязанская скульптура. — КСИИМК, 1947, вып. XVIII, рис. 22.

¹⁰ Авторы считают, что в средневековом искусстве не определено символическое значение образа слона (с. 122). Отсылаем их к работе: Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, с. 125—126.

¹¹ Аладашвили И. Рельефы Никорцминда. Тбилиси, 1957, табл. 5, 7.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

О ЗАДАЧАХ И РАБОТЕ СЕКТОРА СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР В 1974—1975 ГГ.

В апреле 1974 г. в составе Ленинградского отделения Института археологии АН СССР на основе группы славяно-русской археологии образован Сектор славяно-финской археологии. Создание нового научного подразделения было продиктовано расширением археологических исследований на северо-западе СССР, их растущей результативностью, необходи-

мостью организационного оформления научных усилий в области изучения истории финно-угорских и славянских племен на территории Восточной Европы, а также заботой о подготовке научных кадров.

Научные интересы нового сектора охватывают широкий круг археологических проблем, при этом сохранены сложившиеся научные программы, представленные, например, трудами таких ученых, как П. Н. Третьяков, М. К. Каргер, П. А. Раппопорт, Ф. Д. Гуревич.

Задачи и цели работы сектора были конституированы и закреплены в одобренном дирекцией ЛОИА и ИА АН СССР решении от 20 мая 1974 г.

«1. Считать главнейшими основными актуальными направлениями: 1) история славян, 2) история культуры Древней Руси, 3) раннесредневековая история финно-угорских племен и их связи со славянами. В рамках этих направлений разрабатываются следующие фундаментальные проблемы:

а) этногенез славян и образование древнерусской народности; славяне, финно-угры и балты в I тысячелетии н. э.;

б) Северная Русь и ее соседи; славянская колонизация и русско-финские связи в VIII—XIV вв.;

в) история средневековых русских городов Ладоги, Пскова, Новогрудка, городов-крепостей Новгородской, Псковской и Смоленской земель, городов Западной Руси и Архангельского Севера;

г) монументальное зодчество Древней Руси; архитектурные памятники земель Новгородской, Псковской, Смоленской, Полоцкой и Черной Руси;

д) древнерусское жилище;

е) военное дело средневековой Руси, включая вооружение, тактику боя, оборонительные сооружения;

з) древнерусская керамика.

2. В связи с расширением и активизацией изучения археологии Северной Руси и ее соседей просить администрацию ЛОИА и дирекцию ИА об укреплении сектора через аспирантуру новыми специалистами по темам, связанным с археологией северо-запада РСФСР. Просить руководство ЛОИА в целях преемственности работы и омоложения коллектива предусмотреть в ближайшие годы пополнение сектора через аспирантуру новыми кадрами по тематике, указанной в пункте 1.

3. Считать необходимым проведение в ЛОИА координационной встречи представителей археологических учреждений Москвы, Ленинграда, Эстонии, Латвии, Литвы, Карельской и Коми АССР для выработки долгосрочной программы изучения средневековых древностей Северной Руси и ее соседей. Целесообразно привлечь в такой встрече археологов Финляндии. Просить руководство ЛОИА и ИА АН СССР способствовать проведению этого совещания.

4. Считать целесообразным организацию и проведение укрупненных многоотрядных археологических экспедиций. Просить администрацию ЛОИА помочь таким экспедициям, и в первую очередь Староладожской, в подыскании помещения и укреплении кадрами.

5. Считать желательным обмен специалистами с Финляндией и Швецией для участия в совместных экспедициях (со стороны ЛОИА предлагается участие в раскопках Карелы и Ладоги). Просить руководство ЛОИА и ИА способствовать такому начинанию.

6. По согласованию с администрацией ЛОИА просит кафедру археологии истфака ЛГУ о подготовке в ближайшие годы молодых специалистов по темам, названным в пункте 1 настоящего решения, с последующим выдвижением и приемом их в аспирантуру сектора».

В заключение резолюция констатирует, что в отношении большинства упомянутых выше проблем и поставленных научных целей новоорганизованный сектор является ведущим научным коллективом, имеющим все возможности для организации и расширения своей работы.

Изложенная программа успешно выполняется. Прежде всего существенно омолодился состав сектора. В момент образования в его составе насчитывалось 9 научных сотрудников, 1 научный консультант, 2 аспиранта. Год спустя в секторе уже работало 4 старших научных сотрудника, 6 младших научных сотрудников, 2 научных консультанта и 3 аспиранта.

Соответственно трем основным направлениям деятельности сектора образованы три исследовательские группы под руководством П. Н. Третьякова, П. А. Раппорта и А. Н. Кирпичникова.

Первая группа занимается вопросами истории славян. П. Н. Третьяков занят созданием «Очерков древней культуры восточных славян» (1972—1977 гг. — здесь и далее сроки запланированной работы). Е. А. Горюнов в 1975 г. закончил работу «Днепровское левобережье в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.», которая представлена им в качестве кандидатской диссертации. Особо отметим открытие Е. А. Горюновым в Днепровском лесостепном левобережье славянских поселений VI—VII вв. По раннеславянской тематике в 1975 г. начали заниматься лаборанты А. А. Пескова и Г. А. Усова. Большую помощь оказывает сектору внештатный работник М. А. Тиханова, в 1975 г. редактировавшая посмертный труд Г. Ф. Корзухиной «Предметы убора с выемчатой эмалью V — первой половины VI в. в Среднем Поднепровье». В 1975 г. выпускник истфака ЛГУ М. М. Казанский выступил на секторе с докладом «К вопросу о памятниках культуры пеньковского типа».

Представители направления, связанного с изучением культуры Древней Руси, сосредоточили свои усилия на изучении древнерусского зодчества и археологии городов. П. А. Раппорт в соавторстве с Н. Н. Ворониным в 1973—1976 гг. работал над книгой «Памятники архитектуры древнего Смоленска». А. Л. Якобсон в 1976 г. завершал обобщающий труд «Закономерности развития средневековой архитектуры Византии, юго-славянских стран, Руси, Закавказья и Средней Азии». Ф. Д. Гуревич окончила в 1975 г. исследование «Древнерусские города Попеманья и Побужья». Ею же написана научно-популярная книга «Города Черной Руси».

Исследованием и раскопками новгородских курганов и городища Осовик (Брянская область) занимается К. В. Павлова.

М. В. Малевская, подготовив в качестве кандидатской диссертации монографию «Керамика городов Черной Руси X—XIII вв.», обратилась к изучению архитектуры западнорусских земель второй половины XIII—XV вв. Эта работа, связанная с изысканиями памятников зодчества в западной и юго-западной Руси, будет проводиться под руководством П. А. Раппорта образованной в 1975 г. Вольнской архитектурно-археологической экспедицией.

Следует отметить результативность полевых исследований объектов древнерусского зодчества. Плодотворными оказались поиски каменных сооружений XII—XIII вв. в Полоцке и Новгороде, осуществленные М. К. Каргером. Им в 1972—1974 гг. написаны этюды, объединенные темой «Зодчество Полоцкой земли XI—XIII вв.»² В Смоленске экспедицией под руководством П. А. Раппорта и Н. Н. Воронина в 1962—1974 гг. открыто до 20 ранее неизвестных сооружений XII—XIII вв. В планы руководителя «архитектурной группы» П. А. Раппорта входит наряду с изучением архитектурной школы Галицко-Вольнской Руси издание свода всех известных памятников древнерусской архитектуры додогольской поры. Вместе с тем ощущается острая нужда в подготовке молодых специалистов по архитектурной археологии.

Направление, связанное со славяно-финно-угорской археологией и изучением северо-западной Руси, только разворачивает свою деятельность. Исследования, проводящиеся ныне на территории Архангельской, Ленинградской, Псковской и Новгородской областей, преследуют цель составле-

ния полных сводов их средневековых древностей. Здесь, кроме сплошного обследования сельской периферии, начали исследоваться и города. Плановые работы в Ладого, Орешке, Ямгороде, Кареле, Тиверском городке осуществляются (начиная с 1968 г.) А. Н. Кирпичниковым. Под его руководством с 1974 г. начала работать в Порхове, Велье, Острове и других городах-крепостях Псковская областная археологическая экспедиция. В 1973—1974 гг. А. Н. Кирпичников написал книгу «Военное дело Руси эпохи борьбы за независимость (XIII—XV вв.)» и готовит исследование о средневековых городах-крепостях на территории северо-западной Руси (1972—1977 гг.). О. В. Овсянников в 1974 г. закончил исследование Копорской крепости конца XIII—XVI в., кроме того, он подготовил для трудов Института Арктики и Антарктики публикацию материалов раскопок сибирской Мангазеи. Много внимания уделяет О. В. Овсянников (с 1974 г. он ученый секретарь сектора) изучению городов Архангельского Севера, под его руководством начались раскопки на территории Мирожского монастыря во Пскове. После защиты в 1974 г. кандидатской диссертации «Финно-угорские элементы в материальной культуре Северной Руси» Е. А. Рябинин приступил к созданию тома САИ «Зооморфные украшения северной Руси X—XIV вв.», он же проводит работу по археологической паспортизации памятников Ленинградской области и раскопки «Земляного городища» в Старой Ладого. Курганными древностями Юго-Восточного Приладожья занимается В. А. Назаренко. Его целью является подготовка к 1978 г. выпуска САИ. Эта работа во многом основана на собственных полевых изысканиях автора. Аспирант Е. Н. Носов в 1976 г. завершает диссертацию «Старая Ладога и поселения Приильменя конца I тысячелетия н. э.», он же проводит широкие полевые изыскания на территории Новгородской области. «Западные области Новгородской земли в эпоху раннего средневековья» избраны темой принятой в аспирантуру ЛОИА Н. В. Хвоцинской, уже осуществившей полевые работы на территории Гдовского р-на Псковской области. Аспиранту В. А. Кольчатову в 1974 г. утверждена тема «Вотская земля в XI—XIV вв. (по археологическим данным)».

К сектору с 1974 г. прикреплены три соискателя: В. И. Кильдюшевский («Керамика городов Вотской пятины Новгородской земли XIV—XVI вв.»), О. А. Кондратьева («Изделия костяного ремесла древнего Пскова») и В. П. Петренко («Сопки северного Поволжья как исторический источник»). Заметим, что В. И. Кильдюшевский и В. П. Петренко с 1970—1971 гг. ведут самостоятельные археологические раскопки в Орешке, Старой Ладого и ее окрестностях.

За год работы сектор расширил сферу своей деятельности и пополнился такими молодыми специалистами, как Е. А. Рябинин, В. А. Назаренко, Н. В. Хвоцинская, В. А. Кольчатов. За сотрудниками сектора в целях воспитания будущих специалистов закреплен ряд лаборантов и студентов. Кафедре археологии истфака ЛГУ, кроме того, предложен ряд спецкурсов. Студенты этой кафедры ежегодно участвуют в экспедициях сектора.

П. А. Раппопорт, А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников, Е. А. Рябинин, В. А. Назаренко, Н. В. Хвоцинская принимают постоянное участие в деятельности Ленинградского отделения ВООПИИК (охранные раскопки и паспортизация памятников археологии), а также консультируют некоторые реставрационные работы на территории исторических городов-крепостей.

Планируется проведение совместных русско-эстонских полевых исследований в районе Чудского озера. Пленум ЛОИА АН СССР, посвященный археологическим исследованиям 1974 г., был использован для встречи в научно-организационных целях представителей учреждений, осуществляющих археологическое изучение на северо-западе и севере СССР. Сектор налаживает обмен научной информацией с археологическими учреж-

дениями союзных республик, музеями и другими организациями, осуществляются специальные поездки, консультации и доклады специалистов, участие в сборниках, обмен опытом полевой работы.

В активе сектора издание сборника «Культура средневековой Руси», посвященного 70-летию М. К. Каргера. Сотрудники подразделения принимают активное участие во всесоюзных конференциях и симпозиумах, посвященных, например, изучению древнего Новгорода (Новгород, 1974 г.), Северной Руси в эпоху средневековья (Ленинград, 1975 г.). Сектор сотрудничает с межвузовским головным советом по историческим наукам на северо-западе РСФСР.

В составе сектора организованы и результативно проводятся многоотрядные экспедиции Ленинградская, Староладожская, Псковская областная, Смоленская, Новгородская, Волинская. Регулярные полевые исследования ведутся на территории Архангельской, Ленинградской, Новгородской, Вологодской, Псковской, Смоленской, Полтавской, Гродненской областей. Экспедиции сектора проводятся в сотрудничестве с музеями (например, Смоленским, Псковским, Новгородским, Музеем истории Ленинграда), Обществом охраны памятников истории и культуры, Управлениями культуры Ленинградского, Псковского, Новгородского облисполкомов, кафедрой археологии истфака ЛГУ и другими организациями. Сектор способствует пополнению музеев новыми экспонатами. Так, предметы из раскопок крепости Орешек (в 1968—1974 гг.) составили основу археологической экспозиции Музея истории Ленинграда. В 1975 г. началась передача в Эрмитаж коллекции вещей полностью исследованного под руководством М. К. Каргера в 1957—1964 гг. древнего Изяславля. Коллекция насчитывает (не считая керамики) более 25 тыс. предметов, точно датированных первой половиной XIII в. Намечены к передаче в Эрмитаж древности из раскопок Новогрудка (1956—1974 гг.) и Торопца (1957—1958 и 1960 гг.).

На заседаниях сектора, исполненных всегда взыскательности и требовательности, помимо докладов заслушиваются рецензии на работы советских и зарубежных ученых. Практикуются сообщения о новых находках и тематические обзоры литературы, выпущенной, например, в республиках Прибалтики (П. А. Раппопорт, В. П. Петренко, А. Н. Кирпичников, Ф. Д. Гуревич). Сотрудники сектора активно участвуют в социалистическом соревновании. По итогам 1974 г. коллектив добился отличных показателей в отношении написания и публикации книг, статей и ведения научно-пропагандистской работы.

В целом деятельность нового научного подразделения ЛОИА находится на подъеме, при этом все большее значение наряду с научными отводится и научно-организационным вопросам. У сектора есть все возможности для укрепления своего положения как высококвалифицированного и авторитетного научного коллектива.

¹ Петр Николаевич Третьяков скончался 12 июня 1976 г.

² Михаил Константинович Каргер скончался 26 августа 1976 г.

(Содержание)

Вып. 141

I. Статьи

- З. А. Абрамова. Палеолит Енисей (предварительные итоги исследования Красноярской экспедиции).
 М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев. О фацциальности в верхнем палеолите (по материалам Каменной балки II).
 В. И. Тимофеев. К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики.
 Г. Н. Магюшин. К вопросу о раннем неолите Урала.
 Б. А. Фоломеев. К вопросу о памятниках «дубровичского» типа бассейна средней Оки.

II. Материалы

- Б. Г. Ерицян. Новая нижнепалеолитическая пещерная стоянка Лусакерт I (Армения).
 Е. В. Щелинский. Трасологическое изучение функций каменных орудий губской мустьерской стоянки в Прикубанье.
 В. Я. Сергин. О первом жилищно-хозяйственном комплексе Елисеевичей.
 В. Ф. Копытин. Позднемезолитическая стоянка Печенеж.
 В. П. Левенко. Мезолитические и неолитические кремневые орудия Селецких дюн.
 М. П. Долуханов, В. И. Тимофеев, Г. М. Левковская. Стоянка Цедмар Калининградской области.
 С. В. Ошибкина. Неолитические стоянки запада Вологодской области.
 Р. В. Козырева. Керамика типа сперригс со стоянки Ильинский остров Архангельской области.
 В. И. Беляева. Кремневая мастерская на реке Шугур в Туве.
 И. М. Ермолова. Остатки млекопитающих из неолитической стоянки на р. Олон.
 А. Ф. Дубинин. Каменные орудия с Троицкого городища.
 Т. Д. Белановская. К вопросу о рыболовстве в период неолита на нижнем Дону (по материалам поселения Ракушечный Яр).
 А. Н. Мелентьев. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия).

Вып. 142

Статьи

- Е. К. Черныш. Место поселений борисовского типа в периодизации трипольской культуры.
 И. А. Николаева, В. А. Сафронов. Происхождение костяных молоточковидных булавок.
 С. В. Ошибкина. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры.
 В. П. Третьяков. Соотношение поздильковских памятников и культуры сетчатой керамики.
 А. П. Журавлев. О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии.
 А. Н. Мелентьев. Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия.
 М. И. Пшеницина. Глиняная «голова» — предшественник таштыкской гипсовой маски.

- Т. Ф. Кулькова. Химическое исследование глиняных «голов» из склепов и могил теосинского этапа.
 В. Г. Петренко. К вопросу об употреблении булавок скифами в VI—IV вв. до н. э.
 А. Я. Щегленко. Роль географической среды в становлении производящего хозяйства Индостана.
 Е. Е. Кузьмина. К вопросу о формировании культурного комплекса могильника Кхерай.

Публикации

- С. И. Корнеевский. Комплекс бронзовых орудий майкопского погребения у станицы Псебайской.
 В. И. Марковин. Составной дольмен у села Азербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кыфар.
 Г. Н. Магюшин. Давлеканово IV — новое поселение эпохи бронзы в Южном Приуралье.
 А. И. Пузикова. Работы Курского отряда в 1972 г.
 О. Н. Мельницкая. Шабалиновское городище.
 И. В. Гаерилова. Новое зооморфное изображение на керамике Федоровского поселения.
 К. А. Смирнов. О назначении керамических фигурок с дьяковских городищ.
 И. А. Аванасева. Жаман-Узен II — атасуский могильник Центрального Казахстана.
 И. Н. Хлопин. Поселение эпохи бронзы Пархай-депе.
 М. А. Дзвлет. Находки скифского времени на стоянке Азас I в северо-восточной Туве. Некролог. [О. Бердыев].

Вып. 143

- [А. Н. Карасев]. К вопросу о водоснабжении ольвийского гимнасия.
 [А. Н. Карасев], Е. И. Леви. Раскопки ольвийской агоры в 1970 г.
 [И. И. Сокольский]. Крепость аспургиан на Боспоре.
 Е. М. Алексеева. Раскопки эллинистического дома в Горгишпи.
 Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Работа Нижне-Донской экспедиции в 1970—1972 гг.
 В. Д. Блаватский. О скифской и сарматской этнонимике.
 А. И. Волгунова. Фрагменты надписи о строительстве башни в Тапансе.
 О. Д. Дашевская, Б. Ю. Мизлин. Сипонская амфора с надписью Майдата.
 В. С. Долгоруков. Исследования береговой части Фанагории в 1971—1972 гг.
 И. В. Зеест. Поиск восточной границы архаической Гермонассы.
 М. М. Кобылина. Штамп с изображением Тихи из Фанагории.
 И. Т. Кругликова. Бронзовая гидрия из Анапы.
 К. К. Марченко. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV — первой половины I в. до н. э.
 Э. Я. Николаева. Раскопки терм в Кепях.
 И. А. Онайко. Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971—1972 гг.
 Б. Г. Петерс. О некоторых металлических изделиях из античного поселения у с. Михайловки.
 И. Р. Пичикин. Архаическая капитель анта из Керчи.
 И. П. Сорокина. Антиохийский расписной сосуд из Тапанса.
 О. И. Усачева. Надгробия из Кеп с изображением женской фигуры.
 Г. А. Цветаева. Кирпичи с тамгой из Горгишпи.
 И. Г. Шургая. Центральный район Илурата.
 А. И. Щеглов. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса.
 Памяти Александра Николаевича Карасева.
 Список печатных работ А. Н. Карасева.
 Памяти Николая Ивановича Сокольского.
 Список печатных работ И. И. Сокольского.
 Памяти Марии Ивановны Максимовой.

I. Статьи

- Е. А. Горюнов. О памятниках волинецкого типа.
 В. А. Кузнецов, А. А. Мединцева. Славяно-русская надпись XI в. из села Преград-ного на Северном Кавказе.
 М. А. Сабурова. О жепских головных уборах с жесткой основой в памятниках домоц-гольской Руси.
 Т. Н. Никольская. Сельское хозяйство и промыслы в городах земли вятичей.
 А. Н. Кирпичников. Мечи из раскопок древнего Изяславля.
 Е. А. Рябинин. Зооморфные украшения Костромского Поволжья.
 А. В. Чернецов. К изучению символики новгородских врат 1336 г.
 Д. А. Беленькая. О грамотности московских горожан в XIV—XVII вв.
 Т. В. Равдина. Болшевские находки и одна коллекционная ошибка.

II. Полевые исследования

- А. В. Гадло. Городище Казар-Кала (к вопросу о хазарской культуре в северном Даге-стане).
 В. В. Седов. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг.
 П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова. Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске.
 В. А. Булкин. Курган 7 из раскопок С. И. Сергеева в Гнездове.
 З. М. Сергеева. Курганы у дер. Новинки (Витебская обл.).
 К. И. Комаров. Новые раскопки Купанского могильника.
 М. Е. Васильев. Городище Заволжье.
 Н. Б. Черныш. Дендрохронология древнего Орешка.
 Ю. Ю. Моргунов. Новый вариант печати Владимира Мономаха.
 С. В. Белецкий. Миска с палевым валиком из Старого Изборска.

III. Хроника

- М. Д. Полубояринова. Сектор славяно-русской археологии в 1973 г. Информация о докладе П. Н. Аркатова о новой идее реконструкции храма Покрова на Нерли.

Вып. 145

Статьи

- А. П. Чубова, Б. Н. Федоров. Вопросы реконструкции живописных надгробий Хер-сонеса.
 В. И. Кадеев. К вопросу о царствовании Девы в Херсонесе.
 В. П. Жеребцов. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э.
 А. А. Масленников. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Во-сточного Крыма.

Публикации

- М. М. Лесницкая. Аттическая стела из Одесского археологического музея.
 А. А. Зедгендзе. Исследования северо-западного участка античного театра в Хер-сонесе.
 Н. А. Онайко. Раскопки античного поселения в Геленджикской бухте.
 В. И. Цезмистренко. Синопское клеймо из Горгишпи.
 Е. М. Алексеева. Керамический комплекс первой половины III в. до н. э. из Горгиш-пи.
 И. Д. Марченко. Новые виды боспорской эллинистической керамики.
 О. Д. Дашевская. Каменные склепы Беляусского могильника.
 А. И. Салов. К вопросу о топографии Горгишпи.
 В. И. Брашинский. Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Н. Дону.
 К. К. Шилик. К вопросу о западной границе нижнего города Ольвии.
 В. С. Долгоруков. Фанагорийская винодельня I—II вв. н. э.
 С. Ю. Сапрыкин. Каппадокийская монета I века до н. э. из херсонесской усадьбы.

- Э. А. Сымонович. Подражения амулетам из египетского фаянса в Нижнем Подне-провье.
 Б. Г. Петерс. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения.
 Т. В. Блаватская. Фанагорийская надпись Савромата I.
 Д. Б. Шелов. Скульптурное надгробие из Тапанса.
 М. М. Кубланов. Новые памятники некрополя Илурата.
 М. М. Герасимова. Население античной Фанагории по палеоантропологическим дан-ным.

Хроника

- Т. М. Арсеньева. О работе античного сектора в 1974 г.
 Е. Г. Кастанаян. Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1971—1974 гг.

Вып. 146

Статьи

- Г. П. Смирнова. Лепная керамика древнего Новгорода.
 В. С. Давыдчук, И. К. Фролов. К истории заселения орловского течения реки Оки в I тысячелетии н. э.
 Н. В. Хвоцинская. Население восточного побережья Чудского озера по материалам курганов у деревень Залахтовы и Калихновщины.
 Ф. Д. Гуревич. Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья.
 А. В. Чернецов. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий.
 Ю. А. Краснов. Об одном типе пахотных орудий Древней Руси.

Полевые исследования

- Л. В. Алексеев. Древний Мстиславль (по материалам раскопок 1959—1964, 1968 и 1969 гг.).
 М. К. Каргер. К истории галицкого зодчества XII—XIII вв.
 О. Н. Мельниковская. Обследование древнего Радомля.
 С. И. Кочуркина. Тверск.
 А. А. Юшко. Историческая география Московской земли (из предыстории с. Битягов-ского).
 Е. Н. Носов. Поселение у волховских порогов.
 И. В. Дубов. Новые раскопки на Тимаревском могильнике.
 В. В. Седов. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска.
 В. А. Назаренко. Раскопки курганов на реке Тихвинке.
 Г. В. Харитонов. Дудневский курганный могильник.

Хроника

- М. Д. Полубояринова. Сектор славяно-русской археологии в 1974 г.
 О. В. Овсянников. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1973 г. Памяти А. Л. Монгайта.
 Список печатных трудов А. Л. Монгайта.

Вып. 147

Средняя Азия

- Ю. А. Заднепровский. Укрепления чувствских поселений и их место в истории первобыт-ной фортификации Средней Азии.
 Л. И. Хлопина и И. Н. Хлопин. Раскопки могильника Сумбар I в 1972—1973 гг.
 А. М. Мандельштам. К характеристике памятников ранних кочевников Закаспия.
 Е. Е. Кузьмина. Гроческий курор в Бактрии.
 А. В. Пайкова, Б. И. Маршак. Сирийская надпись из Пенджикента.
 В. И. Распова. Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII—VIII вв.

А. Анарбаев. К вопросу о водоснабжении и озеленении городов Средней Азии в пред-арабское время (по материалам Пенджикента).

И. Б. Венгвич. Музыкальные инструменты древнего Согда (по данным росписи Пенджикента).

Сибирь

Л. П. Хлобыстин, С. В. Студзицкая. Древние памятники на Западе плато Путорана.

М. Ф. Косарев, В. Ф. Зайберг. Поселение Ишкуль VIII.

Н. Л. Членова. Андроновские и Ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай).

В. И. Мошинская. К вопросу о каменных плитках с рельефными головами баранов.

В. А. Могильников, Б. Б. Овчинникова. Исследование Оськинского городища.

Т. М. Потемкина. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол.

Ю. С. Гришин. О некоторых орудиях древнейшего горного дела из Забайкалья.

Ю. И. Грифинов. Новый тип памятников раннего железного века в Туве.

М. А. Дэвет, И. В. Богданова-Березовская, И. И. Терезова. Чугунный сосуд из Тувы.

Хроника

Хроника сектора Средней Азии и Кавказа.

Л. А. Евтюхова . Некролог.

Вып. 148

Статьи

Д. В. Деоник. Соотношение статистических методов, классификаций и культурно-стратиграфических характеристик в археологическом исследовании.

И. Б. Брашинский. Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античном Причерноморье.

И. Б. Леонова, Ю. А. Смирнов. Погребение как объект формального анализа.

Г. С. Лебедев. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов).

И. П. Русанова. Один из методов классификации раннеславянской керамики.

Л. Л. Гуревич. Методика архитектурных обмеров и обмерная документация в Пенджикентской археологической экспедиции.

И. Б. Виноградов, В. А. Петренко. К происхождению Сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа.

Полевые исследования

В. Г. Алиев. Наскальные изображения Гемигая.

А. В. Куйбышев. Древние стоянки Кулунды.

В. К. Квициниа. Античное погребение в с. Атара.

Г. И. Соколов. Склеп у поселка Приморский на Тамани.

М. А. Тиханова. Жилище ремесленника-древотка на поселении у с. Лука-Врублевская на Днестре.

К. А. Смирнов. Городище «Графская гора».

К. И. Комаров. О работах Верхневолжской экспедиции на р. Сити.

К. В. Палова. Раскопки курганов у деревень Селец и Ботаревка в Понеманье.

Г. И. Пронин, А. С. Смирнов. Работы Деснинского левобережного отряда в 1973 году.

Г. В. Харитонов, И. Г. Поргиагин. Раскопки селища Белый городок на средней Моголе.

Д. Л. Талис. Городище Тепе-Кермен.

О. В. Овсянников. О каменных палатках XVII в. в северо-русских городах.

Мезолит СССР

(Итоги второго мезолитического совещания)

И. И. Гурина. Некоторые итоги изучения мезолита СССР в последнее десятилетие и ближайшие задачи.

В. И. Тимофеев. Абсолютная датировка мезолита Европы по данным C^{14} .

Л. М. Долуханов. Мезолит: экологический подход.

Н. М. Ермолова. Вопросы формирования мезолитической культуры в связи с природной обстановкой.

И. И. Гурина. К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР.

Д. Я. Телегин. К вопросу о критериях выделения мезолитических памятников на юго-западе европейской части СССР.

М. К. Габуния, Л. Д. Церетели. Мезолит Грузии.

Л. Г. Мацкевой. Некоторые итоги изучения мезолита восточного Крыма.

В. И. Станко. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья.

В. Ф. Исаенко. Мезолит Припятского Полесья.

В. Ф. Копытин. Мезолит юго-восточной Белоруссии.

Р. К. Римаитене. Основные черты мезолита Литвы.

И. А. Загорска, Ф. А. Загорскис. Мезолит Латвии.

Л. Я. Крижевская. Еще раз о мезолите среднерусского Днепро-Донского междуречья.

И. И. Гурина. Основные особенности мезолитических памятников Волговерховья.

Г. А. Панкрушев. Памятники эпохи мезолита в Карелии.

И. В. Верещагина. Мезолитические памятники на Северной Двине.

М. Г. Косменко. Мезолит Среднего Поволжья.

А. И. Мелентьев. Мезолит Северного Прикаспия.

В. Ф. Старков. Мезолит лесного Зауралья и Западной Сибири.

Г. Ф. Коробкова. Мезолит Средней Азии и его особенности.

А. П. Окладников. Мезолит Дальнего Востока.

И. И. Диков. К проблеме мезолита на Камчатке.

А. Я. Щетенко. Мезолит Индостана.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты Археографической экспедиции
АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
Банк, 1966	— А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.— М., 1966.
ВВ	— Византийский временник
ВООПИИК	— Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ВС	— Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909
ВЭО	— Вольное экономическое общество
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГМИЛ	— Государственный музей истории Ленинграда
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии
ИГАНМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ОИРК ГЭ	— Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИКГ	— Памятники истории Киевского государства
ПИХАМЗ	— Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПУАК	— Пермская ученая архивная комиссия
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СМ	— Н. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935
СЭ	— Советская этнография
ТИЭ	— Труды Института этнографии Академии наук СССР
Тревер, 1937	— К. В. Тревер. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.— Л., 1937.
SCIV	— Studii și cercetări de Istorie Veche. București

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Т. И. Никольская. Сельские поселения Земли вятичей	3
Е. Н. Носов. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги	10
В. А. Башилов, А. В. Куза. Стратиграфические исследования на Большом Горнальском городище	17
А. В. Чернецов. Сцена пахоты на миниатюре Радзивилловской летописи	23
П. А. Раппопорт. Знаки на плинфе	28
З. М. Сергеева. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси	34
В. П. Глазов. О курганах Костромского Поволжья	37
А. Л. Якобсон. Гончарные центры VIII—IX вв. в Таврике	42
В. Ю. Леценко. О ритуальном использовании серебряных сосудов с отверстиями	48

Полевые исследования

В. П. Петренко. Раскопки сопки в урочище Победице близ Старой Ладоги	55
Н. В. Хооцинская. О новом типе курганов в могильнике у дер. Залахтово	62
В. В. Седов. Себежские курганы	68
Ю. Ю. Моргунов. Три древнерусских городища Верхнего Посулья	74
<u>М. К. Каргер</u> . Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке	79
Р. М. Джанполадян. Византийское стекло из раскопок Ани	85
Р. Л. Розенфельдт, К. А. Смирнов. Замки и ключи с городища Хлепень	89
С. В. Белецкий. Керамика городища Камно Псковской области	92
М. Е. Васильев. Городище Ржева Пустая	96
О. В. Овсянников. Новые данные о Емецком городище XV в.	97

Хроника

Г. К. Вагнер. А. Василиев, Т. Силяновска-Новикова, Н. Труфешев, И. Любенова. Каменная пластика. София, 1973	104
А. И. Кирпичников. О задачах и работе Сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1974—1975 гг.	107
Указатель: Краткие сообщения Института археологии, выпуски 141—149 (содержание)	112
Список сокращений	118

Средневековые древности

КСИА, вып. 150

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор Е. П. Прохоров
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор П. Н. Плохова
Корректор Ю. Л. Косорыгин

Сдано в набор 25/II 1977 г. Подписано к печати 17/У 1977 г.
Формат 70×108^{1/4}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 2000.
Т-10209. Тип. зак. 1926.
Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10